Т. Ананичева
Л. Суханова

ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ПОВОЛЖЬЯ

Москва «Музыка»

ББК 782
А 64

Рецензенты:

кандидат искусствоведения
А. М. МЕХНЕЦОВ,
кандидат искусствоведения
В. М. ШУРОВ

Ананичева Т., Суханова Л.
А 64 Песенные традиции Поволжья.— М.: Музыка, 1991, 176 с., нот.

ISBN 5-7140-0213-X

Настоящая работа имеет учебно-методическую направленность, рассчитана на студентов музыкальных вузов, руководителей народных хоров. Книга посвящена песенным традициям народов Поволжья: формам бытования музыкального фольклора, системе жанров, типам, видам, сюжетам песен, музыкально-стилевым особенностям. В приложении впервые публикуются зимние календарные, весенние, свадебные обрядовые песни, записанные авторами пособия и под их руководством. Издается впервые.

А $\frac{4905000000-347}{026(01)-91}$ 68—90

ББК 782

ISBN 5-7140-0213-X

© Ананичева Т. М., 1991 г., Суханова Л. Ф., 1991 г.

ОТ АВТОРОВ

В настоящее время в нашей стране остро ощущается нехватка специалистов в области хорового и сольного народного пения, которые могли бы руководить профессиональными и самодеятельными коллективами народной ориентации, обладали бы глубокими знаниями фольклора, региональных и национальных песенных традиций. Это обстоятельство вызвало необходимость открыть в высших и средних учебных заведениях соответствующие отделения по подготовке руководителей народного хора и сольного народного пения. Такие отделения впервые в нашей стране появились в конце 60-х годов в ГМПИ им. Гнесиных и Саратовской консерватории (отделения руководителей народного хора). Важнейшей составной частью обучения в них стало освоение областных песенных традиций. Специальный курс, который читается на этих отделениях, посвящен северорусским, южнорусским, казачьим, западнорусским, средневолжским, уральским, сибирским песенным традициям, а также песенным традициям центральных областей России. Он ставит перед собой задачу дать студентам определенную сумму знаний по каждой из региональных традиций, научить их различать признаки этих традиций и применять свои знания на практике.

Сейчас, когда в высшей школе первостепенное значение придается самостоятельной работе студентов, стала ощущаться и нехватка в учебно-методической литературе, которая по данному предмету еще только складывается.

Настоящее пособие посвящено песенным традициям народов, населяющих территорию по среднему течению Волги. Данный курс предполагает теоретическое и практическое освоение предмета. Первое включает в себя пассивный и активный методы изучения программного материала. Пассивный метод состоит в прослушивании студентами курса лекций, снабженных граммофонными и фонозаписями, диапозитивами, диафильмами и т. д. Активное усвоение материала включает целенаправленную проработку специальной литературы, анализ волжских песен разных жанров и их сравнение с вариантами песен других регионов на те же сюжеты, собственноручное нотирование фольклорных записей, слуховой анализ (не только музыкально-поэтических особенностей, но и особенностей исполнительства, диалекта, тембров, тесситуры голосов и т. д.). Практическое освоение заключается в выучивании нескольких волжских песен разных жанров в ансамблевом и сольном изложении.

Возможности изучения местных песенных традиций в разных учебных заведениях различны, поэтому настоящее пособие не претендует на подробный методический разбор. Список рекомендуемой литературы, которым снабжена работа, призван содействовать более глубокому ознакомлению с материалом. Список включает музыкально-теоретические статьи, литературу по истории и этнографии края, сборники народных песен. Нотное приложение представляет собой подборку песен разных жанров, записанных в экспедициях и нотированных авторами пособия и студентами отделения по подготовке руководителей народных хоров в ГМПИ им. Гнесиных. Все приводимые в пособии образцы рекомендуются нами как для аналитического освоения, так и для разучивания с целью последующего исполнения на концертной эстраде не только учебными, но и профессиональными и самодеятельными коллективами. В большинстве нотаций мы стремились максимально отразить особенности местного диалекта, специфические приемы исполнения, которые зафиксированы графикой, принятой в современных фольклорных изданиях. Перед будущими руководителями народных хоров и певцами-солистами стоят задачи сценического воплощения фольклора, передачи местных особенностей, проникновения в дух и характер народа. Решить эти задачи поможет глубокое знание песенных традиций, освоение всей культуры народа, понимание исторических условий, в которых она развивалась.

Глава I

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ — НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ

§ 1. К истории формирования населения Среднего Поволжья

Бассейн реки Волги и ее притоков охватывает семнадцать областей и шесть автономных республик Российской Федерации. Народно-песенная культура этого обширного региона базируется на северорусских, западнорусских, южнорусских, средневолжских, казачьих песенных традициях. Подобно языковым диалектам, песенные традиции не имеют резких границ. Поэтому для народного песенного искусства Калининской области, например, характерны черты как западнорусской, так и северо- и среднерусской музыкальных культур; Костромской, Ивановской, Владимирской, Ярославской, Горьковской, Кировской областям в разной степени присущи черты северорусского и средневолжского песенного творчества. В то же время в Ульяновской, Пензенской, Куйбышевской областях преобладают средневолжские песенные традиции, а в песенном искусстве Саратовской, Волгоградской, Астраханской и Оренбургской областей прослеживаются черты южнорусской, казачьей, средневолжской песенных культур. Некоторые черты средневолжских песенных традиций находят аналогии в народном музыкальном творчестве Рязанской и Тамбовской областей[1]. Те же песенные традиции сохраняет русское население в автономных республиках Поволжья и Приуралья.

Территория историко-этнографического района, где сложился комплекс народно-песенных традиций, называемых нами средневолжскими, охватывает три географические зоны, разнообразные по своим природным факторам: лесную на севере, лесостепную в центральной части и степную на юге. Все они связаны между собой, а также с соседними районами России рекой Волгой и ее притоками. На территории Среднего Поволжья и Приуралья в наши дни проживают народы трех различных групп: восточнославянской (русские, небольшое число украинцев и белорусов), финно-угорской (мордва, марийцы, удмурты), тюрко-татарской (татары, чуваши, башкиры). Одной из характерных особенностей края является то, что тюрко-татарские и финно-угорские народы Поволжья (особенно татары, чуваши, мордва) живут не только на территории своих республик, но и в селах, расположенных чересполосно с русскими селами по всему Среднему Поволжью. Наличие водных путей издавна создавало благоприятные условия для общения пришлого и коренного населения края, что, в свою очередь, способствовало формированию единой песенной культуры. Народно-песенные традиции, сложившиеся в центральной части Волжского бассейна, сравнительно позднего происхождения. Они включают элементы музыкального искусства всех региональных стилей Европейской России, а также финно-угорских и тюрко-татарских народов Поволжья и Приуралья. В основе песенного искусства Среднего Поволжья лежат традиции крестьянского народного творчества. Наиболее полно они выступают в районах с исконно земледельческим населением, в то время как в бывших острогах и крепостях, расположенных непосредственно в зоне охранных засечных линий, стилевые черты крестьянского песенного творчества сочетаются с чертами музыкального быта сторожевого населения. Таким образом, волжский песенный стиль, характеризующийся взаимопроникновением традиций славянских, финно-угорских и тюрко-татарских народов, многосоставен.

Среднее Поволжье входит в Урало-Волжскую историко-этнографическую область, где сложился особый тип этнических общностей. В то же время почти все народы Поволжья имеют по несколько этнических групп. Наиболее крупные из них: мордовские (эрзя, мокша), татарские (казанские татары, мишари, кряшены), чувашские (верховые, низовые чуваши), марийские (горные, луговые мари), удмуртские (северные, южные удмурты). Народы Среднего Поволжья были издревле объединены общностью исторических судеб, поэтому, изучая фольклор этих народов, необходимо помнить, что взаимодействие их культур привело к использованию единой лексики[2]. Последняя включает названия природных явлений, понятия родства и семейных отношений, слова, связанные с музыкой, искусством, развлечениями, образованием, воспитанием, мифологией, фольклором, обрядами.

Заселение Среднего Поволжья славянами, а затем русскими, после разделения древнерусской народности на русских (в состав которых вошла часть славянских и финно-угорских племен), украинцев, белорусов (см.: *26, 38*), было обусловлено первоначально стремлением славянских и ряда финно-угорских племен к культурным и торговым связям с другими народами. Появление славян на Волге, согласно письменным источникам и археологическим раскопкам, относится еще к первым векам нашей эры. В это время из глубин Центральной Азии в Европу стали продвигаться различные кочевые племена и оттеснять славянские, а также соседствующие с ними финно-угорские племена в леса Верхнего Поволжья и Прикамья. В первых веках нашей эры в верхнем течении Оки и Дона расположились славянские племена, на северо-востоке — чудь, в степях Юго-Восточной

[1] Археологические данные говорят о том, что на месте славянского городища Старая Рязань находилось древнемордовское поселение, а в слове «Рязань» звучит название мордовского племени эрзя — эрзянь. См.: Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани//По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1953. С. 295—296. Тамбов — «омут» *(морд.)*.

[2] Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

Европы — племена булгар. К VII веку булгары объединили различные по языку племена, жившие в Приазовье, и распространили на них свой язык, относившийся к тюркской языковой ветви. Это племенное объединение (Великая Булгария) уже во второй половине VII века после смерти правителя, князя Курбата, распалось. Один из пяти его сыновей с частью племен ушел на Дунай, на территорию современной Болгарии. Под натиском хазар часть болгарских племен откочевала на Среднюю Волгу. Образовавшийся в VII веке в причерноморских и прикаспийских степях Хазарский каганат подчиняет себе население Среднего Поволжья и ведет оживленную торговлю со славянскими племенами. По свидетельствам средневековых путешественников, в хазарской столице Итиле (на месте современной Астрахани) находились постоянные жилища славянских купцов[3]. К концу X века на территории Среднего Поволжья образовалось государство Волжская Булгария со столицей в г. Булгаре. Между Булгарией и русскими княжествами устанавливаются культурные и экономические отношения; кроме того, в Булгарию бегут славяне, противившиеся крещению в период утверждения христианства на Руси[4]. В X веке происходит массовая колонизация славян в среднем течении Оки[5]. Жившие здесь древнемордовские племена частично ассимилируются, частично уходят в низовья Оки (мещера, мурома); за Волгой живут мари. В 1152 году князь Георгий Владимирович Долгорукий основывает г. Городец (он же Малый Китеж), а в нем — монастырь[6], как оплот христианства. В XII веке торговые пути русских доходят до устья р. Камы[7], а в конце XII века на р. Вятке, на территории, заселенной удмуртами, строится русский город Хлынов (1781— Вятка, с 1934— Киров). В 1221 году князь Юрий Всеволодович основывает в устье Оки Нижний Новгород.

В 1236 году в результате вторжения Батыя на Волгу Булгарское государство прекращает свое существование. В Поволжье образуется Золотая Орда с центром в г. Сарае. Завоеватели требуют от покоренных народов в качестве дани десятую часть имущества. Пленных они держат в качестве рабов[8]. По мере укрепления Московского государства русские князья проявляют бóльшую самостоятельность в своих действиях, умножаются их военные походы против золотоордынских ханов, а уже в 1392 году московский князь Василий I присоединяет к Москве Нижний Новгород;

---

[3] Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. Спб., 1896. С. 158, 165.

[4] Перетяткович Г. Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877. С. 69.

[5] Йокка *(финск.)* — река.

[6] Город строился на берегу озера. По преданию, это озеро образовалось от провала на месте древнего поселения. В этом озере крестили местное финно-угорское население. См. Календарь Нижегородской Епархии (далее *Н. Е.*) в память исполнившегося в 1888 году 900-летия крещения Руси/Составил Діакон А. Снежницкий. Нижний Новгород, 1888. С. 243—244.

[7] «Из удм. Кат — „река; течение; Кама“» (*70,* т. II, с. 172).

[8] См., например: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 56.

в том же году на левом берегу р. Суры[9] возникает г. Курмыш[10]. Зе́мли по р. Суре получает Спасско-Благовещенский монастырь (1393). На луговой стороне Среднего Поволжья влияние Ордынского, а затем, после распада Золотой Орды, Казанского (1436—1552) ханств было значительным. Здесь жили чуваши, марийцы, арские удмурты и булгары, которых летописцы называли «черемисой». В XIV—XV веках эта территория стала местом расселения и татар-кыпчаков. Однако русские все более интенсивно осваивают этот край. В 1489 году в состав Русского государства входит г. Хлынов. С походом Василия III на Казань[11] связано основание в 1523 году в устье р. Суры г. Васильсурска. В середине XVI века Иван IV в своих походах достигает р. Свияги и в 1551 году вблизи г. Казани на р. Свияге основывает г. Свияжск, куда «поселяет... служилых людей, стрельцов, боярских детей»[12]. С возникновением города живущие на правой стороне р. Волги народы — чуваши, марийцы, мордва, татары — признают власть русского царя[13]. В самой Казани в 1551 году находилось более 100 000 русских пленников. В 1552 году Казань была взята русскими. Вместе с русскими в борьбе против Казани участвовали и финно-угорские народы Поволжья, что нашло отражение в устной народной поэзии. Так, в марийской песне о Рознеге Черемисянине рассказывается об участии марийского юноши в походе Ивана Грозного и при взятии Казани:

...Взговорит ему малый юныш:
Ой, ты, батюшка, наш православный царь
Иван Грозен Васильевич!
Ты сбери-ка свою силу войскую,
Давай, выступим мы во чисто поле
До украйнего Нижнего городу[14].
В Нижнем городе остановимся,
За реку Волгу переправимся,
За рекой Волгой все леса дремучие,
Там живут люди неверные,
Все чуваши с черемисами.
Там нет у них большой дороженьки,
У родимого государя мого батюшки
Тамо есть большая надеженька —
Рознега Черемисянин.
Провести он хотел через темны леса
До Казани, славного городу...[15]

---

[9] Возможно, финно-угорского происхождения: Suur¦i *(финск.)* — большой, suur *(эст.)* — большой, крупный, великий.

[10] Курмы́ш — «поселение» *(симб.)* и «отдаленная пашня» *(сарат.)* (см.: *70,* т. II, с. 427).

[11] Каза́нь «...происходит из тат. Kazan — „котел“ или из тюрк. собств. Kazan» (*70,* т. II, с. 159).

[12] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Спб., 1908. Т. 21. С. 641.

[13] Там же. См. также: Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 45.

[14] Г. Свияжск.

[15] Ширяева П. Г. Новые фольклорные материалы о марийско-русских взаимоотношениях в период присоединения Поволжья к Руси//Марийская литература, искусство и народное творчество. Йошкар-Ола, 1966. С. 152—162.

Известны также несколько записей текстов мордовской песни о девушке Саманьке (Сашейке, Сашеньке), которая помогла русскому войску взять Казань:

...Батюшка, великий государь,
Дай мне пятьдесят человек с человеком,
Дай мне с порохом
Пятьдесят бочонков с бочонком.
Вот подрылась Саманька
Под Казань-город близко,
Под казанскую стену низко,
Накатала Саманька
Пятьдесят бочонков с бочонком,
Воткнула Саманька
В каждом бочонке по восковой свече в порох...
...Дошли свечки до каждого бочонка —
Взяли Казань рвать,
Взяли стену метать...[16]

Со взятием Казани территория Казанского, а с 1556 года также и Астраханского ханств вошла в состав Русского государства.

С этого момента заселение русскими Среднего Поволжья связано с укреплением границ государства — от набегов ногайцев с юга, башкир с востока. На берегах крупных рек строятся новые укрепленные пункты и города: г. Лаишев на р. Каме (на месте переправы кочевников, 1557), г. Тетюши (1578), Царевококшайск (Йошкар-Ола, 1578), Уфа (1586), Самара[17] (1586), Царицын[18] (1589), Саратов[19] (1590). Вокруг городов возникают многочисленные поселения: писцовые книги XVI века свидетельствуют о том, что земли Средней и Нижней Волги получали ярославские, суздальские, черниговские, новгородские князья и переводили на них своих крестьян. В 1555 году в Казанском крае учредилась епархия, и церковь развернула активную деятельность по обращению нерусских народностей в православие; огромную роль сыграли монастыри, строившиеся на якобы «порожжих», «ничьих» землях. Так, в середине XVI века был основан Арзамасский Спасский монастырь, получивший во владение мордовские земли[20] по р. Сереже и ее притокам «со всеми угодьями, пахотными полями, сенокосами и лесами» (*Н. Е.*, с. 252). Правительственная и монастырская колонизация открыла дорогу вольной колонизации. Со всех концов Руси хлынули в Поволжье крестьяне. Они часто также селились на землях местных народов.

В одной из мордовских исторических песен повествуется о том, как мордовская земля оказалась во владении русских князей:

На горах, на горах-то на Дятловых
Мордва богу молится,
Земле-матушке на восток поклоняется.

[16] См.: *128*, № 4—8.
[17] Самара *(тат.)* — воловье ярмо, которое надевали русским, отказывавшимся принимать мусульманскую веру.
[18] Царицын — от сарысу *(тюрк.)* — цвет воды, несущей песок и глину, сары-чин — желтый остров.
[19] Сары-тау *(тат.)* — желтые горы.
[20] «Арзамас» происходит от названия племени эрзя.

Едет мурза, московский царь по Воложке,
По Воложке, по Камышке.
Говорит мурза слугам своим:
— Слуги вы мои верные,
Вы взгляните-ка на Нижний град,
Поглядите-ка на те горы, на Дятловы,
Что это за березник мотается, шатается,
К земле-матушке преклоняется?..
Слуги возвратились,
Низко царю поклонились:
— Это мордва своему богу молится,
К земле-матушке преклоняется.
— Зачем же они кругом становятся?
С чем же они молятся?
— В кругу у них стоят с сладким суслом бадьи могучие,
В руках держат ковши большие, заветные,
Хлеб, соль на земле стоят,
Каша и яичница на рычагах висят,
Вода в чанах кипит,
В них говядину один из анбедов варит.
— Слуги вы мои, подите,
Слуги верные, отнесите:
Вот вам бочонок серебра, старики!
Вот вам бочонок золота, молельщики, на моленье!
Итак, ступайте, старикам отдайте!
Слуги от мурзы ушли,
Мурзов дар старикам отнесли.
Старики серебро и злато приняли,
Суслом сладким их напоили.
Слуги к мурзе приходят,
Весть мурзе приносят:
— Угостили, напоили нас своим суслом сладким,
Накормили нас хлебом мягким.
Старики от мурзы деньги получили
И после моленья судили и рядили:
— Что нам мурзе послать,
В дар ему дать?
Меду, хлеба, соли взяли,
Блюда могучие к мурзе послали,
С ребятами молодыми к мурзе послали.
Ребята молодые, приуставши, присели,
Переговоривши, мед, хлеб, соль съели:
«Старики не узнают».
Земли и желта песку в блюда накладают,
Наклавши, пришли
И мурзе, московскому царю, поднесли.
Мурза землю и песок принимает,
Крестится и бога прославляет:
— Слава тебе, боже, царю,
Что ты отдал в мои руки всю землю сию!
Поплыл мурза по Воложке,
По Воложке, по Камышке.
Где бросит горсточку,—
Там быть градику;
Где бросит щепоточку,—
Там быть селеньицу[21].

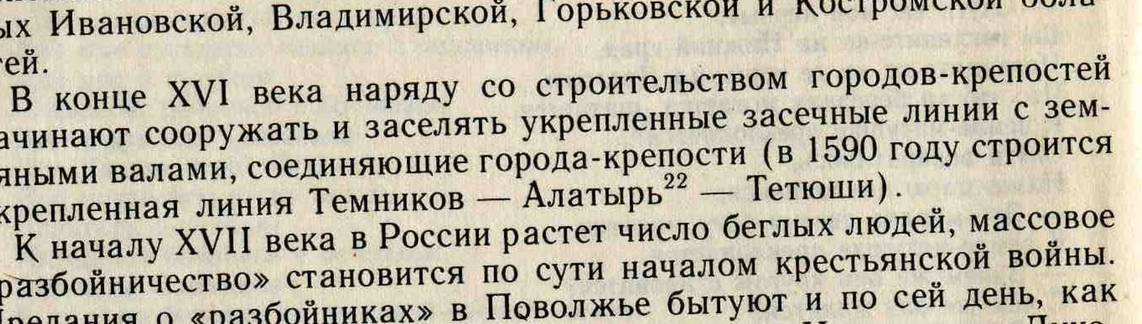
Создавая новые поселения, русские переносили на них названия своих родных мест. Так, села, названия которых оканчиваются на

[21] См.: *128*, № 1—3.

«иха» (например, Хвостиха Кузоватовского р-на Ульяновской обл.), основаны в XVI—XVII веках переселенцами с территории современных Ивановской, Владимирской, Горьковской и Костромской областей.

В конце XVI века наряду со строительством городов-крепостей начинают сооружать и заселять укрепленные засечные линии с земляными валами, соединяющие города-крепости (в 1590 году строится укрепленная линия Темников — Алатырь[22] — Тетюши).

К началу XVII века в России растет число беглых людей, массовое «разбойничество» становится по сути началом крестьянской войны. Предания о «разбойниках» в Поволжье бытуют и по сей день, как живая история края. Например, название села Нехорошево Лукояновского р-на Горьковской обл. местные жители объясняют легендой: раньше здесь стояли непроходимые леса, в которых скрывались разбойники. Путники, благополучно миновавшие это «нехорошее» место, служили благодарственный молебен. Во всех освободительных движениях Среднее и Нижнее Поволжье и Приуралье были зоной активных действий повстанцев. Районом наиболее решительных действий повстанцев в начале XVII века в Поволжье стала территория Муромского, Касимовского, Гороховецкого, Арзамасского, Курмышского, Кадомского, Ядринского, Чебоксарского, Алатырского и частично Нижегородского уездов, где русские, марийцы, мордва, чуваши, татары выступили против крепостного гнета, захвата земель феодалами, закрепощения ранее свободных крестьян, казаков, против непосильных налогов, выплачиваемых ясачными[23] крестьянами. Участников народных восстаний и крестьянских войн называли в то время «воровскими» людьми. Упоминания о «ворах» встречаются в текстах протяжных волжских песен:



Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью
Плыла лодочка косная, что косная — воровская.
Подплывала к бережочку, ко Сызрану городочку.
Ко Сызрану городочку, ко Кашпиру ко селенью.
Мы по Кашпиру гуляли, ко вдовыньке заезжали,

[22] Темник — предводитель большого войска в Древней Руси, тьма *(др.-рус.)* — тысяча. Алáтырь: ala *(тюрк., тур.* и др.) — пестрый, пятнистый, tura (*алт.* и др.) — 1) дом, строение, жилище, 2) город (см.: *70,* т. I, с. 68).

[23] Местные народы, не попавшие в кабалу, платили правительству «ясак»— дань натурой и деньгами (хлебную подать — «посоп», стрелецкий хлеб, ямские деньги, медвяный и куничный сбор) и выполняли различные повинности (по строительству, заготовке леса и т. д.).

Ночевать у ней просились: «Эх, пусти, вдова, ночевати,
Ночевати-постояти». А вдовынька отвечала, ночевать нас не пускала,
Ночевать нас не пускала: «Эх, мчитесь, воры, черьз заборы!»
— Эх, отпирай новы вороты... На двор воры ворвалися,
Во горенку взобралися, сели воры все по лавкам,
Все по лавкам, по порядкам, сам хозяин под окошком.
— Подойди, вдова, поближе, поклонись-ка мне пониже!
Не твое ли полотенце, не твого ли рукоделья?
Не твого ли рукоделья, твого тонкого пряденья?
Тут вдовушка догадалась, во новы сени бросалась,
Малых детушек будила...[24]

В XVII веке центральные и южные районы Среднего Поволжья продолжают заселяться переселенцами из северо-восточных, северных, северо-западных, центральных районов России. К Русскому государству присоединяются закамские земли. Помещики и церковные феодалы, как и прежде, захватывают земли («дикие поля») в бассейнах рек, закабаляя ранее поселившихся на них крестьян. Мордва, как правило, уходит во все более глухие лесные районы, благодаря чему почти все мордовские села избежали крепостной зависимости, а часть татарского и чувашского населения попала в кабалу. В 1614—1620 и в 1626—1627 годах Курмышский Богородицкий и Алатырский Троицкий монастыри получают принадлежавшие мордве земли в бассейне р. Суры с местами рыбной ловли и бортными ухожеями[25]. В 1634 году вблизи большой дороги между Нижним Новгородом и Арзамасом был заложен Оранский Богородицкий монастырь (совр. с. Оранки): «...При основании монастыря на месте его находился непроходимый лес, жила языческая мордва с их мольбищами и кровавыми жертвоприношениями, в лесу находились и мордовские пчелиные бортни... языческая мордва препятствовала... сначала насилием, потом... доносом царю Михаилу Федоровичу... но была наказана...» (*Н. Е.,* с. 234).

Калмыки, прикочевавшие в 30-е годы XVII века в Нижнее Поволжье, разбивают живших там ногайцев и совершают многочисленные набеги на Русское государство. В результате появляются защитные засечные черты. В 1636 году создается линия Тамбов — Козлов, в 1647 возникает город Карсун. В 1648 году Богдан Матвеевич Хитрово с дьяком Григорием Кунаковым едет в понизовые города «для обереганья от приходу ногайских людей и для строения новых городов и засечных крепостей» от р. Барыша до р. Волги. Построение началось с крайнего пункта — Синбирска[26]. Симбирская черта строится около шести лет людьми ближайших мест — по одному человеку с пяти дворов русских и с трех дворов ясашных (мордвы, татар,

[24] Записано в 1969 году от Н. С. Калькаевой (р. 1906), в с. Никольское Кузоватовского р-на Ульяновской обл. А. Андреевым, Т. Величко.

[25] Полное собрание законов. Спб., 1836. Т. 2. С. 246—249; Смирнов А. А. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. С. 215; Очерки истории МАССР. Саранск, 1955. С. 108.

[26] Крепость начала строиться рядом с бывшим поселком булгар, носившим имя булгарского князя Синбира, и от него получила свое название, видоизменившееся под влиянием законов русской фонетики.

чувашей). В сторону Карсуна был проведен непрерывный земляной вал со рвом, увенчанный деревянным тыном и защищенный башнями и острогами. Стрельцам и казакам было приказано охранять черту, «оберегать, чтоб всякие воинские люди и шатующие воры-казаки обманом на Русь не прошли и дурна какого-б не учинили... чтоб и всякие товары беспошлинно в Русь и из Руси не проходили» (*65*, т. VI). Симбирская засечная черта шла на Тугай, Карсун, Сурск, Саранск, Инсар, Нижний и Верхний Ломов, Тамбов. В 1650 году создается закамская черта с городом Челны, в 1652 возникает линия, объединяющая крепость Белый Яр (около Сенгилея), Билярск, Заинск, Мензелинск. Создаются и другие защитные полосы.

Во второй половине XVII века в стране вспыхивает крестьянская война под руководством «атамана понизовой вольницы» Степана Разина. В этой крестьянской войне участвовали все народы Поволжья. Несмотря на жестокую расправу с восставшими после поражения их под Симбирском в 1670 году (весь берег Волги был уставлен виселицами с «воровскими казаками»), народ донес память о своем герое до наших дней:

Шел он городом Страханью, шел удалый молодец,
Чей незнамый, незнакомый, неизвестен, чей такой.
В новом бархатном халате нараспашку вор идет,
Свой персидский кушачишко во правой руке несет...
Шел он городом, проходит, вор не кланялся ни с кем,
С губернатором симбирским черну шляпу не ломал.
Увидал же губернатор из окошка своего.
Посылает губернатор своих верных слугов.
Уж вы слуги, мои слуги, слуги верные да вы мои,
Вы подите-ка, узнайте, чей незнамый, чей такой!
Или с Воложки бурлак, или с Донику казак.
Мое имя — сын Василий, Стеньки Разина сынок.
Стенька Разин был прехитрый, был премудрый человек,
Делал лодки из песку, а весельцы из ледку[27].

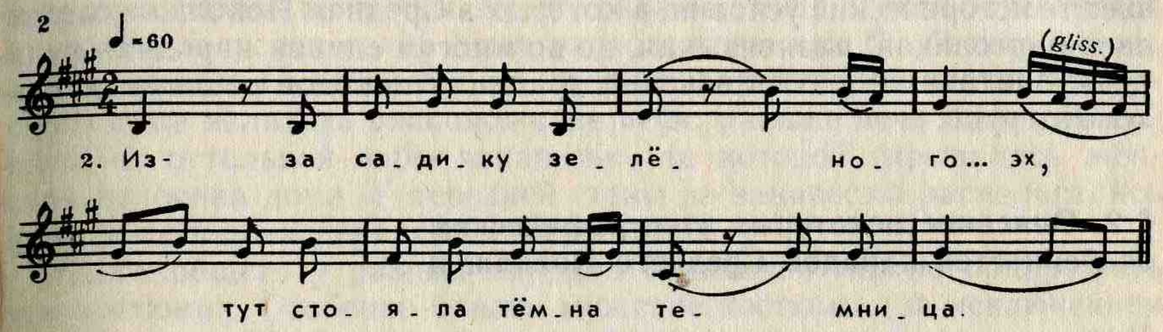
В результате расправ с восставшими увеличилось число беглых крестьян, оседавших на землях с иноязычным населением. Так, в XVII веке в Поволжье появляются переселенцы с Украины.

XVIII век вносит новую струю в переселенческое движение. Екатерина II издает указ о поселении старообрядцев в междуречье р. Волги и Б. Иргиза. В числе последних прибывают и те старообрядцы, которые ранее скрывались в Польше. В связи с транспортировкой соли, добываемой на озере Эльтон, возникают новые украинские поселения в Саратовском и Самарском краях, а русские из Перми и Вятки продвигаются в восточные районы Поволжья. В 1773—1775 годах в России снова разгорается крестьянская война. Под предводительством донского казака Емельяна Пугачева вновь выступают все народы Поволжья и Приуралья.

В одной из дошедших до нашего времени песен Поволжья мы встречаемся с именем графа З. Г. Чернышева, под командованием которого Емельян Пугачев служил во время войны с Пруссией. Имя З. Г. Чернышева в крестьянской войне 1773—1775 годов принял пол-

[27] Приводится по: *97*, № 1.

ковник пугачевской армии яицкий казак И. Н. Зарубин-Чика. Возможно, что теплота и сочувствие, с которыми описывается герой известной песни о Семилетней войне, как и популярность этой песни в Поволжье, объясняются тем, что З. Г. Чернышев для народа — это герой крестьянского восстания:



Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого,
Тут стояла темна темница,
Темна, темна, затюремная.
У ней дверочки железные,
А запоры, словно медные,
Один ключик — десять фунтиков,
А замочек — полтора пуда...
Тут засажен добрый молодец,
Чернышев Захар Григорьевич,
Он засаженый не год, не два,
Он засажен ровно тридцать лет,
Отростил свои кудерушки
До своих ли плеч могучаих,
Отростил свою бородушку
До шелкова свого поясу.
Он по темнице похаживал,
Он во скрипычку поигрывал,
Он ко скрипке приговаривал,
Он про свой талан рассказывал:
— Ты талан ли, мой худой талан,
Худой талан, участь горькая...[28]

Переселенческое движение на Волгу продолжается и в XIX—XX веках, когда в юго-восточные районы прибывают крестьяне из Киевского, Харьковского, Могилевского, Черниговского уездов и увлекают за собой жителей юга России.

Постоянные переселения не только отдельных семей, но и целых сел на территории Среднего Поволжья приводили к тому, что часто села, сохраняя свои названия, несколько раз меняли состав жителей[29]. Нередки села со смешанным населением (например, в с. Жи-

[28] Песня записана от Н. С. Калькаевой в с. Никольское Кузоватовского р-на Ульяновской обл.

[29] Так, по поводу названия с. Домасёрка существует легенда, что на месте села на берегу озера сначала поселилась русская семья и поставила дом: «дом на озёрке», потом она ушла, а пришедшие вслед за ней мордовские крестьяне так и стали называть свою деревеньку. Домасёрка разрослась, по соседству появились выселки — Домасёрка II. Теперь оба села имеют новое название: первое — Поддубное, второе — Черемушки (Инзенский р-н Ульяновской обл.).

вайкино Барышского р-на Ульяновской обл. живут русские, чуваши, мордва). Иногда соседние села сливаются в одно (Мордовское и Русское Давыдово МАССР) или носят одинаковое название (Татарский и Чувашский Сайман, Мордовская и Русская Темрязань и т. д.).

Уже это краткое описание исторического прошлого края показывает те исторические условия, в которых в Среднем Поволжье сложилась многоликая, разноязыкая, но во многом единая народная культура, впитавшая в себя вековые традиции народов различных языковых групп.

§ 2. Описание некоторых этнографических особенностей народов Среднего Поволжья

Длительное проживание русских, татар, чувашей, башкир, мордвы, мари, удмуртов в близком соседстве в одинаковых природных условиях, сходные пути исторического развития этих народов привели к общности занятий, семейного быта, материальной и духовной культур.

Кроме земледелия, отхожих промыслов, работы на местных фабриках и заводах, бурлачества, прядения, ткачества, народы Поволжья и Приуралья имели свои, характерные для образа жизни каждого народа, занятия. В русских селах занимались ремеслами: плотничали, были кузнецами, валяльщиками и т. д. У финно-угорских народов особенно распространены были охота, бортничество, пчеловодство, скотоводство; татары тяготели к торговле; башкиры занимались коневодством, бортничеством. В селах с южнорусскими переселенцами и украинцами было развито садоводство, огородничество, а в Оренбургском крае, как и на Нижней Волге,— бахчеводство.

Древнейшими типами поселений в Поволжье были починки, сельца, села, деревни, займища, пустоши, селища, остроги, станы, крепости; около городов строились слободы, посады. В дальнейшем одни из них мельчали и исчезали, другие, наоборот, разрастались. Так, название современного районного центра Горьковской обл. с. Починки указывает на то, что на этом месте в древности возник починок — поселение из одного-двух дворов или даже временное жилище. Поселения в Поволжье, как правило, расположены либо по берегам рек, либо в их долинах. Жизненное значение для местных крестьян имеют ключи и родники, что также получает отражение в названиях сел (с. Студенец Ульяновской обл.).

Жилые постройки русских сел Среднего Поволжья можно подразделить на три типа: северный, южный и переходный (среднерусский). В северных районах Среднего Поволжья и Прикамья жилища по своему характеру приближаются к постройкам Севера Европейской части РСФСР: окна расположены довольно высоко над землей, дома бревенчатые, украшены богатой резьбой. В южных и юго-восточных районах Среднего Поволжья дома, как правило, тяготеют к южнорусскому типу построек, имеют, например, наружную глиняную обмазку. Сходную картину представляют собой села, хозяйственные постройки других народов Поволжья, хотя в них в большей или меньшей мере заметны признаки, указывающие на древние национальные корни. Так, например, в мордовских селах Саратовской обл. (южная группа эрзи) дома часто выходят на улицу боковой или глухой стеной, порой ставятся внутри двора, имеют небольшие окна, разной величины, вместо окна на улицу иногда оставляется щель. В татарских селах дома расположены как бы беспорядочно, они прячутся за заборами во дворах. Характерной чертой татарского дома являлось расположение печи: раньше печь была отгорожена от остальной избы занавесью, за которой скрывалась женская половина дома. У передней стены за занавесью располагались нары с пышными перинами и подушками.

Много общего у разных народов Поволжья можно обнаружить и в костюмах. Особенно близки мужские костюмы (за исключением татарского и башкирского). Немало сходных черт можно заметить, например, между южнорусским женским костюмом и женским костюмом мордвы-мокши, между северным или среднерусским женским костюмом и костюмом мордвы-эрзи, между женскими костюмами мордовских, марийских и удмуртских сел, с одной стороны, и татарских и башкирских — с другой. Чувашский женский костюм занимает как бы промежуточное положение: у верховых чувашек он ближе к марийскому, у низовых — к татарскому и башкирскому. О заимствованиях в костюме народов Поволжья, в частности о влиянии костюмов народов финно-угорской и тюрко-татарской группы на русский костюм, говорят такие элементы одежды русских сел, как лапти, одевающиеся на любую ногу, запоны «с грудью», халатообразная и безрукавная одежда, орнаментальные мотивы в местной вышивке, платки, повязывающиеся «по-татарски», застежки мужских рубах на правой стороне груди, черные онучи. В женские украшения всех народов Поволжья входили бусы, бисер, раковины и т. д. В то же время комплекс народной одежды русских сел Поволжья и Приуралья отличается определенными областными особенностями. Так, например, не характерны для русского женского костюма украшения из монет, которые встречаются в костюмах всех остальных народов региона.

Северовеликорусские элементы одежды преобладают на территории, граница которой проходит по р. Каме до ее устья, затем идет на Буинск и Алатырь. Южнее этой границы, примерно до линии, идущей от Бугульмы на Куйбышев и по Волге до Саратова, на правобережье Волги и близлежащей к Средней Волге территории преобладает средневеликорусский комплекс одежды. В русских селах, находящихся южнее и юго-восточнее названных районов, в народной одежде преобладают южновеликорусские элементы.

Комплекс мужской одежды русских сел. Мужчины носили синепестрядинную самодельную льняную рубаху, штаны из самодельной полосушки. Порты шили узкие, без карманов, завязывающиеся на поясе шнурком или веревкой. Юноши до четырнадцати-пятнадцати лет ходили без портов, в одной рубашке, подпоясавшись. Верхней одеждой был кафтан, зипун или пониток. При отправлении

в дорогу на лошади одевали чапан или азям — халатообразную одежду без застежек, зимой носили азям из самодельного сукна и полушубок из овчины. На голову одевали коричневую катаную шляпу с небольшими полями (грешневик), в северных районах Казанской губ. холщовые колпаки, аналогичные марийским. Зимой носили шапки из овчины или барашковые папахи. В XIX веке стали одевать картуз. Ноги обували в лапти, ступни (для грязи).

Комплекс русской женской одежды. На всей территории был распространен комплекс с сарафаном, но в некоторых селах (например, в Уфимской губ.) переселенцы из Южной России (Курской и Тамбовской губ.) носили паневу. Рубаха состояла из двух различных частей, сшитых вместе на уровне груди, рукавов и стана. Рукава были из тонкого холста, позднее — из ситца, а стан — всегда из грубого домотканого холста. Наиболее древним сарафаном был косоклинный, называвшийся русским («сукман», «клинник»). Со второй половины XIX века косоклинный сарафан сменился «московским» (прямым, на лямках). Сарафан носили с поясом шириной в четыре-пять см, обычно изготовлявшимся в монастырях. Поверх сарафана одевали фартук (запон), подвязывающийся на талии и под мышками и спускающийся ниже колен. Верхней одеждой были куртки (холодники, монарки, ватошники, душегрейки, стуколки), зимой шубы. Повсеместно были распространены кофты и юбки: кофты шили с разрезами спереди, сбоку, на спине и нераспашные, юбку, как и сарафан, одевали на рубашку с рукавами.

Девушки в косу вплетали косоплетку, к ней привязывали цветную шелковую ленту, которую завязывали бантом. Иногда привязывали небольшой вышитый или парчовый треугольник — косник. Носили налобные повязки: накладывали их на лоб и завязывали сзади под косой. Повязки представляли собой прямоугольный кусок картона или простроченного холста, обтянутый позументной лентой с бисерной поднизью. После венчания свахи завязывали на затылке у молодой две косы и закрывали их чехлом — волосником (повойник, кичка, чехол), носили его с платком или без платка. Женскими головными уборами были также кокошник и сорока, для которых использовался бархат, позумент, золотое шитье. Ноги обували в лапти, карпетки (праздничные ботинки), со второй половины XIX века — полсапожки. Женщины носили и шерстяные чулки из белой и черной шерсти, расшитые иногда узорами, использовавшими до двенадцати цветов.

Мужская одежда мордовских сел. Одежда состояла из белых или синих в полоску холщовых портов (понкст), рубахи (панар), холщовой, белой, с косым разрезом ворота на левой стороне груди. Рукава, ворот, подол рубахи украшали вышивкой красного цвета. Рубаха одевалась навыпуск и подпоясывалась узеньким пояском.

Женский мордовский костюм. Основным компонентом была рубаха. В эрзянских селах рубаха (панар) шилась из белого холста, туникообразного покроя. На плечах, вороте и переднем шве была вышивка, которая проходила узкими продольными полосками также и по спине, спускалась с плеч и окаймляла подол и рукава рубахи.

В вышивке использовался геометрический орнамент, в основном красно-коричневых тонов. Особенно богато вышитая холщовая рубаха называлась покай. Рубаха мокшанских сел (панар, щам) имела иное расположение швов, более длинные рукава, вышивалась черными и синими узорами (розетки, косой крест, звездочки). У эрзи и мокши был распространен передник с нагрудником или короткий передник (до пояса). Штаны (понкст) носили только мокшанки. Верхней одеждой эрзи была руця — белая распашная одежда из холста, похожая на халат, ее украшала шерстяная вышивка красного цвета (грудь, плечи, рукава, подол). Мокшанская белая распашная одежда (мушкас) имела оторочку из кумача, вышивки на ней не было. Девушки и молодые женщины, кроме верхней белой холщовой одежды, носили безрукавки, жилетки, курточки. Головные уборы девушек имели форму венков, повязок, к косе прикрепляли косник, у замужних женщин головной убор (шлыган, сорока) состоял из нескольких частей и имел формы цилиндра, лопатообразные, конические, в виде рога, чепца. Брошка-заколка (сюлгамо — *эрзя*, сюлгам — *мокша*) скрепляла края грудного выреза рубахи и была сходна с горномарийскими, а также эстонскими (сыльг) и чувашскими женскими украшениями.

Удмуртский мужской костюм. Этот костюм близок марийскому, чувашскому, русскому Перми и Вятки.

Женская одежда удмуртов. Рубаха — дэрем — в северных районах шилась из белого холста, в южных — из пестряди разных цветов, имела красную вышивку или обшивалась по подолу красным холстом или кумачом и была близка татарской. С белой рубахой носили передник (айшет, азькышет) без грудки из белого холста, затканный красными нитками, с геометрическим орнаментом. На пестрядинных рубахах носили клетчатые передники с грудкой, похожие на чувашские и татарские. Поверх рубахи одевался нагрудник, зашитый шелком красного цвета, близкий татарскому. Рубаха, как правило, подпоясывалась фартуком. Летом верхнюю одежду составлял белый холщовый халат (шортдэрем), туникообразный, либо с клиньями без рукавов, либо напоминавший платье. Разнообразными были головные уборы: мягкие — платки, покрывала, полотенца, повязки; круглые — шлемовидные шапки; высокие — на твердой основе лопатообразной и конической формы. Праздничным головным убором служила такья — круглая холщовая шапочка, обшитая с внешней стороны кумачом, на который нашивали монеты.

Мужская одежда марийцев. Холщовая рубаха туникообразного покроя напоминала женскую, но короче, узор на рубахе вышивался черными, красными, зелеными нитками, на штаны шел грубый суровый холст, они были сходны с чувашскими и татарскими.

Женский марийский костюм. Марийки носили белую рубаху (она была одновременно нательной и верхней одеждой). Разрез ворота рубахи был посередине или на правой стороне, вышивали рубахи темно-красной и темно-синей шерстью. Дополнительными тонами были желтый и зеленый. Горные марийки шили рубахи из белого

холста, украшали полосками вышивки, которые спарывали при стирке. Восточные марийки часто шили рубахи из пестряди, похожие на татарские и башкирские. Под рубахой носили штаны из холста, аналогичные чувашским. Поверх рубахи одевался передник без грудки (у луговых) и с грудкой (у восточных и горных мариек). На голову одевали сороку, состоящую из двух частей: холщового чепца и очелья, позатыльника и крыльев. Сороку покрывали самодельным холщовым платком. Луговые и восточные мари носили также шимакш — продолговатый кусок вышитого холста, надевавшийся в виде колпачка; головной убор шарпан — в виде полотенца — близок чувашскому.

Чувашская мужская одежда. Мужчины носили длинную рубаху (почти до колен) из белого холста (кепе), штаны из белого холста (йём), поверх которых зимой одевались суконные штаны. Верхняя летняя одежда шупар и пустав напоминала поддевку со сборами сзади, которую шили из холста либо сукна на холщовой подкладке. Более длинным (до голени) шился кафтан из сукна со стоячим воротником. Обувью служили лапти, сходные с татарскими, в грязь к ним прикрепляли деревянные подметки.

Женская чувашская одежда. Женская рубаха туникообразного покроя у верховых чувашей шилась из белого холста с вышивкой красного цвета, у низовых чувашек рубаха была цветная, из пестряди. Обязательной частью костюма чувашек были штаны, обычно из сурового холста. Передник с грудью у верховых чувашей шился из белого холста, у низовых — из пестряди, праздничный — из фабричных тканей.

Головные уборы были двух видов: холщовые или полотняные сурпаны, типа покрывал, украшенные вышивкой, и девичья шапочка тухья, напоминавшая шлем средневекового воина, также шитая из холста, украшенная бисером, монетами, с бахромой из бус, коралов или бисера, спускавшейся на лоб.

Татарская мужская одежда. Татарская мужская рубаха, широкая и длинная, шилась из светлых гладких тканей; одевались нижние и верхние штаны, причем нижние штаны чаще всего были из легких тканей розового или сероватого оттенков, но не белого цвета. Свадебные штаны шились яркими, преимущественно из бухарских полосатых тканей. Поверх рубахи одевался (только дома) камзол без рукавов из полосатых бухарских тканей и цветной нанки в талию. Верхней одеждой, в которой выходили из дома, был казакин (кезеки), напоминавший камзол, но длинный, с длинными рукавами, глубоко запахивающийся и застегивающийся на пуговицы. Обязательной принадлежностью татарской крестьянской одежды был фартук с нагрудником.

Мужчины брили голову и одевали тюбетейки либо формы келенуш — низкий усеченный конус с плоским верхом, либо такыя — полусферической формы. Украшали тюбетейки растительным орнаментом. На ногах носили лапти, которые снимали при входе в дом, ичиги — кожаную обувь, выполненную в технике кожаной мозаики, и суконные чулки.

Татарская женская одежда. Женская одежда похожа на мужскую. Рубаха (кулмек) была одновременно и нижней и верхней, как и у мариек. Более богатые татарки носили несколько кулмеков, бедные — один (из пестряди, ситца, сатина, шелка, парчи светлых тонов, за исключением белого). Нагрудник из ткани носили только замужние женщины. Поверх кулмека надевали камзол, более короткий — молодые, до колен — пожилые и старухи. Женские головные уборы были трех видов: покрывала — платки (яулык); шаль, которая одевалась поверх яулыка; головное полотенце (тастар), похожее на сурпан низовых чувашей; колпаки (калфак), которые были связаны из тонких цветных ниток или сшиты из бархата различных цветов; шапки, надевающиеся поверх тастара, платка или покрывала. Тюбетейки носили только пожилые женщины. Как и мужчины, они обували лапти и ичиги (на мягкой и жесткой подошве).

Мужская одежда башкир. Мужчины носили обычно рубаху навыпуск, не подпоясывая ее. Штаны шили широкие и длинные, во время работы одевали вторые — из грубого полотняного холста, а зимой носили верхние штаны из домотканого сукна. Поверх рубахи одевали камзол (камзул) и казакин (казаки). Камзол шился короткий и узкий, без рукавов, обычно из черной фабричной ткани на подкладке с воротником. Казакин был длиннее камзола, но выше колен. На голове носили тюбетейку летом и меховую шапку в форме низкого цилиндра с меховым широким околышем зимой. Обувь — сарык (подошва с пришитым кожаным передком и суконным голенищем высотой до колен), ката (кожаные головки с пришитым холщовым или суконным голенищем), сапоги с толстыми подошвами и невысоким каблуком.

Одежда башкирских женщин. От мужской отличалась немногим. Носили рубаху, позднее перешедшую в платье, летом дома носили штаны (из ситца или кумача), а на улицу одевали облегающий тело кафтан из фабричной хлопчатобумажной ткани или сукна. Под рубашкой носили нагрудник. Поверх платья одевали камзол, казакин (главным образом, молодые женщины), холщовый халат (только в северо-восточных районах). Головные уборы: платок, в развернутом виде, девичья такия — полушаровидная холщовая шапка, обшитая кумачом и украшенная монетами; татарские колпаки из бархата и вязаные, одевавшиеся вместе с налобной повязкой в виде бахромы из серебряных ниток. Пожилые женщины носили тастар — узкую полоску кисеи или миткаля в виде полотенца, с пришитыми на концах кружевами.

Глава II

ФОРМЫ БЫТОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Традиционная культура всех народов Поволжья и Приуралья включает разнообразные виды и жанры народного искусства. Так, Поволжье издавна славится художественной росписью по дереву, вышивкой и другими народными промыслами. Многообразно устное поэтическое творчество, отражающее не только историю, но и характер каждого народа, его эстетические, моральные, жизненные идеалы и принципы. С каким юмором, как ёмко отражена, например, жизнь и история русского крестьянства в побасёнке-скороговорке, записанной в 1969 году в с. Безводовка Кузоватовского р-на Ульяновской обл.:

Побасёнка про лысого беса, про половничка[30]

Пошла пальба-стрельба,
Были ружья-веретены,
Знамена с иконники,
Каменны стены разбивали,
Мертвого татарина убивали,
На татарине было добра много:
Колпак бересний, кольцо голубошнее.
Мы это добро сняли, полетели под небеса,
Там стоит церковь с блинков сложена,
Калачиком заперта.
Я как, добрый молодец, подошел,
Калачик разломил.
По вас, ребятки, разделил, покушайте.
Зашел в церковь;
Там служит поп, дьячок да попов дурачок.
Поп держит ковш с пивом.
Я пиво выпил, ударил по темечку,
Посыпалось каленое семечко, я и заорал:
— Эй, братцы, Сидоры, Назары
Чернодырого Захара,
Треху-Матреху, Лука с Петром,
Трошу косоногу, Сему безбородого,
Пожалуйте, семя собирать!

Музыкальное искусство Поволжья наряду с неоспоримой общностью имеет свои национальные черты. Так, в русских селах наиболее традиционным является жанр хороводных песен, характерный для группового пения, в мордовских селах наибольшее распространение получили эпические песенные жанры и жанры одиночного пения, в музыкальном быту татарских сел основное место занимает инструментальная музыка и т. д.

[30] Имеются в виду половцы.

§ 1. Музыкальные инструменты и инструментальная музыка

Известно, что в Верхнем Поволжье, в районах более раннего расселения славянских и финно-угорских племен, на территории современных Калининской, Ярославской, Владимирской, Ивановской, частично Костромской, Вологодской, Горьковской областей, а также у вепсов, карел, коми, мордвы и др.— издавна бытовали пастушеские музыкальные инструменты, особенно рожки и пастушьи барабаны.

В русских селах Среднего Поволжья также встречались рожки́, дудки, свистки, изготовленные из природных материалов. Позднее некоторые пастухи стали использовать железнодорожные рожки́. В ряде сел сигналом к выгону скота служил либо возглас (в с. Первомайском, бывш. Сурский Острог, Ульяновской обл. «пастухи гаркали: „оу!“»), либо удар хлыста. Жители многих сел Поволжья помнят местных скрипачей, игравших еще в начале нашего века на скрипках собственного изготовления. Повсеместно была распространена игра на балалайках, гармониках. В южных районах Среднего Поволжья бытовала «саратовская» гармошка со встроенными в корпус колокольчиками. Например, в селах Петровского и Базарно-Карабулакского районов Саратовской обл. гармошки «держали» вплоть до последнего времени почти в каждом доме, хотя играть умели не все.

На рожках, скрипках (гудках), гармониках играли, как правило, мужчины, на балалайках — как мужчины, так и женщины. Женщины «звенели» также в косу, в заслонку, отбивали плясовые ритмы и на других предметах домашнего обихода, особенно во время весенне-летних гуляний и свадеб. Чтобы извлечь звук из металлических предметов, они не только ударяли по ним, но и скребли[31].

Различные виды пастушеских инструментов широко бытовали в мордовских селах: трубы из ветвей березы или клена, из склеенных колец липовой коры, вставленных друг в друга, нудей (нюди) — двойной кларнет из двух скрепленных полых тростниковых трубок, вставленных неигровым концом в рог либо в свернутую конусообразно бересту, продольные флейты из тростника, липы, ивового прута. Для подражания птицам служили глиняные, дере-

[31] В с. Палатово Инзенского р-на Ульяновской обл. А. П. Лаптева (р. 1907) по нашей просьбе в июле 1983 года выкрикивала слова припевки, одновременно скребла по печной заслонке ножом в ритме пляски и притопывала. В эрзянском с. Годяйкино того же района М. П. Куликова (р. 1914) заметила, что «в заслонку играют, если нет гармошки»; она же пела припевки, «выскребая» ритмический рисунок ножом о заслонку.

вянные, берестяные свитки[32]. На всех инструментах исполняли песенные мелодии, а в ансамбле с другими и плясовые. На нюди (нудей), а также волынке (фам, уфам, пувама, пузырь) исполнялись ритуальные наигрыши и песенные мелодии аграрно-календарных праздников и свадеб. Для плясовых и песенных мелодий использовались также гусли и скрипки; фактура традиционных скрипичных наигрышей была родственна фактуре наигрышей на нюди (*13*). Перечисленные инструменты, а также шавома (чавома) — инструмент, родственный костромской барабанке (березовая доска, на которой выбивали ритм сторожевых сигналов, а в ансамбле с другими и ритм плясок),— были инструментами мужской традиции. Для женской традиции также были характерны инструменты, на которых отбивали ритм плясок. Как и в русских селах, в качестве ритуальных шумовых инструментов использовались: косы, заслонки и другие предметы домашней утвари, в которые били или скребли, колокольчики, бубенчики. В современном музыкальном быту мордвы распространены балалайка, гитара, мандолина. На них играют как мужчины, так и женщины.

Аналогичные музыкальные инструменты были известны у м а р и; наряду с шумовыми инструментами, культовое значение здесь имели и гусли. В этнографической литературе приведены свидетельства о тех же инструментах в быту у д м у р т о в: «...Песни со звоном волынок, гудков и гусель... составляют лучшее веселие пирующих в день новобрачных»[33]. «Пузырь» (волынка), гусли, гудок, дудка, гармонь, балалайка, скрипка известны и в качестве ч у в а ш с к и х музыкальных инструментов (*65*, т. VI, с. 172—178).

В состав музыкальных инструментов т а т а р с к о г о народа входят: курай, гусли, скрипка, кубыз (варган), кабал (бубен), домра, мандолина, гармоники. Из наиболее традиционных дошел до наших дней курай. Название он получил от зонтичного растения с пустотелым стеблем. Изготавливается он из тростника, дерева, жести, меди, алюминия и др. На курае играют мужчины, женщины и дети, исполняются танцевальные и песенные мелодии. Бытует традиция сольной игры на курае. Кураисты в импровизационной манере исполняют богатые орнаментом мелодии. Нередки ансамбли из нескольких

[32] В эрзянском с. Томылово Кузоватовского р-на Ульяновской обл. в 1982 году бывший пастух объяснил отсутствие рожков в их селе тем, что пастбища для скота их село имело на открытых местах, рядом не было леса. В эрзянском с. Кивать того же р-на, стоявшем на краю леса, С. И. Лютин, проработавший сорок девять лет пастухом, рассказывал, что раньше рожки делались из тростника (нудий). Теперь он мастерит рожки из катушек от ниток: обрезает один из широких концов катушки, перевязывает его резинкой и вставляет в коровий рог, другой широкий конец берет в рот. По словам С. И. Лютина, рожок служит «для игры» и для сигналов: так перекликаются пастухи, чтобы не заблудиться в лесу; «если корова отстала — даешь длинный и короткий сигнал,— она прибегает; если лесник приближается, тоже даешь сигнал соседям». В том же селе А. К. Качаев (р. 1905) сыграл на саратовской гармошке плясовую мелодию, припевки «по-уличному», кант «Вспомни, вспомни, мой любезный», его сын В. А. Качаев (р. 1946) сыграл несколько песенных мелодий на бересте, после чего отец с сыном исполнили на гармошке и бересте «Барыню», «Подгорну», «Уличные припевки» и две городские песни.

[33] Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769, 1770 году. Спб., 1770. С. 163.

инструментов различных размеров и, соответственно, тембров и строев (*54*). Среди татар-кряшен была популярна игра на гуслях, без которой не обходилась ни одна свадьба. Играли на гуслях, как правило, женщины. Особенное распространение среди татар (мужчин и женщин) получили вятская тальянка, саратовская гармоника, русская двухрядка и хромка. На гармониках обычно исполняются плясовые напевы светлого энергичного характера, что связано с ограниченными возможностями инструмента применительно к ладовой структуре татарской народной музыки. Как инструментальные мелодии, так и песенное сопровождение гармонисты играют в импровизационной манере с множеством орнаментальных вариаций.

Из б а ш к и р с к и х музыкальных инструментов известны: курай (свирель из тростника), чибизга — подобие флейты, кобыз — металлический кружок с приделанным в середине язычком, домра и другие.

§ 2. Система жанров песенного фольклора Среднего Поволжья

Для музыкальной культуры всех народов Среднего Поволжья характерно наличие приуроченных и неприуроченных песенных жанров. Приуроченные песни, или песни, звучащие при определенных обстоятельствах, в свою очередь подразделяются на песни совместного (ансамблевого) и одиночного (сольного) исполнения. В р у с с к и х селах к жанрам совместного пения относятся зимние поздравительные величания, весенние заклички (они могли звучать и в групповом и в одиночном исполнении), весенние хороводные песни, свадебные, трудовые артельные песни. Свадебные и похоронные причитания, колыбельные песни — жанры сольного исполнения. К неприуроченным песенным жанрам, или к песням, исполняемым в любое время при любых обстоятельствах, в русских селах относятся былины, протяжные (лирические, исторические, баллады), плясовые песни, частушки, городские песни и романсы, песни гражданской и Великой Отечественной войны.

Центральное место отводится свадебным песням и плачам, сопровождающим единый в своей основе свадебный обряд. В местах, где население занималось земледелием, большая роль принадлежит весенним хороводным песням. В населенных пунктах, входящих в охранные засечные черты, среди ведущих жанров выделялись протяжные песни, приуроченные к весеннему времени года (троица, проводы весны): они выполняли функции весенних хороводных песен.

Разноликость, разносторонность местных песенных традиций отражается в исполнительской терминологии. Так, песни «поют» в верховьях Суры, Барыша и Свияги (Пензенская и Ульяновская обл.), в ряде сел по р. Самаре (Куйбышевская и Оренбургская обл.), в ряде сел северных районов Саратовской обл.; песни «кричат» в селах Больше-Березниковского р-на МАССР («Это мне крицать ещето?»— с. Ташага; «Век не крицала песни!»— с. Русские Найманы). В ряде сел Кузоватовского р-на Ульяновской обл. слово «кричать» заменялось словом «зёвать»: невеста «зёвала» («вопила»), дети

«зёвали», закликая жаворонков, дети «зёвали изо всей силы», «крича коляду». Песни «играют» в Кадомском р-не Рязанской обл. и соседнем Теньгушевском р-не МАССР, в ряде сел Куйбышевской и Оренбургской обл. (по р. Самаре), в Петровском р-не Саратовской обл. («У Татьяны голос легкий, с ней заигрыват легко, а у снохи — тижолай, с ней трудно заигрыват», «Ныгрались, дурощьки!»). Протяжные песни «голосят»[34] в Лукояновском р-не Горьковской обл. («Голосить? Духу-то у меня не хватит!»— сказала исполнительница перед пением протяжной песни «Головушка моя горькая»). Невеста «голосит» в ряде сел на границе Куйбышевской и Оренбургской обл., причем здесь же, в с. Кротково Похвистневского р-на Куйбышевской обл. «голосят» по умершему, а невеста на свадьбе «вопит»[35]. Невеста «вопит» и в ряде сел, расположенных в Ульяновской и пограничных с ней районах Пензенской обл. (в с. Красная Поляна Барышского р-на Ульяновской обл. «невеста приваплива»), в Теньгушевском р-не МАССР, в Базарно-Карабулакском р-не Саратовской обл.; в Петровском р-не Саратовской обл. невеста не только «вопит», но и «орет» («Вецером из бани всем орала: приходит из бани, садится в переднем углу, староста огонь тушит, и невеста вопит»). Невеста «плачет, причитает» в южных районах Горьковской обл., ряде сел Ульяновской обл., «причётывает» в Алатырском р-не Чувашской АССР. Свадебный плач — «причит» (Ульяновское Заволжье). Протяжные песни певцы именуют «долгими» в ряде сел, расположенных по всему Среднему Поволжью, «голосовыми»— на границе МАССР и Рязанской обл., в некоторых селах северных р-нов Саратовской обл. Их же называют «голосяные» в с. Санки Лукояновского р-на Горьковской обл., «тяговые» в с. Русские Найманы МАССР, «протяжные» в с. Палатово Инзенского р-на Ульяновской обл. При этом одни термины в соседних или находящихся далеко друг от друга селах могут быть одинаковыми, другие, в этих же селах,— различными. Так, если в Больше-Березниковском р-не МАССР (по одну сторону р. Суры) песни «кричали», а в Инзенском р-не Ульяновской обл. (по другую сторону р. Суры) — «пели», то частушки в том и другом районах именовали одинаково — «скоморошины». Термин «скоморошины» бытовал и в Заволжских районах Ульяновской обл., им называли плясовые песни. В Базарно-Карабулакском и Петровском районах Саратовской обл. принято было говорить, что невеста «вопит», в то же время в одном районе песни «пели», а в другом — «играли». Бытовали и термины, имеющие более ограниченный ареал;

[34] «Голосить, говорить, орать, петь громко, кричать нараспев. Выть, вопить, плакать навзрыд. Причитать нараспев, по обряду, над покойником, над рекрутом, или, как невеста на девичнике, прощаясь с подругами, плакать...» (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 379.)

[35] «Вопить (возопить и взвопить), *пск.* вопеть, то же, но вопиять более относится до взвывания словесного, а вопить — до стенаний, рыданий. Знач. это в разн. губ. изменяется: вопить *влд. ниж.* выть, плакать голосом, особ. по покойнике, причитать; невеста также вопит на девичнике; *тмб.* кричать, орать (*вор.* голосить, *сиб.* зевать), распустить голос во всю глотку; *пск. нвг.* звать, призывать, кликать громко по имени; вопи его (*нвг.-чер.* рычать, *нвг.-вор.* клинуть, склинуть); *кстр.-кин.* говорить, сказывать, баять...» (там же. С. 241).

например, в с. Маресево (Починковского р-на Горьковской обл.) на свадьбах плакали от имени невесты специально приглашенные «свирельщицы». В с. Бояркино Инзенского р-на Ульяновской обл. на кладбище до сих пор «гают»[36], в с. Палатово того же района календарные величания, припевки — «пергудают» («Как я пергудала, никто так не пергудал!», «Пергудат, плачет, и не поймешь, что пергудат»). «Пергудают» частушки и в Алатырском р-не Чувашской АССР. В Старомайнском р-не Ульяновской обл. «пригудками» называли колыбельные песни, у волжских бурлаков «перегудочными» именовали песни, исполнявшиеся под аккомпанемент музыкального инструмента (*86*, № 10, 13, 15, 23, 26, 32, 35).

Многие жанры русских песен Поволжья имеют свои аналоги среди песенных жанров других народов Поволжья, а в некоторых селах, например в эрзянском с. Оркино (Петровского р-на Саратовской обл.), бытует и русская терминология: здесь песни «играют», а невеста «голосит» на свадьбе. В свою очередь, жанровые системы финно-угорских и тюрко-татарских народов Поволжья и Приуралья имеют свои специфические черты.

В мордовских селах наряду с другими песнями и плачами звучали роштувань морот (песни рождественского дома), тундань морот (весенние песни), пазморот (паз — «бог»; песни, исполнявшиеся на озксах — «молянах», молениях,— приуроченные к календарным и семейным праздникам), свахань морцимат (песни свахи). Особенно большое распространение получили эпические песни, причитания, песни свахи. До сих пор в мордовских селах встречаются женщины, которых приглашают на свадьбы в качестве свах, они руководят событиями, начиная от сбора поезжан в доме жениха и кончая обрядами, связанными с «наречением» молодой в доме мужа, и комментируют их своим пением. Необходимо особо отметить бытование в мордовских селах русских хороводных песен. Они исполнялись на русском языке, но с мелодическими, ладовыми, фактурными особенностями мордовской музыки. Иногда при этом характер исполнения менялся, они распевались в стиле протяжных песен и исполнялись во время весенних хороводов — шествий.

Удмуртские народные песни подразделяются на календарные, семейно-родовые, обрядовые (*77*): песни праздников начала земледельческих работ (гырыны потон — выход на работу), сенокоса, жатвы, окончания пахоты, полевых работ, свадебные песни — и необрядовые песни: плясовые, протяжные, рекрутские, солдатские и т. д. Исследователи марийского песенного фольклора отмечают отсутствие эпоса (*19*). Основными жанрами марийских песен являются календарные (рождественские, масленичные, весенние, песни праздника сохи, семицкие, покосные, жнивные), семейно-обрядовые (свадебные и др.), частушки, шуточные, плясовые песни. Особую группу среди семейно-обрядовых песен составляют «песни марий-

[36] «Гай *м. юж.* крик, гам, шум, рев; *междм.* окрик на скотину, которую гонят. Гаить или гайкать, гайнуть, кричать гай-гой, погонять, гнать; *тмб. кур. нвг. прм.* кричать, орать или шуметь; искать, гаркать, кричать кого, звать, кликать, перекликаться, аукать в лесу, *вят.* гагайкать...» (см.: там же. С. 341).

ского этикета»: застольные и праздничные, в которых высказываются благопожелания и благодарность хозяину за гостеприимство и, с его стороны, благодарность за принятое гостями приглашение.

В чувашской народной музыке можно отметить трудовые песни (канатников, свайщиков, корчевателей пней, строителей мостов и т. д.), «песни пóмочи», песни «сохи и плуга», масленичные песни, свадебные (подруг невесты, парней со стороны жениха, свадебных гостей), хороводные и игровые, посиделочные, гостевые и пирушечные песни (*29; 65,* т. VI).

Если среди населения, исповедовавшего христианство, бытовали одни и те же песенные жанры, то в разных этнографических группах татар и башкир бытование песенных жанров определялось влиянием ислама, изгонявшего из народного быта языческие обряды. Для татарских сел были характерны скорые напевы, такмаки, уличные и деревенские напевы, лирические протяжные, колыбельные, свадебные, гостевые, хороводные, игровые песни. Баиты и мнажаты (жанры одиночного пения эпического и лиро-эпического содержания) были известны у казанских татар и мишар, плачи, трудовые обрядовые песни у крещеных татар и мишар (*56*, с. 121—124).

Жанры башкирских песен близки татарским. У башкир бытовали баиты, повествующие, как правило, о конкретных исторических и бытовых явлениях, и мнажаты, выражающие внутреннее состояние человека (в прошлом, как правило, религиозного содержания). Как у башкир, так и у татар баиты и мнажаты отличаются от собственно песен характером исполнения: их «сказывают», тогда как песни «поют» (джарлар, жырлау; *64*). Характерной чертой жанровой системы башкир является отсутствие собственно свадебных песен.

§ 3. Зимние календарные обряды и песни, сопровождающие их

Как у всех земледельческих народов Европы, в русских селах Среднего Поволжья и Приуралья бытовали зимние святочные обряды: группы колядующих по три — пять и более человек обходили дворы односельчан. Эти группы составляли либо взрослые девушки четырнадцати — двадцати лет, иногда к ним присоединялись и женщины, либо дети — девочки и мальчики девяти — пятнадцати лет *(5)*. В большинстве русских сел Поволжья и Приуралья обходы сопровождались исполнением величально-поздравительных песен с припевами «коляда» и «таусень»[37]. При этом перед Новым годом, как правило, пели величания с припевом «таусень» и всегда получали в вознаграждение ритуальную еду. Перед Рождеством чаще пели величания с припевом «коляда» и получали как ритуальную еду, так и денежное вознаграждение. В ряде сел в тот и другой праздник пели величания с припевами «коляда» и «таусень».

[37] Припевное слово «таусень» встречается в нескольких версиях: авсень, овсень, осень, ой овсень, ох авсень, боу овсень, бай авсень, баусим, дай овсень, той усень, та ой овсень, да то овсень, тоусень, тайсень, тауси, таузи, таусин, таоёсинь, тауси-мауси, таусень-баусень. Происхождение слова — возможно, от «весна» (см.: *70,* т. IV, с. 28).

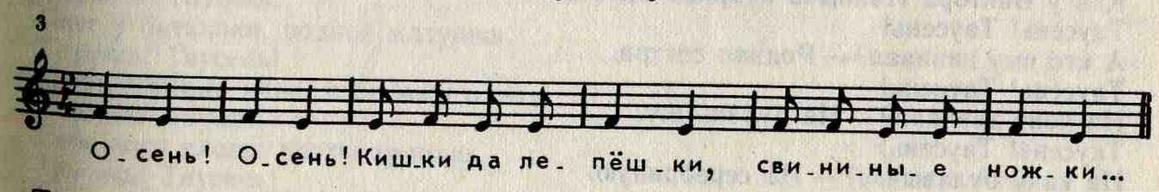
Детские рождественские величания представляли собой либо песни с припевом «коляда» (реже «таусень»), либо прославления Рождества. Пелись на тексты религиозного содержания, припевы отсутствовали. В отличие от взрослых, дети в праздничной одежде ходили колядовать по утрам.

Новогодние обряды колядования восходят к древним магическим обрядам: люди словами и действиями пытались повлиять на силы природы, «вызывая» обильный урожай и т. д. В некоторых селах верили, что первые зашедшие в дом девочки приносят счастье. Их усаживали на меховую шубу, девочки пели «таусеньку» «Сею, вею, рассеваю, с Новым годом поздравляю» (с. Палатово Ульяновской обл.).

Обряд встречи Нового года сопровождался ритуальной едой: кишки, начиненные кашей (домашняя колбаса), свинина, лепешки, обрядовое печенье. Колядующих за их благопожелания вознаграждали: моченым горохом (ему придавалась аграрно-магическая функция), пирогами с горохом (Кузоватовский р-н Ульяновской обл.), пирогами, «кокурками» (печенье в форме сушки), варениками, «усеньками» («кривульками»), плюшками (Инзенский р-н Ульяновской обл.), пирогами из гороха, тыквы, картошки, лепешками (Саратовская обл.), пельменями, пирожками, «колядами» (Оренбургская, Куйбышевская обл.), «таусеньками» (пряниками в виде баранки), кусками пирога — «курника» (Горьковская обл.), «таусеньками» («орешками»), свиными ногами, начиненными кишками (Кадомский р-н Рязанской обл., Теньгушевский р-н МАССР).

Зимние поздравительные величания песнями в народе не считали, их «кричали», но не пели, интонируя напевно или выкрикивая говорком, что также входило в состав ритуала: перед исполнением взрослых величаний в с. Тилимерки (Теньгушевского р-на МАССР) певцы заметили, что «это таусинка, а не песня», «её таусенькают ночию».

Различается тематика детских и взрослых величаний. Величальные песни детей, как правило, имели более наивный характер и заключали в себе поздравление и просьбу подаяния:



Так, утром рождественского дня в с. Чаадаевка (Инзенского р-на Ульяновской обл.) дети «человека по три» входили в избу со словами:

— Баушка-каляда, посконна борода,
Клик иль нет?
— Клик!

— Летел соколок, через баушкин дворок, Таусин!
Потерял сапожок. Таусин!
Кричит, баушка, подай. Таусин!
Мне некыли! Д'я кокурычки мешу. Таусин!
Д'я к обеденке спешу. Таусин!
Пыдавай, не ломай, не закусывай! Таусин!

В с. Коромысловка (Кузоватовского р-на Ульяновской обл.) ребятишки десяти — пятнадцати лет по три — пять человек подходили под окна к каждому дому деревни и кричали:

— Колида, каляда, посконная борода!
Пышки, лепешки, свининные ножки,
В пече сидят, на нас гледят,
Подавать велят!
Кто не даст пышки, разобьем все крышки,
Кто не подаст лепешки, разобьем окошки,
Кто не подаст хлеба, уведем жереба,
Кто не даст пирога, уведем корову за рога!

Взрослые поздравительные величания предназначались либо всей семье, либо хозяину с хозяйкой, либо кому-то из их детей. Так, мужа с женой величали (с. Коромысловка):

Таузи! Таузи!
Как у Виктора жена, раскрасавица она.
Таузи! Таузи!
Она в тереме сидит, перед ней свеча горит.
Таузи! Таузи!
Она сени-то метет, как лазорев цвет цветет.
Таузи! Таузи!
Она двориком идет, ровно павынька плывет.
Таузи! Таузи!
Как и Виктор-господин на крылечик выходил,
Подарочек выносил.
Таузи! Таузи!
Какие подарочки, воздушные прянички.
— С Новым годом!

Величания, предназначенные для молодежи, были родственны свадебным величаниям. Так, в с. Коромысловка (Кузоватовского р-на Ульяновской обл.) перед Новым годом пели величание холостому парню:

Таусень! Таусень!
Как у месяца млада золотые рога.
Таусень! Таусень!
Как у Виктора Иваныча кудрява голова.
Таусень! Таусень!
А кто ему завивал?— Родная сестра.
Таусень! Таусень!
На чово завивал?— На булавычку.
Таусень! Таусень!
На каку булавычку?— На серебряную.
— С Новым годом!

В с. Никольское того же района подобное величание пелось и на Новый год и на свадьбе:

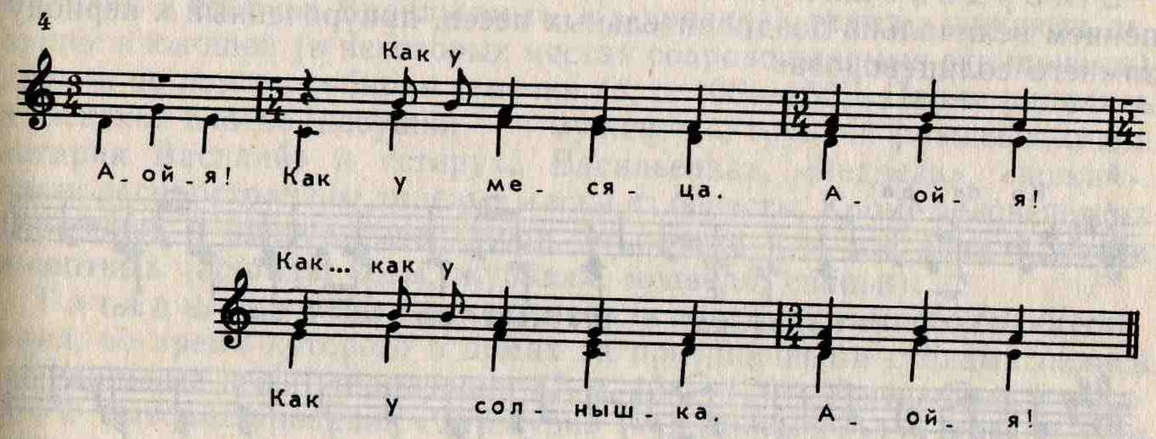
Как у месяца золоты рога.
Таусень! Таусень!
Как у солнышка лучи ясные.
Таусень! Таусень!
У Ивана-ти кудри русые.
Таусень! Таусень!
На плячам лежат, ровно жар горят.
Таусень! Таусень!
Ровно жар горят, развиться хотят.

Таусень! Таусень!
Развиться хотят, жениться велят.
Таусень! Таусень!

В соседнем селе Лесное Чекалино это величание с припевом «люли» бытовало в качестве свадебного (см. приложение, № 25).

Как у месяца золоты рога,
Ой, люли, люли, золоты рога.
Как у светлого лучи ясные,
Ой, люли, люли, лучи ясные...

В ряде сел величание (в качестве зимнего) пелось с другими припевами:



В с. Тарлаково Кузнецкого р-на Пензенской обл., в с. Волынщина и Трубетчина Кузоватовского р-на Ульяновской обл. девушку величали перед Новым годом:

Уж ты ягодка красна, земляниченька красна.
Таусень! Таусень!
Почему она красна?— Во сыром бору росла.
Таусень! Таусень!
Во сырым бору, в шитом браном пологу.
Таусень! Таусень!
Почему Люба умна!— Свет у батюшки росла.
Таусень! Таусень!
Свет у батюшки, родной матушки.
Таусень! Таусень!
Люба горенку мела, себе косу плела.
Таусень! Таусень!
Себе косу плела, приговаривала.
Таусень! Таусень!
Ты расти расти, коса, до шелкова пояса.
Таусень! Таусень!
До шелкова пояса, до злоченого венца.
Таусень! Таусень!

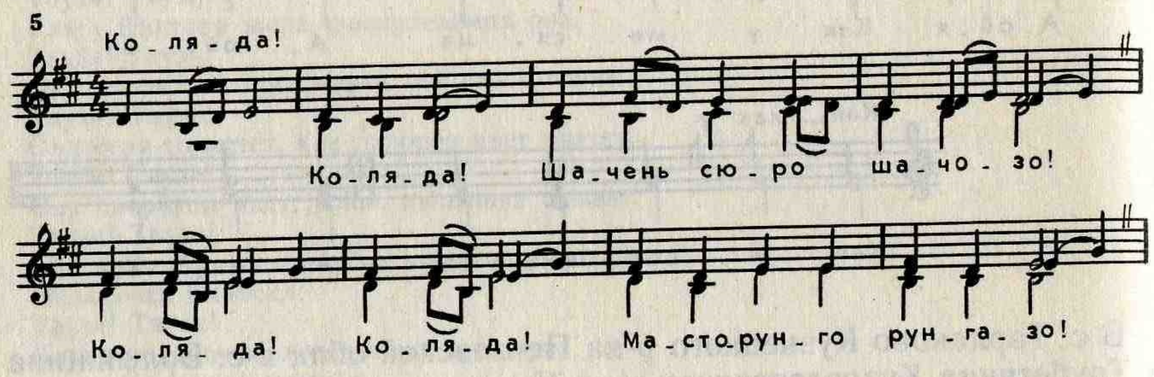
Величание с подобным текстом, но с припевом «люли» бытовало в с. Студенец (того же Кузоватовского р-на) в качестве свадебного.

На зимние святки молодежь собиралась группами, снимала дома, где устраивались игры (например, «в суседи»), пела святочные песни, под которые «ходили парами»: «Все сидят и поют „Я у матушки в терему, я у батюшки высоко“, в то время как одна пара (парень с девушкой) ходит по горнице». По окончании песни парень с девушкой

целуются, садятся на место. Выходит другая пара, ей поют «Кроватушка, кроватушка, нова тесовая», следующей паре — «Белый снег выпадал, с коня молодец упал» и т. д. (с. Радищево Кузнецкого р-на Пензенской обл.).

В некоторых селах в числе святочных песен исполняли весенние хороводные песни: в с. Нехорошево (Горьковской обл.) на святки разыгрывали хоровод «Винный мой колодец»: вся молодежь сидела на лавках и пела, а в центре избы парень разыгрывал действие. Выводил на середину одну за другой трех девушек, они стелили на пол платочки — «постелюшку», и «хозяин» укладывался на них.

В мордовских селах также бытовал обычай обхода дворов с пением величально-поздравительных песен, приуроченный к периоду зимнего солнцеворота:



В ряде сел ранним утром перед Рождеством начинали колядовать пастухи. Входя в дом, они сыпали на порог горсть пшеницы, а в вознаграждение также получали горсть зерна. После пастухов обходы дворов совершали дети. В полдень колядовать шли девушки и юноши. Молодежь останавливалась перед окнами дома, величала хозяев, затем один из парней заходил в дом, чтобы получить вознаграждение, а остальные под звуки нюди, волынки или скрипки начинали плясать. В мокша-мордовских селах бытовал праздник «рождественского дома», начинавшийся в ночь с 24 на 25 декабря и продолжавшийся десять — четырнадцать ночей *(13,* с. 28—38). В селе одновременно было несколько «рождественских домов»: каждая группа колядующих, обойдя село, продавала собранные дары и на вырученные деньги снимала просторную избу. На праздник приходили также старики и пастухи. Начинался праздник с ансамблевого пения «паз-мора» или «шкаймора» (божественных песен), обращенных к духам-покровителям с просьбой о ниспослании обильного урожая, об увеличении семьи и приплоде скота. Обязательными для праздника «рождественского дома» были ритуальные пляски, ритуальное значение имели и плясовые наигрыши на волынке и нюди. Свинья и медведь были культовыми животными мордвы: во время ритуальной еды в «рождественском доме» старейшему подавалась голова свиньи; на этом же празднике исполнялись ритуальные пляски свиньи и медведя.

Обряды, связанные с периодом зимнего солнцеворота, известны и у удмуртов. Так, в Сарапульском уезде бытовал обряд «пельсюн» (съедание ушей). На святках с криками «пель» (ухо) собирали по деревне говядину и курмышку (напиток). Молодежь, участвовавшая в этом обряде, прихватывала с собой крупу, соль, котелок, чайник, дрова, ложки, кусок сахару, складывала все в лубяное корыто с полозьями, усаживала туда же старика и направлялась в лес. В лесу варили еду, играли, кормили старика, он молился, после чего все ели кашу. Завершался обряд в деревне, откуда с криками и стуком выгоняли злого духа *(65,* т. V).

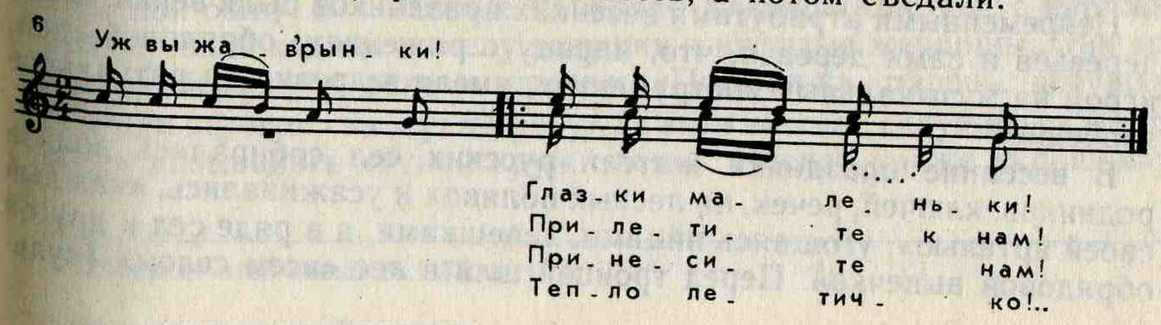
У марийцев существовал новогодний праздник «старика Василия и старухи Васильевны». На праздник группы ряженых девушек и юношей (в некоторых местах сопровождаемые скрипачами) ходили по домам, собирая семечки *(3,* с. 106—152). Парни рядились в женское платье, девушки — в мужское, с группой ряженых ходил «старик Василий» и «старуха Васильевна», «медведь», «вожак». Были распространены лицевые маски из бересты. Кроме человеческих (пророков и покровителей, попа, станового и т. д.) делали маски животных (лошади, козы, журавля, медведя, свиньи).

Татары - кряшены также отмечали праздник зимнего солнцестояния, во время которого в домах за праздничными столами пелись специальные песни «нардуган» *(2,* с. 134—170). У верховых чувашей бытовал праздник «Сурх ури» («Овечья нога»): 7 января дети обходили дворы с пением величальных песен и получали за это пироги из картошки или гороха. 19 января устраивался праздник Кăшарни: парни и девушки собирались в большом доме на посиделки, гадали.

§ 4. Весенне-летние обряды земледельческого календаря и приуроченные к ним песни

Первым праздником проводов зимы и встречи весны была масленица. На масленицу катались на санях («кто дальше проедет с горы, у того лен будет выше»), на лошадях с пением протяжных песен («Распрощай-ка ты прощай, вольный свет», «Прощай, жизнь, радость моя» и др.), частушек.

В начале марта дети русских сел группами или в одиночку закликали весну: взбирались на крыши домов, на пригорки и, подбрасывая или приподнимая на ладонях испеченных из теста «жаворонков», «закликали весну», после чего жаворонков либо оставляли на ветвях елей, либо бросали на поветь, а потом съедали:



Уж вы, жаворонки, глазки маленьки,
Прилетите к нам, принесите нам
Лето теплую, отнесите от нас
Зимушку холодную. Она нам надоела —
Весь хлеб поела, черьз заборы покидала
Руки-ноги обморозила...
С сядой с бородой, посей хлебца!
Пашеничнинькова, аржаничнинькова,
Овсянниньковa, просянниньковa.

В с. Заулка Рязанской обл. на границе с Мордовией эта весенняя закличка начиналась с призыва лета:

Лято! Лято! Поди сюда!
А ты, зима, ступай на мыря!
Надоела ты нам, надоскучила!
Все рученьки и ноженьки
Обморозила, обезножила.
Метель глаза все похлестала,
Все повыхлестала, все повыбила!
Уж вы, жавронки! Жаворонушки!
Прилетите к нам, принесите нам
Лету теплаю, весну красную,
Хоть под крылышком, под куделышком,
Соха, борона, ступай на поля!
С сохой, с бороной, хлеба новая!
Хлеба новенькая, посоленькая.
Лошадки ржут, на волю ждут,
Коровы ревут, шелковой травки ждут,
Овечушки коле речушки,
А свинушки хрючат, корешок хотят!

Весной, выгоняя скот в первый раз на пастбище, хлестали его ветвями вербы, заготовленными в вербное воскресенье (ветви вербы сохраняли до следующей весны). С третьего дня пасхи церковь официально разрешала устраивать народные весенние праздники и обряды. По словам местных жителей, «как поп село обойдет, начинала весна». С этого дня до конца весны молодежь собиралась вечерами и по воскресеньям в хороводы. В селах Горьковской, Саратовской, Оренбургской, Ульяновской обл. хороводами именовались группы собравшихся вместе жителей, в том числе сидящих около своих домов. В «караводах» играли в различные игры, например, катали яйца по наклонной плоскости («если твое яйцо ударится о чужое, то оба яйца становятся твоими»), сбивали яйца ватным мячом: несколько человек раскладывали яйца по одному поперек улицы на расстоянии локтя, и каждый по очереди, отойдя шагов на десять назад, катил мяч. Если мяч попадал в яйцо, то играющий забирал яйцо себе.

Непременными атрибутами весенних праздников были венки, ветви деревьев и сами деревья, что, наряду с ряжением, обрядовой едой, игрой на музыкальных инструментах, имело в древности ритуальное значение.

В весенние праздники жители русских сел собирались вблизи родников, ключей, речек, на лесных полянах и усаживались, «каждый своей артелью», угощаясь яйцами, лепешками, а в ряде сел и другой обрядовой выпечкой. Перед троицей шли в лес «всем селом» («ульцей», «артельно», «всяк своим караводом») с исполнением вёшних песен «заламывать» венки: сгибали ветви березы и, стараясь не отломить, скрепляли их в виде венка. Иногда оставляли на деревьях венки из отломанных ветвей (березы, черемухи) и на следующий день или на троицу возвращались, чтобы определить по своему венку будущее: развившийся или увядший венок считался плохим предзнаменованием. Ветви березы уносили домой украшать избу, ходили с ними по селу, с ветками в руках участвовали в хороводах. Через венки обменивались яйцами, гадали о будущем, бросая венки в воду, кумились, умываясь через опущенные на воду венки. На троицу в лесу, на лугу или в селе плели венки из цветов и травы. В ряде сел при этом пели протяжные и плясовые песни, в некоторых селах — весенние хороводные. Так, в с. Чаадаевка Ульяновской обл., «завивая» венки, многократно повторяли песню «Ой, веночки, ой, зеленочки». Здесь же играли на музыкальных инструментах, плясали. Девушки, парни, молодые женщины шли в лес (с гармошками), где, продолжая петь, плясать, подбрасывали вверх лепешки.

С весенними хороводными песнями бросали венки в воду. Это сопровождалось пением «любых песен», хороводами. В с. Заулка Рязанской обл. процессия с березовыми венками направлялась сначала на ржаное поле, затем к пруду, куда каждый, повернувшись спиной к воде, бросал свой венок. Весь обряд сопровождался песней:

Э, ульё! Не клен, не береза, э, ульё!
Э, ульё! Во ржах там стояла, э, ульё!
Э, ульё! Там сидела кукушка, э, ульё!
Э, ульё! Хорошо скуковала, э, ульё!
Э, ульё! Всею правду сказала, э, ульё!
Э, ульё! Уж вы бабы, вы бабы, э, ульё!
Э, ульё! Плохо ходите, э, ульё!
Э, ульё! Всю зиму прядете, э, ульё!
Э, ульё! Все лето вы ткете, э, ульё!
Э, ульё! А я, береза белая, э, ульё!
Э, ульё! Не тку, не пряду, э, ульё!
Э, ульё! Хорошо хочу, э, ульё!
Э, ульё! В одну неделю распухну, э, ульё!
Э, ульё! В другую оденусь, э, ульё![38]

Бросив венки в воду, участники обряда начинали водить круговые хороводы, первым из которых был хоровод «Как по морю синему».

Через неделю после троицы (в восьмое воскресенье после пасхи) в Поволжье хороводами-шествиями провожали весну. Девушки или юноши, сопровождаемые группами односельчан, носили по селу срубленные березки. Обойдя село, бросали березку в яму или в воду: «Как березку бросили, так и весне конец» (с. Нижняя Вязовка Оренбургской обл.). В с. Лесное Чекалино Ульяновской обл. с наряженной березкой ходили по селу девушки и молодые женщины. Они приносили березку к реке и, сказав: «Полюби-ка, парень, девушку», бросали деревце «на Дунай-реку» (в этом же селе «кружиться в хороводе» называлось «дунай кружиться»). Носили также украшенную

[38] Вариант этой песни см.: *33*, с. 167.

ель и другие деревья; так, например, в с. Малая Борла Ульяновской обл. носили ольху («ёлху»): девушки, парни, женщины шли рядами «во всю улицу», держась под руку. Выйдя за село, «ёлху» бросали, при этом все участники шествия ломали деревце: каждый старался отломить себе ветку, с ней и плясал. В с. Коромысловка Ульяновской обл. женщины, обрядившись мужчинами, мужчины — женщинами, срубали куст репейника, украшали его разноцветными лоскутами, прикрепляли их к шесту и носили по селу с весенними песнями «Как по морю синему», «На улице дождик» и с неприуроченными протяжными песнями. В с. Порецком Ульяновской обл. «венок» (наряженный репейник) носили девушки, переодетые в «барыню» и в «мужчину».

В с. Тумлейка, Теньгушево (на границе МАССР, Горьковской и Рязанской обл.) березку называли «русалкой». В соседних с ними селах Тилимерки, Красный яр, Качеевка русалкой рядилась девушка или женщина, и народ толпой шел на ржаное поле «провожать русалку». На поле «русалка» убегала от людей, вслед ей бросали яйца, которые она потом собирала. В с. Елшанка II Оренбургской обл. пожилые жители рассказывали, что «весной, до нас, были русалки, а при нас их не было». В с. Шутилово, Орловка Горьковской обл. мастерили из соломы «баушку». Ее несли на носилках через все село с пением весенней хороводной песни «Ой, да весна-красна, она без игры прошла» (см. приложение, № 3). «Баушка» прощалась с встречающимися по пути «караводами», кланялась им, последние также отвечали ей поклонами. Процессия с «баушкой» шла на поле («в рожь»), где ее «коронили», или к роднику, в который ее бросали. В русских селах Татарии (Алексеевский р-н) женщины делали «куклу» высотой в человеческий рост. Ее наряжали в одежду, аналогичную местному женскому костюму. Куклу нес по селу парень (кукла была тяжелой), по пути она должна была играть, плясать, поворачиваться. На традиционном месте вождения хороводов вокруг куклы устраивались круговые хороводы. По завершении праздника куклу либо сжигали, либо бросали в воду. В русских селах Алатырского и Порецкого р-нов Чувашии куклу называли «костромушкой». Здесь и теперь день проводов весны именуют «костромушкой». В «костроме» может рядиться и женщина. Ее с песнями («Костромушка, кострома, не болит ли голова...») и шутками волокут («по лужам, по траве на санях») «коронить» к реке, где сбрасывают в воду. В с. Новиковка Пензенской обл. костромушкой[39] называлась «лошадь» (ее изображали две женщины). Костромушка возглавляла шествие, замыкаемое пожилыми женщинами, направлявшееся через все село в поле с песней:

— Серые гуси, ой, га, га, га, га,
Куда вы летали, ой, га, га, га, га,

[39] «В Пензенской и Симбирской губерниях в Духов день девки, выбрав из себя одну, нареченную Костромою, кладут ее на доску, на коей несут ее на реку, где, сложив ее, купают друг друга в реке, потом, сделав из лубка барабан, под звуки его, возвращаются домой и, нарядясь, выходят на улицу играть в хороводы до вечера» (см.: Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 3. С. 164).

— На чистое поле, ой, га, га, га, га,
— Чего вы видали, ой, га, га, га, га,
— Мужика с лаптями, ой, га, га, га, га...

Вариант этой песни бытовал и в Оренбургской обл.

Завершалось шествие на лугу. Здесь начинались игры, водились круговые игровые хороводы («Винный наш колодезь», «Как под лесом, лесом», «Ой, веночки, ой, зеленочки», «Ой, весна, ой, красна»).

Во многих селах Поволжья «коня водили» мужчины. В Горьковской обл. (с. Нехорошево, Маресево, Апраксино), в с. Булгаково МАССР двое парней держали две палки, на которые накидывали «торпище» (полог). С одной стороны к палкам привязывали череп лошади. «Коня водили» вечером по селу. Иногда один мужчина наряжался «конем», а другой его «погонял». По словам местных жителей: «мужчины наряжались конем, „пужалами“, и все село шло сверху вниз провожать весну, играли в косу, плясали». В с. Бояркино Ульяновской обл. набивали сеном полог, сшивали его и привязывали спереди и сзади к двум лошадям. «Получался конь», которого водили, но не в конце весны, а в начале — на масленицу. В с. Палатово Ульяновской обл. «коня» водили на зимние святки. Жители рассказывали: «Один-двое женатых мужчин наряжались, прихватывали с собой вилы, ухваты, „делали коня (на четыре ноги)“, участники процессии били кнутами встречных односельчан, а те от них убегали».

После проводов весны следовали летние праздники, на которые, как правило, хороводы не водили. Через неделю после проводов весны в ряде русских сел (Маресево, Шагаево, Василёвка Горьковской обл.) праздновали «Ярило»[40]. Девушки шли по селу гурьбой, звенели в заслонку, в косу, плясали. В других русских селах в это же время (в июне) проходили «игрища» (с. Линейка, Тумлейка Вознесенского р-на Горьковской обл.). На игрищах плясали, обливались водой, ходили на ярмарку. Из сел Инзенского р-на Ульяновской обл. на праздник Ярила ездили за реку Суру в Большие Березники на ярмарку. На Ивана Купалу (Ивана Травника) заготавливали лечебные травы, а если долго не было дождя, то девушки и женщины обливали всех, кто попадался им «под руку», водой.

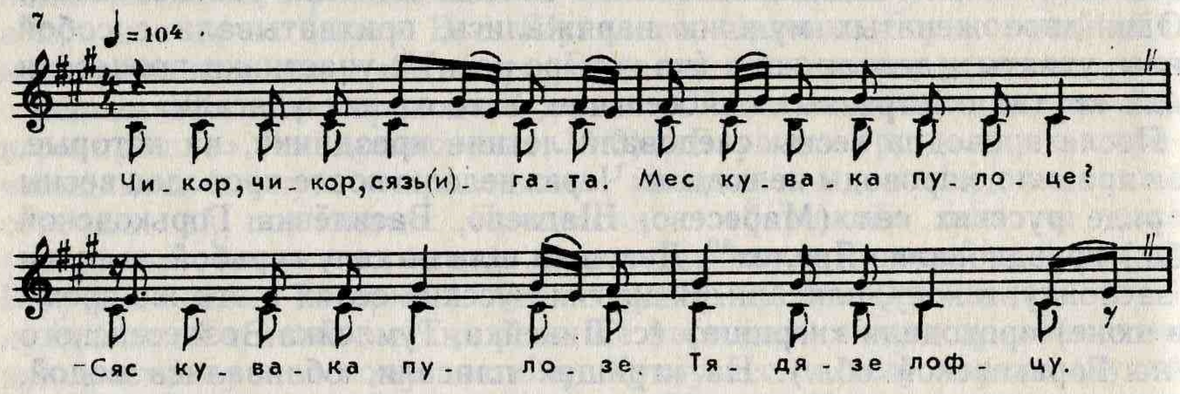
Осенью, после Михайлова дня (на «сборна») бросали курам обруч и в него сыпали зерно, «чтобы куры неслись». В ряде сел на «девичий праздник» Кузьмы и Демьяна (осенью) устраивались игры (уже в помещении), сопровождаемые песнями.

Обряды и праздники, посвященные весеннему пробуждению природы, поминовению усопших, началу земледельческих работ, известны у всех народов Поволжья и Приуралья. Наиболее близки русским обрядам весенне-летние обряды финно-угорских народов. В то же время под внешним сходством того или иного обряда или праздника скрываются зачастую своеобразные национальные обычаи, видоизмененные под влиянием насильственно насажденного христианст-

[40] «Иван Купало, празднуемый от Днепра до Неменя, между чернью называется Ярилою в Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях... Всесвятское заговенье известно в Костроме и Твери под именем Ярилы...» (Снегирев И. Русские простонародные праздники... Вып. 3. С. 179—183).

ва. Так, письменные источники рассказывают о существовании еще в прошлом веке весенних мордовских праздников «молянов». Весной мордовские крестьяне собирались в роще, устраивали складчину, варили в пивном котле быка. В роще выбирали дерево (дуб или вяз), на которое каждый прикреплял кусочек воска. По совершении обряда угощались, пели песни, плясали. Этот праздник назывался кереметным и, как повествует описание середины прошлого века, «...лет сорок назад был отправляем с большим торжеством и гораздо более имел вид язычества: приносили в жертву зверей, птиц»[41].

Первый весенний праздник — масленица в мордовских селах — сопровождался печением блинов, пирогов в форме домашних животных и птиц, а в ряде сел — исполнением ритуальных песен, призывающих перелетных птиц, и песен-диалогов с птицами. Во время праздника катались с гор и на лошадях. Бытовало также ритуальное кормление птиц: разбрасывание с пригорка кусочков пирогов и блинов *(13,* с. 46—65). В начале марта, как и в русских селах, дети с испеченными из теста «жаворонками» или пожилые женщины с блинами в виде сороки в руках закликали весну:



Чикор, чикор, сорока,
Я тебя намажу маслом,
Намажу гладкие перья (твои),
Чтоб они больше блестели...[42]

В ряде сел (эрзянское с. Ст. Тёпловка Оренбургской обл.) дети по двое, по трое ходили «кричать жаворонков» перед дворами своих односельчан, за что получали пирожки, а в это время молодежь ходила «ругать молодух», крича перед домами молодоженов корительные припевки. Хозяева благодарили за припевки и одаривали исполнителей угощениями (с. Стандрово МАССР). В эти же дни (во время поста) девушки перед окнами своих ровесников и ровесниц или на берегу реки припевали подруг к парням весенними песнями с припевами «Вияна», «Лияна» и др. (с. I и II Домасёрки Ульяновской обл.). Песни «Виянама» (вий — сила, анама — просить) могли исполняться и без припевов (с. Вачелай Пензенской обл.).

[41] Пензенские губернские ведомости. 1847. Отдел II, часть неофициальная: № 24: Этнографические заметки о мордвах.

[42] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1981. Т. 7. Ч. 3. С. 290, 73.

По рассказам жителей мордовских сел, весенние гулянья и хороводы начинались так же, как и в русских селах, сразу после пасхи. Первой весенней песней, как правило, была традиционная хороводная песня, например, «Из-за лесинька, из-за темная» (с. Годяйкино Ульяновской обл.). Первый хоровод составляли женщины: одна из них, как правило, ряженная мужчиной, вставала в центр круга и размахивала руками, как дирижер. Запевавшая песню заводила и круг. К женщинам присоединялись девушки. Те и другие шли по кругу, держась либо не держась за руки. После первой хороводной (обязательной весенней) песни исполнялись «любые» — как хороводные, так и протяжные и плясовые. На праздник летнего Миколы (9 мая) девушки мордовских сел собирались группами; в каждой группе двух подруг наряжали барынями, двух — женихом и лакеем. Затем все девушки, взявшись за руки, шли по селу, растянувшись цепочкой поперек улицы, и пели; впереди шествовали ряженые, которые ударяли встречных односельчан прутьями (с. Сухой Карабулак Саратовской обл.). Дойдя до какого-нибудь каравода (группы сидящих людей), цепочка останавливалась, девушки образовывали круг, и ряженые плясали в кругу под пение плясовой мелодии без слов («под язык»). Во многих мордовских селах водили хороводы с ветками в руках. Дубовые ветки, а также столб, на который в селе прикрепляли ветки, называли «рощей» (с. Кивать Ульяновской обл.). Девушки с ветками в руках становились вокруг столба и, размахивая ветками, пели: «Роща, пороща, роща моя, роща»; одна из них в это время ходила у столба, внутри круга. Носили по улицам и березки (реже — ель), а в с. Стандрово (МАССР) привозили целый воз березок, ставили их вдоль улицы и ходили мимо них с песнями. В некоторых мордовских селах (Горьковская обл.), как и в русских, провожать весну шли с «баушкой» или с куклой из соломы. В с. Сухой Карабулак Саратовской обл. девушки рвали цветы, мастерили из них крест, на него накидывали шаль, борки (юбку). Это подобие человеческой фигуры символизировало весну. «Весну» несли через все село, за селом снимали шаль, борки, а крест бросали в воду. В с. Годяйкино Ульяновской обл. на троицу срубали березку, наряжали ее лентами. Одна девушка несла деревце через все село до края леса, позади шла молодежь с пением «разных» песен и игрой на гармонике. На краю леса с березки снимали ленты и бросали ее, а сами с песнями под аккомпанемент гармоники возвращались домой. Через неделю в том же селе провожали весну: трое юношей несли ели (каждый по деревцу). За ними шел «весь народ». В группе девушек были ряженные барыней и барином. Встретив по дороге «каравод» (группу) односельчан, идущие останавливались и образовывали круг. «Барыня» и «барин» пускались в пляс, за ними и остальные участники праздника. Шествие заканчивалось за селом на ржаном поле: ряженые убегали подальше от посторонних глаз, переодевались, юноши оставляли елки. Завершались проводы весны возвращением в село с общими плясками под гармонь и балалайку.

В мордовских селах, расположенных вблизи Алатыря, весной (на второй день троицы) наряжали Вирьаву (лесную женщину): двух-

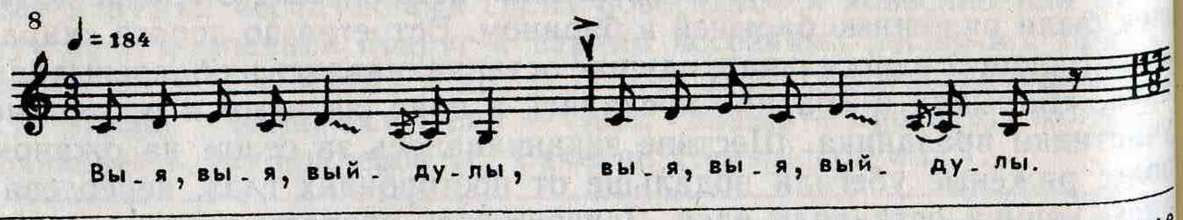
трех женщин в лесу закутывали в кленовые листья так, что «человека не было видно». За «лесными женщинами» шел весь народ, пели песни, «хозяйки выносили по паре яиц», потом все расходились по домам и угощались. В ряде мордовских сел водили и «коня» (с. Оркино Саратовской обл.). В других мордовских селах на троицу носили в лес стряпню, в лесу пели «всякие» песни, плясали (с. Ёга Куйбышевской обл.). В с. Старая и Новая Тёпловка, Пронькино (Оренбургская обл.) на пасху по полю ходили с иконами и молитвой, после чего все отправлялись к роднику в лес или к колодцу в село и там служили молебен. Хороводы водили с песней «Роща долга, зелена» и «Как по морю, морю синему».

Осенью после сбора урожая девушки собирались на посиделки в избах или банях, а юноши ходили «под окнами» выглядывать себе невест; игры и пляски на посиделках в мордовских селах устраивались реже, чем в русских. В с. Оркино (Саратовская обл.) в октябре целую неделю проходили «ссыпчины»[43]: девушки приносили угощения, парни пригоняли лошадей — в число забав входили скачки на лошадях девушек, наряженных в праздничные национальные костюмы. Молодежь пела, плясала, на гулянья съезжались даже помещики из соседних деревень и уездного города Петровска *(78,* с. 681 и сл.).

В марийских селах в начале апреля проводился праздник «моления о скоте», в мае — праздник пашни с ритуальной едой (блины, яичница, пиво, мед), молитвами об урожае, весенними песнями. После весенне-летних работ проходил праздник сохи с исполнением прикрепленных к нему песен. В июне-июле мужчины марийских сел устраивали праздник изгнания шайтана, в конце праздника объезжали свои села и шумом изгоняли из домов злого духа, за что получали вознаграждение *(30,* с. 488).

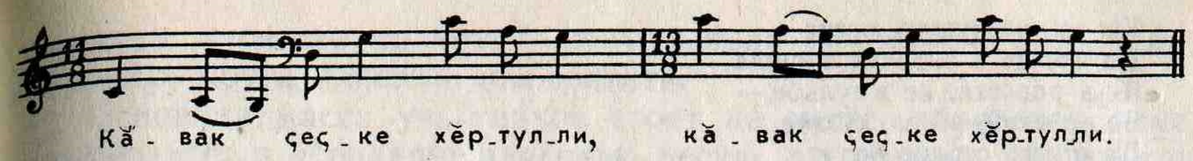
В удмуртских селах на весенние праздники молодежь ездила верхом на лошадях от дома к дому с исполнением приуроченных к этому времени песен.

В чувашских селах известны праздники весенней пашни, лета, сопровождавшиеся хороводами, играми молодежи и детей, праздники поминовения усопших. Во время весенне-игровых обрядов чувашей (уяв — низовых, вăйă — верховых и средненизовых) исполнялись хороводные песни. В селах низовых чувашей в окрестностях Алатыря и Шемурши весной водили круговые хороводы с пением хороводных песен, например, с песней «Выя, выя, выйдулы»[44]:



[43] В ряде марийских сел «ссыпчины» устраивались на зимних святках (на гулянье каждый шел со своим угощением, вместе варили пиво, а утром, после гулянья, молодежь шла на озими, делала копны из снега, приговаривая: «будь бел и хлеб, как бел этот снег»).

[44] Выля *(чув.)* — игра.

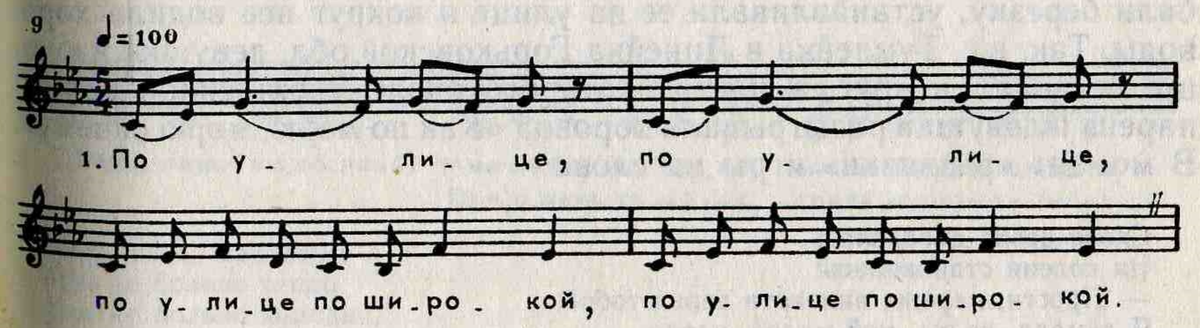


В чувашском селе Ст. Айбеси весной, по рассказам местных жителей, «ходили молиться в лес богу Перуну», который «был вытесан из дерева». Весенне-летние праздники, сопровождавшиеся исполнением весенних песен и играми, известны и в татарском и в башкирском народном календаре; так, в Западной и Южной Башкирии после завершения сева проводился праздник, во время которого варили и ели кашу, водили хороводы, а оставшуюся по окончании праздника кашу отдавали грачам *(81)*. Праздник плуга — сабантуй — известен всем народам Поволжья: агапайрам (праздник сохи) — у марийцев, кереть озкс (моление плуга) — у мордвы, агаяшка (акаяшка) или геры поттон (вызов плуга) — у удмуртов, акатуй (праздник сохи) — у чувашей, сабантуй — у башкир и татар.

§ 5. Типы построений, виды и сюжеты волжских хороводов, хороводные песни

По форме построений волжские хороводы и хороводные игры подразделяются на три основных типа: хороводы-шествия, круговые хороводы и хороводы линейного построения.

По всему Среднему Поволжью и Приуралью были распространены хороводы-шествия. Они упоминаются в приводимых нами выше описаниях весенних обрядов русских и мордовских сел. Участниками хороводов-шествий были либо только девушки и молодые женщины, либо вся молодежь. К шествию могли присоединиться и все желающие. Во время шествий ходили «гурьбой» («артелью»), рядами поперек улицы:



Шествия сопровождались исполнением хороводных, приуроченных песен (пели, как правило, девушки и женщины) и игрой на музыкальных инструментах.

Одним из наиболее распространенных поэтических мотивов песен, приуроченных к хороводам-шествиям, в русских и ряде мордовских сел был мотив «в сухоте и горе прошедшей весны» (см. приложение, № 34), который соединялся либо с игровым сюжетом («молодушка просит отпустить ее в хоровод»), либо с поэтическим мотивом протяжной песни:

Уж ты, веснушка, весна,
Да что не в радости прошла,
Не в радости, не в гульбе,—
Во великой, весна, сухоте.
Да отчего сердце болит,
Болит сердце во саду...
В саду молодец гулял,
На своем добром коне,
Конь — черкасская узда,
Шелковые повода.
Сидит Ванюша в тюрьме,
Белокаменной стене.

Многие хороводы-шествия сопровождались исполнением протяжных песен, в текстах которых звучали любовно-лирические темы.

В мордовских селах к хороводам-шествиям нередко были приурочены песни с описаниями весенних гуляний:

Адядо, ялгат, а минь адядо
Пиже лугава, да ялгат, якамо,
Цеця балягань, ялгат, кочкамо...

Пойдемте, подружки пойдемте
По зеленому лугу, подружки, гулять,
Цветы в букеты, подружки, собирать.

В русских селах и селах других народов бытовали круговые хороводы трех видов:

1. Основная масса участников стоит на месте, образовав круг, или движется по кругу, исполняя игровую песню. В это время внутри круга солисты («лицедеи») разыгрывают действие (пантомимно-иллюстративный вид хореографии, игровой хоровод). Хороводная игра «Ой, веночки, ой, зеленочки, хожу я, гуляю, вокруг городочку» была известна во многих селах: человек шесть играющих вставали в ряд — они изображали «жениха», «богату невесту», «ласкову тещу» и т. д. Остальные участники хоровода (человек пять) ходили вокруг «лицедеев», держась за руки, незамкнутым кругом. Со всех сторон их обступали зрители.

В тех селах, где поблизости росли березы, во время хоровода срубали березку, устанавливали ее на улице и вокруг нее водили хороводы. Так, в с. Тумлейка и Линейка Горьковской обл. девушки и юноши вставали в круг, в центре которого около украшенной березы парень и девушка разыгрывали хоровод «Как по морю, морю синему». В момент «развязки» игры на слова:

Скоро девка догадалась,
На колени становилась:
— Прости, парень, виновата перьд тобой,
Я думала, не ты, мой милой, идешь...—

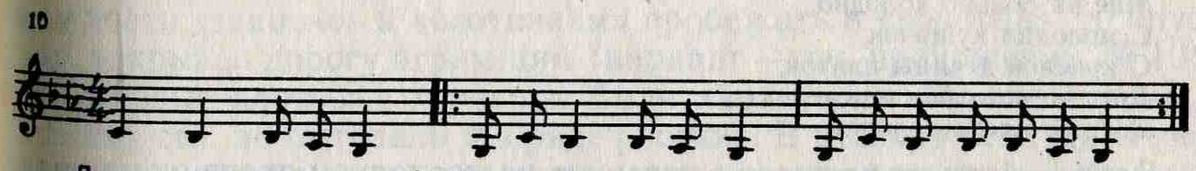
девушка кланялась «жениху» и шла за ним по кругу. В с. Лесное Матюнино, Коромысловка Ульяновской обл. вокруг березы разыгрывали хоровод «Промеж двух белых берез». Широко распространенным весенним хороводом был хоровод «Как под белою, под березою» (см. приложение, № 2). Как правило, его исполняли, двигаясь по кругу («кружились»). Один и тот же вариант хороводной песни «Как под белою, под березою» могли петь и стоя в кругу, и сидя, не выполняя никаких движений. В ряде сел (например, в с. Палатово Ульяновской обл.) бытовал вариант песни, исполнявшийся с пляской:

участники, стоящие по кругу, притопывали и хлопали в ладоши, а в центре круга плясали два солиста.

2. Основная масса участников стоит на месте, образовав круг, приплясывает и исполняет плясовую песню, в то время, как внутри круга пляшут солисты (плясовой хоровод).

3. Все участники с пением хороводной песни движутся по кругу, держась или не держась за руки. Они либо идут стоя лицом внутрь круга, либо движутся, построившись в затылок друг другу, свободно опустив руки или положив их на пояс впереди идущего (последнее отмечено в мордовском селе). Хоровод может двигаться как по солнцу, так и против солнца. Возникает смешанный орнаментальный и пантомимный вид хореографии («ходовой» хоровод). Движение участников хороводов по кругу, как правило, асинхронно по отношению к ритму песни. В ряде сел, например, в русском селе Топоровка Пензенской обл. (хоровод «Не стякай, вода, вдоль по камешкам») и соседнем мордовском селе Вачелай (хоровод «Лесу темная, сад зеленая»), участники движутся двумя концентрическими кругами: по внутреннему кругу идут юноши, по внешнему — девушки. Ребята во время исполнения песни присматриваются к девушкам. По окончании песни каждый подходит к своей избраннице, пара целуется, и хоровод начинается снова. В ряде сел по внутреннему кругу хоровода ходили один или два юноши, в некоторых — в кругу стоял «столб»: один парень или одна девушка. С пением хороводных песен по кругу весной ходили и дети одиннадцати-двенадцати лет (пос. Раздолье Оренбургской обл.).

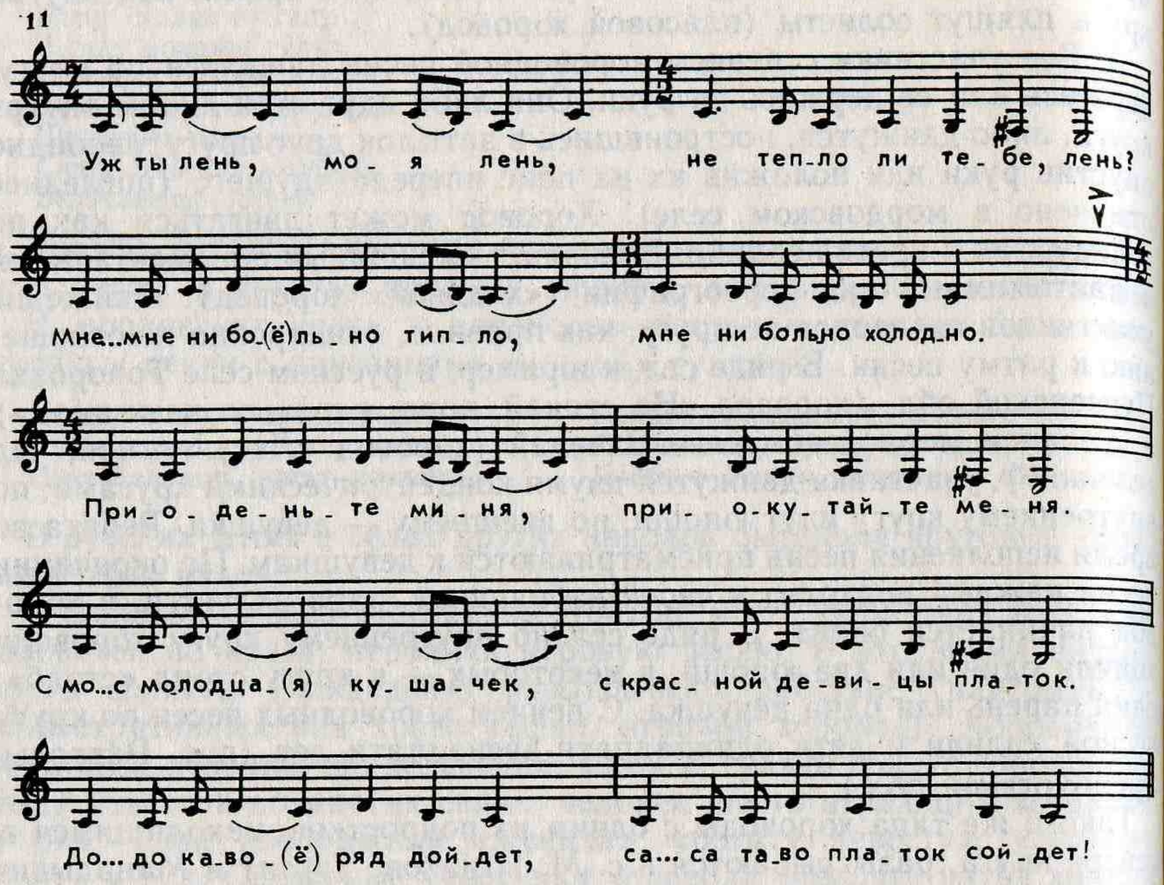
Такого же типа хороводы с одним из подростков, находящимся в центре круга, разыгрываются в с. М. Игнатово (эрзя) и Манадыши Ардатовского р-на МАССР. В с. М. Игнатово участники хоровода движутся по кругу, взявшись за руки (на плечах девочек были накинуты платки), под песню:



Лень, лень, малолень,
Мне не больно тепло,
Мне не больно холодно,
Приоденьте меня,
Призакутайте меня,
С молодца кушачком,
С красной девушки платком.

Тот, кто на последнем слове оказывался лицом к стоящему в кругу, набрасывал водящему на плечи свой платок. Хоровод продолжался до тех пор, пока платки всех участников не ложились на плечи стоящего в центре круга: он, взмахнув руками, подбрасывал все платки вверх, и каждый старался подхватить свой платок. В с. Манадыши I был известен другой вариант этой же игры: круг тоже двигался, но

водящий не стоял на месте в центре круга, а шел в противоположную сторону и на каждое слово песни рукой показывал на того, кто в этот момент находился напротив него:



Уж ты лень, моя лень,
Ни тепло ли тебе, лень,
Мне не больно тепло,
Мне не больно холодно...
С молодца кушачок,
С красной девицы платок,
До... до кого ряд дойдет,
Со того платок сойдет.

Водящий срывал платок с того, кто на последнем слове оказывался напротив него. Игра начиналась снова.

К круговым можно отнести и детский хоровод, записанный в с. Маресево Горьковской обл. Во время многократно повторяющегося двустишия:

Косой плетень, заплетайся,
А Марьюшка, прививайся...

к цепочке подростков, закручивающейся в виде «улитки» вокруг одной стоящей в центре девочки, присоединялись все новые и новые участники. «Плетень продолжал заплетаться», пока наконец кто-то в шутку не сталкивал весь «клубок» подростков.

Для всего хороводного цикла были характерны трудовые, любовно-лирические темы, описания весны и самих хороводов. Многие сюжеты хороводных игр были посвящены выбору невесты.

Одним из наиболее известных круговых игровых хороводов был

хоровод «Винный (верный) наш колодец»: в кругу юноша или девушка, наряженная парнем, изображали «хозяина». «Хозяин» ездил в три разных населенных пункта и привозил поочередно трех «умниц», которые по его просьбе стелили и убирали постель,— так проверялись трудовые качества девушек. Примечательно, что хороводная игра в мордовском с. Кивать Ульяновской обл. при полной идентичности с игрой русских сел имела свои особенности: «хозяин», выбрав «умницу» из хоровода девушек, выводил ее в центр круга, держа под мышки. В хороводной игре (русские села) «Выбор невесты донским казаком» («Ходил, гулял донской казак, невест выбирал») девушка не сразу «соглашалась выходить за казака», она предварительно узнавала «у соседушек, какой человек», и только после «положительной характеристики соседей» девушка кланялась «казаку», выражая свое «согласие». Так, выбор «графом Румянцевым» невесты «удается» только после того, как «он вострy саблю вынимает, красну девушку стращает» (хоровод «Мы вечор торги торговали», см. приложение, № 4). В хороводе «Середи Москвы повалузя стоит» (см. там же, № 5) девушка выбирала себе ровню, в хороводе «Гуляют девушки вдоль по улице» девушка выбирала парня в единоборстве с ним, в хороводе «Лесу темная, сад зеленая» из-за девушки спорили «двое молодцев» (см. там же, № 6). Весенние хороводные игры затрагивали и темы семейной жизни: «нельзя жену бить» (хоровод «Между двух белых берез вода протекала»), «привязала жена мужа ко белой березе» (хоровод «Я у тятеньки, у маменьки един сын родился», см. там же, № 7).

В русских селах широко бытовал хоровод сатирического содержания «На улице диво, варил чернец пиво»: участники хоровода стояли по кругу и пели, а в центре круга парень изображал чернеца — «ломался». В русских и особенно в мордовских селах излюбленной хороводной игрой была «ловля заиньки» («Ты, заинька, где была?»): хоровод стоял со сцепленными руками, то поднимал их и давал возможность «заиньке» и «охотникам» пробежать в «воротца», то опускал, закрывая дорогу играющим (вариант — см. приложение, № 10).

Круговые плясовые хороводы были характерны больше для мордовских сел, но бытовали и в ряде русских. В русском селе Палатово Ульяновской обл. во время исполнения хороводных песен «Как под белою, под березою», «Ты, утица луговая» стоящие по кругу приплясывали, а два солиста плясали внутри круга. В мордовских селах круговые плясовые хороводы исполнялись с пением хороводных песен как на мордовском языке, так и на русском; пелись без слов («под язык»), на несмыслонесущие слоги (например, «ляли-вали») и под аккомпанемент плясовых мелодий, исполнявшихся на музыкальных инструментах.

Круговые ходовые хороводы исполнялись с пением традиционных хороводных песен и в сопровождении протяжных, близких по тематике сюжетам хороводных песен. Во многих селах был известен хоровод с песней «Стой, мой милый хоровод, стой, не расходись», в тексте которой (вариант мордовской из с. Тешнярь Пензенской обл.) повествуется: «в етим караводе робяты гуляют, скакают, плясают».

Хороводы линейного построения, бытующие в Среднем Поволжье и Приуралье, подразделяются, как и круговые, на игровые и «ходовые», в основе которых лежат перестроения и передвижения участников (орнаментальный вид хореографии). Одним из наиболее распространенных игровых хороводов линейного построения является хоровод «стенка на стенку», исполняющийся с песнями «А мы просо сеяли», «Сею, рассеваю из рук беленький леночек», «По́дойду, я под новый город по́дойду» (см. приложение, № 8), «Бояре, а мы к вам пришли». В одних селах два ряда участников хороводов сходились навстречу друг другу, кланялись и снова расходились, в других — подробно разыгрывали весь сюжет хоровода («А мы просо сеяли», с. Чаадаевка Ульяновской обл.), заканчивая его игрой в «свадьбу». В с. Мордовская Темрязань девушки ходили рядами навстречу друг другу с песней «Винный наш колодец». К линейным относится хоровод, разыгрывавшийся в с. Печи Горьковской обл.: девушки, построившись в затылок, с венками в руках движутся поочередно двумя параллельными линиями по улице к мосту под песню «Как по морю, морю синему». Дойдя до середины моста, каждая из участниц хоровода бросает венок в реку. В с. Топоровка Пензенской обл. девушки, взявшись за руки и построившись парами друг за другом, проходят в хороводе в воротца, образованные передними парами, с песней «Перевесил наш яровой хмель на мою сторонку». Парами лицом друг к другу строятся в хороводе девушки в мордовском с. Годяйкино Ульяновской обл.: с песней «Березынька белая, вот на этой на березке сидит сизенький голубчик» одна пара «наступает» на другую, та отходит назад; затем пары меняются.

В русских и мордовских селах в окрестностях Алатыря водить хоровод называлось «мерить село»: девушки «цеплялись» за платочки и шли по улицам села друг за другом с пением хороводных и лирических песен.

Традиционной «обязательной» весенней хороводной песней в подавляющем большинстве русских и мордовских сел была хороводная песня «Как по морю, морю синему». С этой песней шли на луга с ветками в руках (с. Большое Алпаево Оренбургской обл.), к реке (с. Аксаур Ульяновской обл., с. Печи Горьковской обл.), вокруг березы «зацепочкой рука об руку» (с. Налитово Ульяновской обл.), с этой песней начинали круговые хороводы после того, как бросали венки в воду (с. Заулка Рязанской обл.), ее пели на лугах, в лесу, в селе, сидя на траве — на троицу (с. Новая и Старая Тепловка, Елшанка II Оренбургской обл.). В ряде сел «Как по морю, морю синему» была одновременно традиционной весенней и свадебной песней. В с. Каменная Сарма Оренбургской обл. ее пели невесте и жениху на запое, в с. Аксаур Ульяновской обл. с этой песней выходили с пирогом во время выкупа невесты, в с. Студенец той же обл. «Как по морю, морю синему» была первой песней на пиру в доме молодого, причем ее исполняли притопывая и размахивая платочками, в с. Малая Борла той же обл. ее пели, когда приходили в дом молодого «в горны́е».

Одна из широко распространенных весенних хороводных песен в русских и мордовских селах Поволжья уже упоминавшаяся нами игровая песня «Винный (верный) наш колодец» в ряде сел (с. Нехорошево Горьковской обл.) бытовала в качестве игровой на зимних святках.

§ 6. Особенности свадебных обрядов в селах Среднего Поволжья. Традиционные свадебные песни

Свадебный обряд русских сел Среднего Поволжья четко разделяется на две части: первая — прощальные обряды в доме невесты и подготовка обеих сторон к переходу невесты в другую семью; вторая — свадебные пиры в домах жениха и невесты. Первая половина свадьбы сопровождается, как правило, прощальными свадебными песнями, родственными свадебному причету, плачами невесты и величальными песнями; вторая половина свадьбы проходит под плясовые песни. Основными эпизодами, входившими в свадебное действо большинства сел, являлись: 1) сватовство, смотрины жениха и невесты, смотрины дома жениха, рукобитье (заручка), запой; 2) хозяйственная подготовка обеих сторон к свадьбе, вечорки у невесты, хождение подруг невесты «за мылом» к жениху, выпечка свадебных пирогов, девичья баня; 3) сбор поезжан, выкуп невесты, переход невесты в дом жениха; 4) пир в доме жениха, послесвадебные визиты новых родственников друг к другу. Поскольку письменные источники прошлых веков содержат описания свадебного ритуала лишь некоторых сел Поволжья, в наше время изучение обряда основывается на описаниях, данных местными жителями старшего поколения. Свадьба как целостный ритуал в Поволжье начала XX века по описаниям наших современников предстает в разрушающемся, трансформированном виде, все более приобретающем характер театрального действа. Многие эпизоды, имевшие в моменты формирования магический или сугубо хозяйственный смысл, утеряли его; до нас дошли игровые моменты, сопровождающиеся порой не традиционными, предусмотренными строгим ритуалом свадебными песнями и причитаниями, а приуроченными к данному событию протяжными или плясовыми песнями. В связи с изменением жизненных условий народа в наше время отпала необходимость ряда эпизодов; так, уже в рассказах местных жителей старшего поколения такие этапы обряда, как предварительное сватовство, сватовство, рукобитье (заручка), запой, сливаются воедино и в своих описаниях «носители фольклора» зачастую смешивают и объединяют их.

1. В одних русских селах сватать приходили мужчины (родственники жениха), в других — женщины. Смотрины жениха и невесты были обязательными, но проходили либо во время сватовства, либо во время запоя. Сразу после того, как невесту просватали, девушки начинали под окнами петь «невестины» (см. приложение, № 11) или лирические песни, оповещая все село о сватовстве. Через неделю или две после сватовства устраивали запой. На запое договаривались о сроках окончательной подготовки к свадьбе, о размерах приданого невесты и выкупа («кладки») жениха. На запой, как правило,

приезжал жених со своей ближней родней. Как и на сватовстве, речь о цели приезда заводили иносказательно: «Зашли к вам погреться. У вас вот телку продают, купить хотим.— Ну, продадим. У нас продажная телка, проходите за стол». За стол садились с приуроченной к этому моменту песней («Долго ждали, наконец дождались мы друга» — с. Чаадаевка Ульяновской обл.). «Порядив кладку», в некоторых селах договор скрепляли рукопожатием («били по рукам»), причем, чтобы молодым богато жилось, на руки должны были надеваться рукавицы (с. Ключи Саратовской обл.). В с. Анютино Горьковской обл., Загоскино[45] обычай рукобития был самостоятельным эпизодом свадьбы, так же как обычай заручки в с. Ножкино и Мокрое Саратовской обл.: «Как зарущут, начинают кладку рядить».

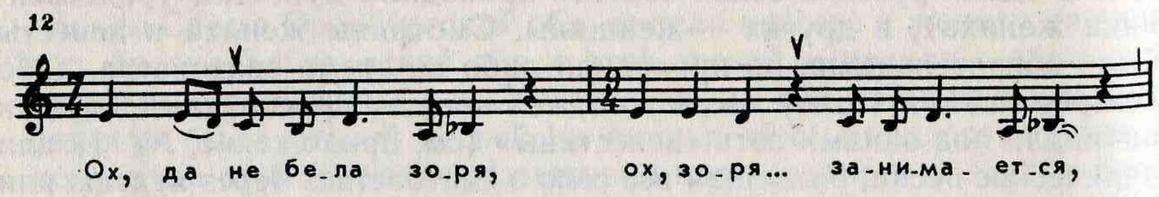
Невеста и жених в сватовстве и запое, как правило, не участвовали, а были в это время с молодежью в чулане (место в избе между окном и челом печи, загороженное занавеской), в мазанке (в амбаре) или у соседей («в шабрах»). Невесту и жениха выводили к пирующим («на беседу») благословить. В с. Бояркино, Чаадаевка Ульяновской обл. невесту выводили «крепостные» (ближние) подруги, сажали около жениха, находившегося среди родственников, и пели жениху величальную песню:

Сладка ягода узюмина
Впереде сидит угрюмая,
Со душою красной девушкой,
Свет и Анною Михайловной.
— С песенкой тебя, Иван Григорьевич!

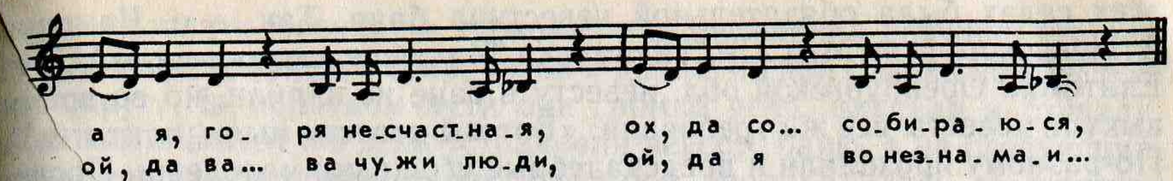
После этого невесту уводили.

В ряде сел традиционной песней, исполнявшейся на запое, была «Батюшка, пей, да меня не пропей», в некоторых же селах песен, специально прикрепленных к первым моментам свадебного ритуала, не существовало. Здесь пели традиционные свадебные песни, исполнявшиеся и в последующие эпизоды первой половины свадьбы (до венца). Так, песню «Уж ты, лента моя, ленточка» в с. Русская Темрязань пели на запое, и тогда, когда шли с постелью к жениху, и после невестиной бани, и в последний вечер в доме невесты. Вечером после запоя в большинстве сел родные невесты отправлялись «глядеть» дом жениха, стучали по углам дома: «здорова ли изба»,— угощались. Жених вместе со своими ближайшими товарищами оставался с невестой и ее подругами в чулане, затем девушки провожали жениха, а невеста (в ряде сел) начинала вопить и вопила вечерами и в узловые моменты подготовки к свадьбе:

12



[45] Крестьянская свадьба в селе Загоскино Пензенского уезда: Бытовой очерк//Живая старина/Под ред. В. И. Ламанского. М.: Изд. отдела этнографии ИРГО. 1905. Вып. 1—2.



Ох, ни бела, ох за... за... заря занимается,
А я горя, несчастная, а я со... собираюся,
Ай да во... во чужи люди в... во незнамые.

Замужнюю подругу невеста спрашивала (с. Чаадаевка):

Расскажи-ка, подруга добрая,
Как жить в чужих людях,
Не тебя кричат, откликайся,
Не тебя посылают, догадывайся...

Невеста-сирота отправлялась на кладбище просить у родителей благословения. Свои причитания невеста заканчивала либо после того, как ее «продали» и благословили, либо только при отъезде свадебного поезда.

Подруги невесты, проводив жениха, катались по селу «прославляя невесту», что было знаком окончательного скрепления договора. Пели традиционные и нетрадиционные свадебные песни (например, первой песней в с. М. Борла была «Вы цветы ли мои цветики»).

2. Две-три недели после запоя невеста вместе со своими подругами дошивала многочисленные дары, которыми должна была одарить своих родных и родных жениха. Если предсвадебный период длился несколько месяцев, то мать жениха один или несколько раз приходила к невесте с подарками. Вечерами в ряде сел к девушкам приходил жених с товарищами. Они угощали девушек сластями, а те пели им величальные песни. В некоторых селах (Петровка, Усманка, Никифоровка и др. Куйбышевской и Оренбургской обл.) величальные песни назывались обыгрышными. Ребята и девушки порой сами заказывали, с кем их обыграть. Первыми здесь обыгрывали жениха и невесту. В с. Бояркино Ульяновской обл., например, на следующий день после запоя, «как усватают», устраивали маленький девичник, на который собирали всех девушек с невестиной стороны и парней. На девичнике играли в «фантики», сопровождаемые «фантичными» песнями, в «соседи»: спрашивали парня, «мила» ли ему соседка, заставляя девушек и парней целоваться. Если девушка отказывалась целоваться с парнем, ее били «скрученным утиральником: поневоле заставят целоваться» (с. Бояркино, Чаадаевка). На девичник ребята приходили с гармошкой. Среди недели устраивали еще один маленький девичник, а в воскресенье — большой. На него приходили девушки, нарядные молодые женщины. Парни приносили с собой гостинцы («зерна» — семечки). Ставили самовар, пили чай, играли на гармонике, играли в те же игры, что и на других девичниках. Утром невеста с подругами шла провожать жениха.

Подготовка невесты к переходу в дом жениха почти в каждом русском селе имела свои особенности, но для всего свадебного ритуала была характерна та же атрибутика, что и для календарных земледельческих обрядов (зелень, ряжение, обрядовая выпечка). Не во

всех селах была обязательной невестина баня. Так, в с. Каменка Атяшевского р-на МАССР, Тилимерки Теньгушевского р-на МАССР, Елатомка Оренбургской обл. невесту в бане не парили, но во время выкупа невесты все же требовали: «Вот мы невесту мыли, платите»[46]. По-разному проходили и предсвадебные угощения молодежи. Последовательность бани и «вечера» (девичника) в каждом селе была своя. Так, в дер. Орловка Горьковской обл. девушки шли к жениху «по перышки», т. е. несли ему от невесты «венчальную рубашку, штаны и крест», а получали от него «перья на подушки» (позднее, готовые подушки), мыло, веник и в придачу какие-нибудь «шутейные» подарки невесте, например рваные лапти. В с. Кротково Куйбышевской обл. шли к жениху «за пивом», в с. Усманка той же обл.— «за мылом», а сами несли жениху зеркало, в с. Ножкино Саратовской обл., Загоскино Пензенской обл. шли к жениху «на девичник», в с. Никольское, Студенец Ульяновской обл., Топоровка Пензенской обл.— «за гостинцами», в с. Димитриевка Куйбышевской обл.— «на горной», в с. Крюковка Горьковской обл.— «с кустом к жениху», в с. Русская Темрязань Ульяновской обл., Ключи Саратовской обл. несли к жениху в этот момент постель и курник, а в с. Петровка Куйбышевской обл. «шли с узлом развешивать в доме жениха шторки». В с. Бояркино Ульяновской обл. «за мылом» к жениху ходили не только девушки и молодые женщины, но и мужчины. Жених передавал невесте мыло, пироги, гребенки, платочки (гостинцы), платья, угощал пришедших вином, пирогами. В одних селах к жениху «за мылом» ходили днем, вечером или ночью накануне свадьбы, в других — Сурский острог — утром свадебного дня. В с. Чаадаевка, Салмановка Ульяновской обл. и некоторых других девушки шли утром свадебного дня к жениху «на девичник». В доме жениха они садились за столы, пели «общую» песню и начинали требовать жениха: «Жениха нам давайте!» Тогда родственники жениха «делали причуды»: «Выводят какую-нибудь чучелу, какого-нибудь старика». Подруги отвечают: «Хорош, пригож, да не наш». Выводят еще человек трех, а они продолжают требовать: «Давайте нашего!» Когда наконец выводили жениха, девушки пели ему величальную песню «Не хорош-то терем выстроен». Жених кланялся девушкам, они вставали из-за стола и тоже кланялись в ответ. Жених давал девушкам мыло и кольцо для невесты, а девушки клали ему на тарелку рубашку, платок, перчатки. Пели свадебные песни «Как по сеням, сенечкам», «По лугам, лугам зеленым», «А кто у нас умен».

По дороге от дома невесты до дома жениха и на обратном пути подруги невесты пели традиционные свадебные песни, адресованные как невесте («Уж ты, лента моя, ленточка», «Недолго веночку в тереме висеть», «Недолго цветочку в полюшке цвести»), так и жениху («Нам сказали, что Иван-ит не грозён»). Невеста, встречая возвращающихся от жениха подруг, вопила. В с. М. Борла Ульяновской обл. перед ритуальной баней подруги невесты (около пятнадцати

[46] В с. Каменка и некоторых других бань вообще не было: жители парились в печах в собственных домах.

человек) шли к жениху за дровами: в доме жениха девушки угощались квасом, получали мыло, веник и дрова, по два полена на каждую из подруг. На обратном пути они громко пели, плясали и стучали поленьями. В этот же день устраивали невесте баню, а на следующий день, непосредственно перед свадьбой, направлялись к жениху «с садом». Они шли, растянувшись цепочкой поперек улицы, и «прославляли» невесту традиционными свадебными песнями. Одна из подруг несла пирог, в центре «коренная» (ближняя) подруга невесты держала наряженную лентами сосенку. В доме жениха в числе других традиционных свадебных песен девушки пели «Уж ты яблонь моя, яблыня» и ломали сосенку. В соседнем с. Трубетчина сосенку в доме жениха ставили на стол в «передний угол», а возвращаясь к невесте, забирали ее с собой. В с. Студенец того же района девушки шли к жениху с елкой, которая украшала стол во время устраиваемого женихом чаепития. В с. Баевка Ульяновской обл., Лысовка Саратовской обл. девушки несли в дом жениха куст репейника, наряженный ленточками, бумажками, тряпочками. Возвращались в дом невесты (с. Баевка), неся веник и по три-четыре полена дров, причем невесте от веника не оставалось ни веточки: девушки так весело плясали по дороге, что веник успевал растрепаться и развалиться. В с. Коромысловка, Аргаш, Волынщина Ульяновской обл. десять — двадцать девушек, разукрасив «лиственный» веник лентами, полотенцами, надевали его на жердь и несли в дом жениха, направляясь к нему за мылом. В с. Елшанка I Оренбургской обл. подруги, в числе которых были девушки, ряженные женихом и невестой, шли в дом жениха за веником и мылом. Один из друзей жениха привязывал украшенный лентами веник к большой жерди, и девушки, выкупив этот веник и мыло, несли то и другое в дом невесты. В с. Анютино Саратовской обл. девушкам раздавали по одной ветке из наряженного в доме жениха веника, и они возвращались к невесте с этими наряженными ветками. В с. Краково девушки и сопровождающая их женщина, ряженная цыганкой, шли в дом жениха с «красотой» — веточкой березы. Ветка символизировала красоту невесты: «чем лучше наряжена красота, тем лучше лицо невесты». В некоторых селах гулянья молодежи в домах жениха и невесты назывались девичниками. «Гляельщики», «интересующиеся» собирались туда же послушать, как «вопит невеста» и веселится молодежь. В с. Елшанка II Оренбургской обл., Краково Куйбышевской обл. в доме невесты на последнем девичнике молодежь договаривалась между собой, кому из девушек предназначалось воровать дрова у жениха для невестиной бани, кто должен был пилить дрова, проверяли окончательную готовность даров невесты, «обмеряли шторки»: «Здесь было меньше веселья, чем на других девичниках». Когда все приготовления были закончены, начинались танцы: «Часов до двух ночи танцевали старинный тустеп, подэспань, кадриль, двойной и тройной краковяк». После девичника в доме невесты оставалось около тридцати-сорока человек молодежи — «караулить, чтобы не украли невесту».

После бани накануне свадьбы устраивали девичник в с. Чаадаевка (Ульяновской обл): здесь «звальщицы» (подруги невесты) и «звальщ-

щики» (друзья жениха) ходили приглашать молодежь на вечер к невесте. На этом девичнике молодежь веселилась, а невеста с женихом почти весь вечер находились в чулане. Поздно вечером, сразу после девичника, крестная мать невесты начинала «собирать» девушку и плести ей косу, а невеста вопила. В с. Сурский Острог (Первомайское), Аксаур (Ульяновской обл.) девичник проходил после бани, но в доме жениха. Утром в день свадьбы подруги невесты шли к жениху на девичник, в это время родственники жениха «приходили столом» в дом невесты. Сама невеста была спрятана в чулане или у соседей. Обе стороны обменивались подарками, затем, после ухода «беседы»[47], родители благословляли девушку, на чем приготовления к приезду свадебного поезда заканчивались. В с. Качеевка Теньгушевского р-на МАССР днем, накануне свадьбы, подруги невесты («стола два-четыре») шли на девичник к жениху «с брюками, рубашкой, платком и крестом»[48]. В доме жениха они «корили» сваху, друзей жениха, самого жениха, который выходил к ним не сразу: несколько раз, как и в других селах, здесь выводили вместо жениха ряженых. Жених передавал для невесты подарки (ленты, оборы), и девушки с плясками возвращались назад, а в доме невесты начинали «собираться на вечер старики».

На «вечер» несколько позже родных приходил и жених с товарищами. Во время этого вечера «девичниц» накрывали вместе с невестой покрывалом. Невеста, когда «старики» ее «угадывали» среди девушек, начинала вопить, а вся молодежь уходила из избы и веселилась в бане.

В тех селах, где мытье невесты в бане было обязательным (например, с. Баевка Кузоватовского р-на Ульяновской обл.), невеста шла в баню, неся пирог, а мать ее пела:

Вы горите-ка, дубовые дрова,
Нагревайся, жарка каменка,
Вы кипите, котлы немецкие,
Убдавайся, шелковый веник...

Невеста в ответ причитала обратное:

Не горите-ка, дубовые дрова,
Не нагревайся, жарка каменка,
Не кипите вы, котлы немецкие,
Не убдавайся, шелковый веник...

В большинстве сел невеста, перед тем как войти в баню, должна была назвать имя своего жениха. После бани она опять начинала причитать. В с. Ключи Саратовской обл. девушка после бани с причитаниями шла на реку умываться. В с. Краково Куйбышевской обл. мать расстилала перед входом в дом шубу, и невеста, возвращаясь из бани, причитала:

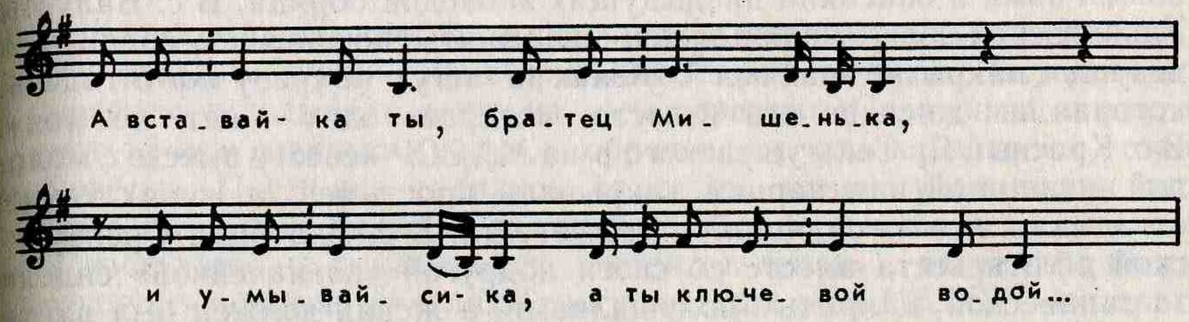
[47] В ряде сел, в том числе и в селах Сурский Острог и Аксаур Ульяновской обл., группы собравшихся в домах или на улицах людей называются беседами.

[48] В с. Елшанка I Оренбургской обл. утром перед приездом «поезда» дружка с подружкой приезжали в дом невесты выкупать рубашку, кольцо, крест и отправлялись «собирать жениха».

Спасибо тебе, моя милая мамынька,
Наступлю я на твою шубыньку,
Она горяча, как твое сердечко...

3. Утром свадебного дня первой просыпалась либо мать невесты и будила своими причитаниями весь дом (с. Волынщина), либо сама невеста (с. М. Борла):

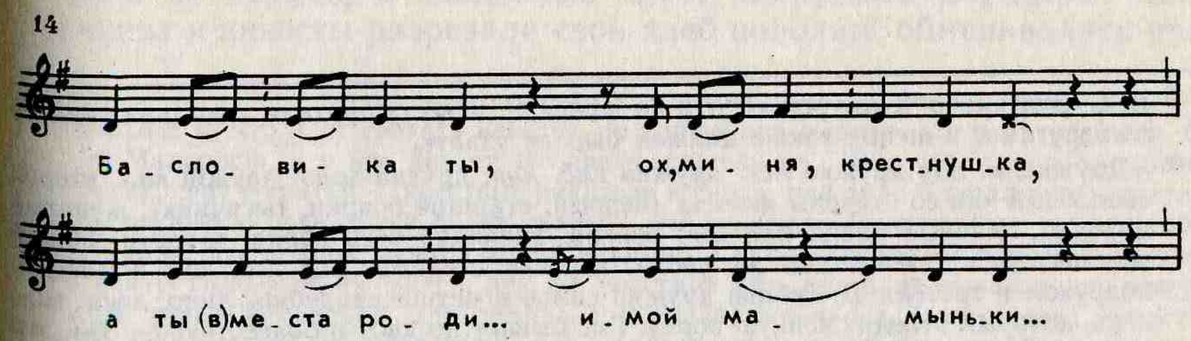
13



А вставай-ка ты, а ты, братец Мишенька,
А умывайси-ка, а ты ключевой водой,
А ты утирайси-ка белым полотенцем,
А выходи-ка ты, братец Мишенька,
А ты во широкий двор,
А ты поезжай-ка-то, а ты во широкий лес,
А заломи-ка ты пути-дороженьки,
Чтобы мому злому разлучнику не пройти не проехати,
Разлучает он меня
А с кормильцем-то с родным тятенькой,
Спалось ли тебе темной ноченькой?
А мне, горючей, горькой, во сне много виделось:
А стою-то я во божьей церкви,
Во правой-то рученьке воскова свеча,
Во левой-то рученьке золото кольцо,
Позади-то стоят люты свахи,
Разлучают меня с отцом, с матерью,
Со любезными подружками...

Собирая невесту к венцу, подруги или ее крестная мать плели девушке косу: в с. Елатомка Оренбургской обл. на косу старались навязать побольше лент, чтобы свахе жениха труднее было ее расплетать. Во время расплетания и заплетания косы подруги пели «невестины» песни (в селах Теньгушевского р-на МАССР — «корили невесту»), в то время как невеста вопила. Невеста-сирота вопила на «свой голос»:

14



Поезд жениха, как правило, имел нечетное число участников. Жених в большинстве сел приезжал в составе поезда выкупать невесту. Поезжане расплачивались за право въезда во двор невесты, в сенях невестиного дома — за вход. В доме невесты происходил выкуп косы невесты, самой невесты, в ряде сел — сундука и постели невесты.

В некоторых селах разных районов Поволжья во время приезда свадебного поезда бытовал обычай «узнавания» невесты, упоминавшийся нами в описании предыдущих эпизодов обряда. В с. Валуссы Ульяновской обл. жених должен был узнать свою невесту среди трех девушек, накрытых шалями[49]. Жених зачастую не сразу мог отгадать, которая из девушек его невеста: «откроет одну — нет, не моя». В с. Красный Яр Теньгушевского р-на МАССР невесту вместе с молодой женщиной или парнем накрывали простыней, и жених также отгадывал, кто из сидящих — его невеста. В с. Елатомка Оренбургской обл. невеста вместе со своей подругой «казначейкой» сидели за занавеской, накрытые полушалками, а жених должен был найти ногу невесты (как только поезжане входили в избу, девушки кричали: «В занавеску жениха!»). Жених шел угадывать свою невесту, а девушки пели:

Ты, моречка, да возмутися,
Белая рыбица, да умчися,
Что хотят тебя да уловити,
Что приехали да с неводами,
Со шелковыми со сетями,
Что хотят тебя уловити,
Зеленым вином напоити...

Жених срывал покрывало с невесты, подруги невесты (с. Чаадаевка) или ее братья (брат, с. Аксаур) выводили невесту к столу и усаживали в передний угол. Около невесты садились ее сестры (подруги) и сваха. Дружка[50] выкупал у девушек невесту («У нашего стола четыре угла, чтобы на каждом углу было по рублю», «Я продаю не рожь, не пшеницу, а красную девицу» — требовали девушки выкуп). Как только девушки выходили из-за стола, освободив место жениху, около невесты оказывались ее младшие братишки (или сестренки), которые продавали невестину косу, и сваха невесты, а подруги невесты в этот момент «уже на постель посядутся, постель продают». Не успевает полдружка выкупить у них постель, как девушки тут же оказываются на сундуке: «На сундук лепятся, сундук

[49] В с. Булгаково Кочкуровского р-на МАССР невесту прятали под шаль вместе с подругами, и жених также должен был ее узнать.

[50] «Дру́жка *м.* или дру́жко *пск.* дружко́ *тмб. кур.* друхна *запд.* дру́жій *кал.* второй свадебный чин со стороны жениха (первый: старший боярин, тысячник), женатый молодец, главный распорядитель, бойкий, знающий весь обряд, говорун, общий увеселитель и затейник; он же уводит и ночью стережет молодых; ему помощник подружье и третьяк. В Сибири дружка самое почетное свадебное лицо, дока, знахарь, который отводит всякую порчу. Где бывает по двое и более дружек, там это помощники и прислужники, шафера́» (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 496).

продают». В то же время женихова сваха[51] давала невестиной свахе «копейки», и та уступала свое место за столом около невесты. Оказавшись около невесты, женихова сваха начинала расплетать девушке косу, а та вопила (с. Коромысловка):

Не расплетай-ка, мила свахынька,
Во моей косе ножи булатные,
Ты порежешь свои белы рученьки,
Искровенишь свое бело платьице...

Когда коса невесты была расплетена, сваха требовала тарелку, на нее ставили курник, привезенный из дома жениха. На курник она крестом укладывала ленту из косы невесты: «Свахынька, сватушка, вот прими девичью красу»,— обращалась она к свахе со стороны невесты. Поезжане садились за столы, жених усаживался около невесты (в с. Ножкино Саратовской обл. до выкупа невесты «жених в избе даже не показывался, а стоял в сенях»), девушки начинали величать поезжан (в селах Теньгушевского р-на МАССР — «корить», в с. Нижняя Вязовка Оренбургской обл.— «позорить», «срамить», в с. Петровка, Усманка Куйбышевской обл., Никифоровка Оренбургской обл.— «обыгрывать»). Всему поезду пели традиционные свадебные песни «Вереюшки пошатилися, воротички растворилися», «Вьюн над водой завивается», «Не было ветру, вдруг навеяло» и т. д. Персонально величали дружку, сваху, женатых и холостых поезжан, за что получали вознаграждение. Родители невесты благословляли молодых, и невеста начинала «дарить дары до трех раз» (с. Елатомка), причем каждый раз девушки пели:

Не во горенке звоны звонят,
Не во тереме дары дарят,
Дары-то шьет свет Марьюшка,
Дары примат Иван-сударь...

Выкуп сундука невесты в разных селах проходил также в разные моменты свадьбы: родные невесты везли его в дом жениха либо после отъезда невесты из дома, либо на одной из подвод свадебного поезда, либо перед приездом поезжан.

В большинстве русских сел Поволжья сваха жениха, приехав с поезжанами за невестой, привозила испеченный в доме жениха свадебный пирог (с семью начинками), называемый курником. Пирог жениха сваха оставляла в доме невесты, а хлеб, приготовленный матерью невесты, увозила с собой. В группе сел в доме жениха пекли не курник, а свадебный хлеб, именуемый караваем. Свахи жениха и невесты разрезали свой хлеб пополам, обменивались поло-

[51] «Сват *м.* кто идет сватать невесту, по поручению жениха или родителей его, *бол.* в Малоросіи, а у нас делает это сваха, свашенька... В деревнях, где нет особых свах, сват и сватья — крестные родители жениха, или дядя и тетка, они и сватают; у посадских, где сваха ладит свадьбу, это родители обвенчанных, между собою, и далее все родные мужа и жены, взаимно. Сватья, *сев.* более прилично чествуют сваху. Подвенечная сватья, *арх. ол.* крестная мать или ближайшая родня невесты. На хорошей свадьбе, для обряда, три свахи: женихова (сватовшая), невестина (расчеши-косу, погуби-красу, или подвенечная) и постельная (или пуховая)» (Даль В. Толковый словарь... Т. 4. С. 145).

винками и соединяли полученные половинки хлеба с оставшимися (с. Порецкое Ульяновской обл., Усманка Куйбышевской обл.). Пекли также по нескольку хлебов и мелкое обрядовое печенье; например, в с. Ключи на севере Саратовской обл. пекли «шишки», печенье, характерное для южнорусской свадьбы. Перед отправкой невесты из родного дома сваха ходила со свадебным пирогом в руках вокруг свадебного поезда, затем в повозку сажали невесту.

В украшении свадебного пирога (хлеба), свадебного стола в некоторых селах также употреблялись ветви деревьев, елочки, сосенки, травянистые растения. Например, в с. Нижняя Вязовка Оренбургской обл. свадебный каравай украшался ветвями ветлы («цветком»), в с. Булгаково Кочкуровского р-на МАССР в середину курника ставили наряженную сосенку: этот курник выносили на второй день свадьбы в доме жениха с песней:

Сосенка тонка, высоконька,
Березынька повыше маненько,
У крестного жена хорошенька,
У Ивана получше маненько,
А у дружки ни туды и ни сюды,
У полдружки не годится никуды.

Молодые должны были схватить сосенку: «кто вперед схватит». В с. Мокрое Саратовской обл. вечером накануне приезда свадебного поезда за невестой для свадебного стола девушки наряжали куст репейника. По приезде свадебного поезда дружки расплачивались с девушками не только за невесту, но и за «репей».

Когда девушку выводили из дома, она старалась как можно дольше задержаться в родном доме и потому шла либо лицом к двери, хватаясь за дверные косяки, либо спиной и тоже хваталась за дверные косяки; иногда невесту с женихом выводил за руки дружка, все трое держались за концы «ручного» платка. Из дома невесты молодых увозили на разных подводах. Перед отправлением свадебного поезда в подавляющем большинстве сел дружка обходил его с иконой, после чего на первую подводу в одних селах усаживались дружка с полдружкой, на вторую — жених со свахой, на третью — невеста со своими свахами; в ряде сел на первой подводе помещались жених со свахой и «правéльщиком», на вторую садились дружка с полдружкой, на третью — невеста с ее свахой и правельщиком, на четвертой везли сундук. После отправления поезда родственники невесты пели:

Приезжали кривоватые,
Увезли нашу лошажницу...

Иногда невесту провожали традиционными свадебными песнями («Не было ветру, вдруг навеяло» и др.). В одних селах (с. Ключи Саратовской обл.) при отъезде невесты кулаками тыкали свахам в голову и кричали:

Вот, свахоньки, ехать вам по мосту,
Проломить вам башки до мозгу.

В других селах, с ярко выраженной южнорусской культурой (с. Н. Вязовка), когда невесту свозили со двора, «...по десять подвод было! Запрягут жеребцов, колкола на дугах! Ой, жеребцы, аж, пляшут!» Родня невесты при этом пела:

Аннушка со двора съезжая,
Ивановна со широкий подворье.
Мамушка ее все пырося:
— Аннушка, заночуй хоть ночку...
— Маминка, я бы рада начавала,
Иванушка за ручушку держит...

«Кучер», как и дружка, обойдя поезд (с. М. Борла), подходил к воротам:

Бояре, бояре, все по местам,
Как ясны соколы по гнездам,
Кто с нами, садитесь в сани,
Кто не с нами, отойдите в сторону.

В одних селах невесту везли с открытым лицом, а в других девушку накрывали полушалком и открывали лицо в церкви во время венчания, либо в доме жениха. Свадебный поезд перед тем, как подъехать к церкви, объезжал все село, а во время венчания молодых подруги невесты катались с песнями по селу на лошадях жениха[52].

4. У ворот дома жениха разжигали костер, и лошадь с молодыми (теперь они ехали вместе) должна была перескочить через костер (с. Карачевка Пензенской обл.). В с. Нехорошево Горьковской обл. посреди дороги свадебный поезд останавливали: «Стойте, свою невесту везете или нет?» Около дома жениха молодых встречала пожилая женщина в вывороченной шубе. В ряде сел молодые входили в дом жениха, держась за полотенце. Во всех селах родители жениха благословляли молодых. Там, где невесту привозили с закрытым лицом, свахи отводили ее за печку (за занавеску), делили девичью косу на две, надевали женский головной убор и только тогда открывали: «Вот, поглядите нашу молодушку». В некоторых селах (с. Елшанка I), когда привозили молодых, родители жениха должны были «узнать», их ли невесту привезли, после чего молодых уводили кормить, а все родственники усаживались за столы. Невесту (с. Аксаур) обводили вокруг стола, а на руки молодым по очереди сажали ребенка. Молодых ставили на подстилку в переднем углу, они кланялись, а родные их одаривали, затем молодых уводили, родня невесты приглашала к себе на блины, где (с. Елшанка I) мать невесты мазала жениховой родне головы маслом, на второй день после венчания голову жениху. В с. Качеевка Теньгушевского р-на МАССР этот обряд упоминается в песне:

Скатались, свалялись,
Ивановы кудри свалялись,
Бегите во новую лавку, бегите,
Купите частый новый гребень, купите,
Чешите Ивановы кудри, чешите,
Маслите Ивановы кудри, маслите,
Маслите Петровича русые, маслите...

На второй день ряженые приходили в дом жениха искать «ярку», в ряде сел искали и «барана» (после того, как невесту находили, пря-

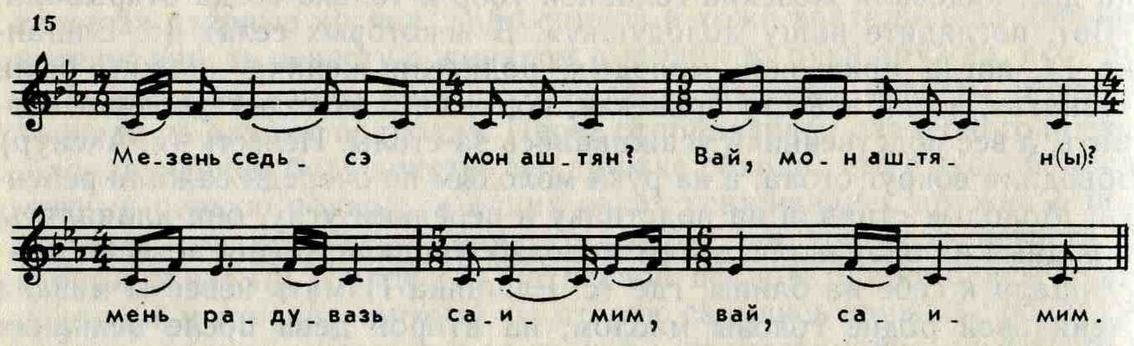
[52] В с. М. Борла Ульяновской обл. катание подруг проходило до перехода невесты в дом молодого: подруги невесты после запоя ездили по селу и «прославляли невесту», громко исполняя песни. Первой песней была «Вы цветы ли, мои цветики».

тался жених). На второй день, как правило, устраивали «горно́й» в доме жениха. На «горно́й» собирались родственники с обеих сторон, били горшки, повсеместно пели «Молодка, молоденькая». Родные жениха и невесты еще несколько дней обменивались визитами. Эпизоды свадебного обряда, закрепляющие и завершающие переход невесты из одного рода в другой, сопровождались исполнением плясовых и протяжных песен семейно-бытовой тематики.

Наиболее близок русскому свадебный обряд мордовских сел, но наряду с аналогичным развитым свадебным ритуалом в мордовских селах вплоть до XX века широко бытовало умыкание, при котором жених увозил невесту без совершения каких-либо обрядов, по тайному соглашению либо с самой невестой, либо с ее родителями или же без их согласия («с поля», «с улицы»). Этот насильственный увоз нередко сопровождался серьезной дракой, заканчивающейся увечиями кого-либо из участников и даже самой невесты.

Мордовский (эрзянский и мокшанский) свадебный ритуал, как и русский, начинался с предварительного сватовства, однако в ряде сел уже на этом начальном этапе свадьбы проявлялось своеобразие мордовских обычаев. Так, в эрзянском с. Б. Алпаево Оренбургской обл., по сообщениям местных жителей, сваты, положив на крыльцо или окно хлеб и объявив этим о своем предложении, должны были как можно скорее убежать из дома невесты, поскольку родные невесты пускались за сватами в погоню и если нагоняли, то начинали беспощадно избивать[53]. В мордовских селах также устраивались смотрины жениха и невесты, смотрины дома жениха, сразу после запоя невеста тоже начинала вопить:

15



Ее подруги ежедневно собирались, чтобы помочь девушке дошивать дары. После сватовства в подавляющем большинстве мордовских сел подруги ходили или ездили оповещать жителей своего села о предстоящей свадьбе; у русских Поволжья обычай оповещания встречался значительно реже. На первых этапах свадьбы в мордовских селах, кроме традиционных свадебных причитаний невесты,

[53] Подобный обычай приводит И. Георги в своем «Описании обитающих в Российском государстве народов»: «...Когда умрет жена, то охотно женятся на свояченицах. Если же получит кто в том отказ, то кладет тихонько на стол маленький хлебец и говорит: „Промысли мне свояченицу“, после сего обращается он в бег, ежели его настигнут, то бьют немилосердно, если же уйдет, то выдают беспрекословно за него помянутую свояченицу» (см.: Георги И. Описание обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1795. Ч. 1: О народах финского племени. С. 45).

звучали протяжные и плясовые песни. В конце предсвадебного периода с целью выяснения готовности сторон к собственно свадьбе («назначение дня свадьбы») был характерен сбор родственников жениха в доме невесты. У русских этот обычай встречался лишь в единичных селах. В противовес традициям в русских селах, в мордовских хождение девушек к жениху накануне свадьбы бытовало не везде и сопровождалось как неприуроченными песнями, так и русскими свадебными песнями. Не во всех мордовских селах устраивалась и девичья баня. В тех селах, где баня была обязательной, в причитаниях невесты звучали не только темы, близкие темам русских причитаний, но и обращения девушки, покидающей родной дом, к потусторонней силе, что в русских селах не встречалось *(129,* с. 71):

Баньавушка-матушка!
Банянь кирди сияка!
...Ламо седейсень горинем,
Ламо пирясон орминем...

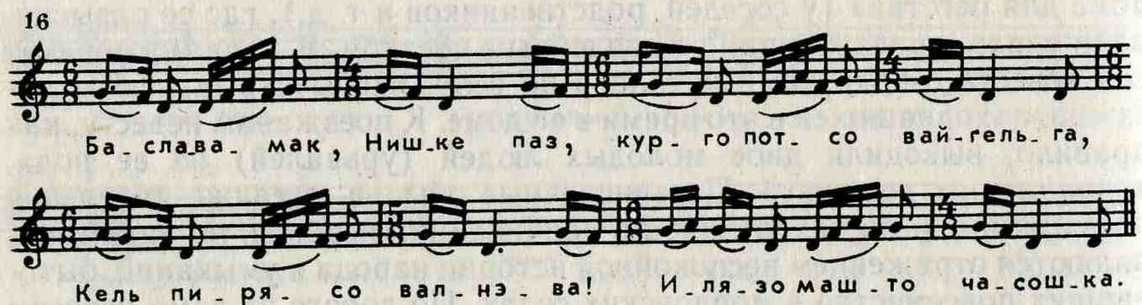
Хранительница бани — матушка!
Хранительница бани серебряная!
...Много у меня горя сердечного,
Много у меня боли головной!

Аналогию девичнику («вечер») накануне свадьбы в доме невесты — обычаю, бытующему в русских селах, в мордовских селах вечером накануне свадьбы составляли приглашения на «девичью кашу» — ритуальную еду, которой угощали подруг невесты. Печение свадебных пирогов в мордовских селах имело строго ритуальное значение. В подавляющем большинстве мордовских сел пироги, приготовляемые в доме жениха, пеклись специально избранными из его рода стряпухами, и это сопровождалось ритуальными песнопениями, в то время как для русских сел Поволжья такие песнопения не были характерны[54]. Аналогично проходили и сборы невесты в утро свадебного дня, но перед приездом свадебного поезда невеста «пряталась в доме для бегства» (у соседей, родственников и т. д.), где ее разыскивала сваха, приезжавшая со свадебным поездом. В ряде мордовских сел невеста с подругами каталась по селу, якобы скрываясь от поезжан, находившихся в это время в ее доме. К поезжанам невесту, как правило, выводили двое молодых людей (урьвалей) из ее рода, «охранявших девушку». Перечисленные обычаи, а также наделение поезжан именами захватчиков в причитаниях невесты, по-видимому, являются отражением неспокойной истории народа и умыканий, бытовавших повсеместно в мордовских селах. По дороге из дома невесты в дом жениха свадебный поезд останавливался у кладбища, где невеста прощалась с умершими родными. Катаясь с подругами по селу, подъезжая к кладбищу в сопровождении свадебного поезда, невеста причитала как можно громче, что было необходимым условием обряда. В ряде мордовских сел жених не входил в число прибывавших со свадебным поездом. Поезжане вместе с выкупленной ими невестой направлялись в дом жениха. Девушки из рода жениха встречали невесту корильными песнями. Жених присоединялся к поезду, и молодых везли в церковь. В свадьбе некоторых мордовских сел ярко

[54] В селах Южной России в доме жениха специально приглашали женщин своего рода печь каравай, причем обряд изготовления каравая и «шишек» сопровождался «каравайными» песнями.

выражено формальное отношение участников игры к церковным обрядам: выкупив невесту, поезжане везли ее в дом молодого, минуя церковь, и только на следующий день или даже через несколько дней молодых венчали. Характерной чертой мордовской свадьбы было «наречение молодой». Обычай заключался в том, что в доме молодого при переодевании в женскую одежду девушке давали новое имя. Обряд наречения сопровождался ритуальным пением родственниц жениха и был известен в подавляющем большинстве мокшанских и ряде эрзянских сел.

При наличии сходства в жанровом составе русских и мордовских свадебных песен, заметно и их различие *(4)*. В русской свадьбе Среднего Поволжья, по сравнению с мордовской, в большем количестве представлены песенные жанры совместного пения, причем основная масса традиционных свадебных песен исполнялась подругами невесты: а) величальные песни, восхваляющие положительные качества невесты и жениха, родственные зимним поздравительным величаниям *(5)*; б) «невестины» песни, близкие по тематике причитаниям невесты; в) песни встречи свадебного поезда типа «Не было ветру, вдруг навеяло»; г) корильные песни, направленные в адрес участников свадебного поезда; д) плясовые и протяжные песни «вторичной» приуроченности, звучавшие на пиру в доме жениха. Из жанров одиночного пения в русских селах можно отметить причитания невесты. В мордовских селах, наоборот, жанры одиночного пения более многочисленны: причитания невесты, ее матери, отдельных родственниц; песни свахи, которая начинала петь еще в доме жениха, собираясь «на покупку живого товара», и пела на протяжении всей свадьбы, руководя событиями и комментируя их:



Совместное пение на мордовской свадьбе звучало при исполнении подругами и родней невесты и жениха корильных песен (парявтнемат), а также при печении свадебных пирогов в доме жениха в исполнении стряпух, а в ряде сел и всей родней жениха в тот момент, когда хлеб вынимали из печи. Например, в эрзянских селах I и II Домасёрки свадебный пирог вытягивали из печи за веревку в окно. За окном в это время женщины пели традиционные свадебные песни с припевом «Вай, вай, ох». Похожий обычай бытовал в русских селах Ардатовского р-на МАССР (с. Спасс-Мурзы, Анютино): здесь с пением трудовой артельной песни «Эй, дубинушка, ухнем» молодые тянули яичницу на второй день свадьбы в доме молодого. Причем ее держала, высоко подняв руки, сваха. Она за пояс была обвязана

веревкой: один конец веревки тянули к себе молодые, другой конец — в противоположную сторону — их родные. Интересно, что аналогичный обряд, сопровождавшийся также пением «Дубинушки», известен в Кологривском и Островском р-нах Костромской обл.[55].

Значительное место в мордовском свадебном обряде и свадебной поэзии занимали обычаи, в которых проявляются отголоски языческих верований и матриархата. Если у русских основное внимание свадебной поэзии, действий и помыслов участников было направлено на собственные переживания, то в мордовском обряде и свадебной поэзии большое место уделялось потусторонней силе (образам умерших предков, языческим божествам). Основные божества мордовской свадьбы представлены женскими образами: Нишке — верховный бог и в то же время покровительница пчеловодства, Норовава — богиня плодородия; другие божества, с которыми связана жизнь земледельцев, также женского рода: хранительница двора, бани, дома, лубка и липы, колодца, печи, села, скота и т. д. Свадебный пирог «гулька», который пекся в ряде мордовских сел в доме жениха и украшался одним, двумя или четырьмя испеченными из теста голубями, являлся одним из символов плодородия. Свекровь, вручая обрядовый пирог невесте, пела: «Кедезенть путан, дугинем, касы Норовавине» («На руки тебе кладу, голубушка, растущую Нороваву» *(11*, с 196). В ряде русских сел Поволжья (например, с. Аксаур и Городище Ульяновской обл.), как и в мордовских, двух птиц на свадебном пироге называли не голубями, а утками. При выкупе невесты сваха выносила этот пирог, а окружающие в этот момент пели «Как по морю, морю синему».

В удмуртских селах разных регионов Удмуртии и за ее пределами свадебный обряд отличается во множестве деталей, но всегда включает в себя семь этапов обряда: сватанье, сговор, увоз невесты в дом жениха на несколько дней, договор о проведении свадьбы, свадебные пиры в доме невесты и жениха, заключительные послесвадебные обряды, связанные с поездками молодых к родителям невесты. Свадебные песни сопровождают свадебные пиры в доме невесты и жениха и подразделяются повсеместно на два вида: песни рода жениха («сюан гур» — Южная Удмуртия), исполняющиеся только на один местный напев, объединяющий группу текстов определенной общины, и песни рода невесты («борысь гур», «ярашон гур» — Южная Удмуртия), исполняющиеся также на традиционный напев родни невесты *(127)*.

Приведем краткое обобщенное описание свадебного обряда удмуртов по публикациям начала века. В удмуртских селах после предварительного сватовства следовало собственно сватовство[56], на котором

[55] Обычай был записан Т. В. Кирюшиной (Выступление на конференции «Музыка русской свадьбы», организованной КМФ СК РСФСР. Смоленск, 1987).

[56] См. статью: Ильин М. И. Свадебные обычаи и обряды у вотяков//Труды научного общества по изучению Вотского края/Под ред. Ф. Стрельцова. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 25—69; Багина С. Семейные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда//Этнографическое обозрение/Под ред. Н. А. Янчука. М., 1897. Т. XXXII. Кн. 2. С. 59—93.

договаривались о размере калыма. Сватовство, как правило, проходило по окончании весенней пашни или перед началом полевых работ («летняя пирушка»), а увозили невесту в дом жениха после их окончания. В одних селах отец жениха с одной из девушек своего рода приезжал за невестой вечером условленного дня, в других — за невестой приезжало нечетное число поезжан. В доме невесты их сажали на почетное место за столом, рядом с ними усаживали торо (выбранного старшего по свадьбе со стороны невесты). На пир приходили родственники невесты, каждый со своей кумышкой (напиток, приготовленный из меда), как и на пир в доме жениха. Пир длился до зари и сопровождался песнями-благопожеланиями молодым. Невеста на пиру не присутствовала, а находилась в «белой клети», где она плакала и куда собирались парни и девушки со всей деревни. Молодежь угощалась, пела песни, в которых от лица невесты выражались чувства расстающейся с родным домом девушки. На заре невесту наряжали, накидывали на нее покрывало (с головы до ног), и женщина средних лет вводила ее в избу. Невеста с причитаниями просила у родителей благословения, ее выводили во двор, сажали в тарантас или кибитку вместе с приехавшими за ней (мужчина садился на козлы, а девушка — рядом с невестой). По приезде в дом жениха девушку уводили в «белую клеть», там ее переодевали в одежду молодушки, снова накидывали на нее шаль, и женщина (поводительница) вела ее в избу. Тем временем в избу заходила ряженная невестой женщина (в мордовских селах рядились невестой ее подруги перед отъездом свадебного поезда), что являлось одним из профилактических обрядов (обман злых духов)[57]. В избе невесту усаживали на женской половине дома на подушку напротив печки. Через некоторое время невеста в сопровождении поводительницы отправлялась на реку за водой, тут же у реки собравшаяся молодежь обливала друг друга водой. Воду, принесенную невестой, отведывали участники свадьбы, на ней же молодая варила мясо и кашу, которые отец жениха затем освящал во дворе. Освященной едой угощались пирующие и сама невеста: она снова находилась на женской половине избы. На второй и третий день пир продолжался поочередно во всех домах участников празднества. Через две-три недели в доме молодого устраивалась «страдная пирушка», а осенью — «осенняя пирушка». Родители молодой собирали нечетное число родственников. Они («погонихи») отправлялись в дом молодого, якобы преследуя похитителей девушки. В доме свата они угощались почти всю ночь и пели обрядовые песни на особый напев «погонихи». Наутро несколько человек «погоних» объезжало селение, приглашая гостей к свату «пить кровь зарезанного коня». По прибытии приглашенных в избу вводили одну из лошадей хозяина, имитировали резание, после чего лошадь выпускали во двор, а сами пили подкрашенную кумышку и отправлялись пировать поочередно у всех участников «резания», при-

[57] Хомяков М. М. Эволюция вотского брака//Известия об-ва археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 46. С. 271—287.

чем везде, стоя, пели обрядовые песни. Провожая родителей домой, молодая причитала над лощадью отца, завивала ей гриву и вплетала в волосы монету.

В русских и мордовских селах Поволжья и Приуралья встречаются также элементы обрядов, в которых сказывается культовое отношение к животному: в русском селе Баевка Ульяновской обл. в доме молодого лошадей кормили свадебными курниками, а в ряде мордовских сел наиболее отчаянные женщины во вторую половину свадьбы въезжали в дом молодого на коне.

На вторые сутки (в Удмуртских селах бывш. Самарской и части Уфимской губ.) около полуночи «погонихи» с кумышкой в карманах отправлялись в дома родственников молодого «воровать кур и ложки». Некоторые хозяева заранее приготавливали для пришедших курицу, за что их угощали кумышкой. Тут же гости старались захватить у хозяев ложки. Набрав достаточное число кур, их варили в доме молодого и приглашали хозяев угощаться. Близкие обычаи можно встретить и в селах с русским и мордовским населением. В русском селе Краково Куйбышевской обл. вареную курицу подносили жениху. В русском селе Булгаково (МАССР) курицу, украшенную бантами, вносили в дом молодого ряженые при встрече молодки (на второй день после венца). Обряд сопровождался пением бытующей по всему Среднему Поволжью песни «Молодка молоденькая, головка твоя спобедненькая». В с. Каменная Сарма Оренбургской обл., где живут русские, мордва, чуваши, девушки накануне свадьбы ходили к жениху «воровать ложки».

На четвертые сутки либо значительно позже в ряде удмуртских сел молодую увозили «гостить» к своим родителям. До этого в течение двух-трех недель пребывания в доме мужа она не снимала с лица покрывала. В доме своих родителей молодую переодевали, «чтобы ее не узнал муж», а через неделю-две молодой с одной из родственниц приезжал за обещанной родителями невесты скотиной. В присутствии старших он не мог говорить со своей женой. Получив скотину, дня через два он возвращался домой, а молодая почти год оставалась у своих родителей: пряла, ткала, шила подарки. За молодой для ее окончательного увоза (на свадьбу) собирали поезд в количестве от 7 до 39 человек. В момент прибытия поезжан молодая пряталась либо на своем дворе, либо у соседей. Женщины из рода жениха находили ее, кормили, снова переодевали, причесывали, а она в ответ дарила им полотенца. С невестой поезжане возвращались гуськом с пением обрядовой песни, причем после каждой строфы песни кружились посолонь (по солнцу).

В избе молодую усаживали за стол возле мужа, давали им троекратно отведать кашу одной ложкой и везли венчаться. Пиршество в доме молодой продолжалось трое суток, и вечером четвертого дня поезжане выкупали сундук, постель, саму молодую (в ряде сел она снова пряталась и ее находил муж). В этот день молодая причитала, а представители обоих родов пели традиционные песни и выполняли обряды-обереги (особенно в момент окончательного увоза молодой).

Кроме развитого свадебного обряда, сопровождаемого традицион-

ными песнями, исполнявшимися как отдельными участниками свадьбы, так и группами участников, в удмуртских селах широко бытовало и умыкание: невест похищали с ночных игр летом, а также из бань, куда они собирались зимой мять лен.

Свадебный обряд м а р и, состоящий из нескольких этапов, как и у других народов, сопровождался пением свадебных песен и игрой на волынке (шувыр) и барабане (тумыр). До нашего времени у башкирских (восточных) мари сохранились песни, исполняемые только мужчинами в доме жениха в начале свадьбы. Эти мелодии иногда называют общим термином «суан-муро» (свадебная песня) и исполняют на протяжении всей свадьбы. Кроме «собственно свадебных песен» исследователи марийского фольклора отмечают также бытование песен проводов невесты — «свадебных частушек»[58].

По описаниям конца прошлого — начала нашего века свадьбы горных, луговых и других групп мари были пронизаны магическими обрядами[59]. У некрещеных мари для заключения брака раскидывали на гумне или в поле шатер, рядом с ним под священной березой устанавливали стол с хлебом и пивом, и «карт» («ворожник»), подведя невесту с женихом к столу, читал молитвы. После моления невесту в шатре переодевали в женскую одежду, затем молодых сажали под священную березу, давали отведать лепешку, и они, преклонив колена, начинали потчевать гостей. Невеста от отца получала «трость-хранительницу» (березовую палку), а на крышу клети в жертву домашним божествам бросали частицы жареной курицы, молочной яичницы и наливали немного пива. В селах с крещеным марийским населением свадебный обряд проходил по тому же плану, что и свадебный обряд русских и мордовских сел, при этом каждый эпизод марийской свадьбы имел свои особенности. Так, после сватовства невесте на голову надевали мужскую шапку. Свадебному поезду предшествовали пять молодых верховых всадников, одетых в красные кафтаны. По дороге они били в два-три барабана и играли в пузыри. Встречая новобрачную, мать жениха бросала на землю серебряную шаркалу (нагрудное украшение из монет). Молодая ступала на шаркалу ногой, потом брала ее в руки и принимала от свекрови печеный хлеб с серебряной монетой на нем. Перед тем как молодая входила в дом мужа, дом покидали все мужчины и старшие (по возрасту) женщины. В тот момент, когда невеста подходила к столу, изба начинала наполняться поезжанами и возвращающимися родственниками жениха. Отец жениха обносил гостей пивом, а сваха из рода невесты дарила молодому рубашку, пояс и штаны. Приняв дары, он сразу же направлялся к реке (свадьбы, как правило, проходили в начале июля) и, искупавшись, переодевался.

Много общего с обрядами других народов Поволжья имела и ч у в а ш с к а я свадьба. Здесь после предварительного сватовства

[58] Г е р а с и м о в О. Свадебные песни мари//Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986.

[59] А р т е м ь е в А. Описание Казанской губернии (рукопись: *30*, с. 488 и сл., а также *65*, т. V, с. 199 и сл.).

представители обоих родов собирались в доме невесты для окончательного определения размера калыма и его уплаты. Договорившись о калыме, родители невесты ставили на стол каравай хлеба и салму (род лапши), участники обряда молились, затем представители рода жениха торжественно передавали калым (или его часть) родителям невесты, и обе стороны угощались. Чувашские свадьбы устраивались в весенне-летнее время года. До свадьбы жених и невеста находились в кругу своих друзей. В день свадьбы полдружка объезжал родственников жениха с приглашениями, а невесту, которая все время причитала, в сопровождении свах, исполнявших свадебные песни, и музыканта, игравшего на пузыре, возили в кибитке на паре лошадей навещать родственников. Чтобы «молодых не испортили колдуны», на свадьбе в чувашских селах устраивали угощение для всех жителей деревни.

В состав свадебного поезда, отправлявшегося за невестой, входил жених, дружка, его жена, полдружка, свадебный голова, посаженый отец, сваха, «пузырник» и другие музыканты, друзья жениха. Более молодые участники свадебного поезда двигались верхом на лошадях, остальные — в кибитках и повозках, причем женщины ехали стоя. За деревней поезд останавливался. По совершении молитвы движение продолжалось с шумом, гиканьем, хлопаньем в ладоши, под звуки пузыря, колокольчиков, бубенчиков.

Во дворе невестиного дома устраивался «шилих» — беседка с березками по углам, посреди которой на помосте ставили стол с караваем хлеба и пивом. Перед свадебным поездом ворота открывались не сразу. Чтобы получить разрешение въехать во двор, дружка произносил наговор, в основе сюжета которого лежал рассказ о героическом сватовстве жениха. Въехав во двор, жених и его родня трижды объезжали беседку. Отец невесты выходил с ковшом пива; угостив жениха, вводил его на середину беседки, где был постлан войлок. Жених бросал на войлок часть калыма, затем три раза ударял нагайкой по назначенному месту, «отгоняя» от пиршества шайтана, а невеста тем временем заканчивала переодеваться и прощаться с родными. После угощения гостей под песни и игру на музыкальных инструментах, после благословения невесту, покрытую простыней, выводил либо дружка, ударив нагайкой по столу, и усаживал ее верхом на лошадь, либо свахи, и тогда ее усаживал посаженый отец. Поезд трогался, молодых сопровождали поезжане, стоя в тарантасах. Весь путь сопровождался игрой на музыкальных инструментах.

В ряде чувашских сел невесту после свадьбы везли в родной дом, где она находилась еще несколько дней. За ней снова приезжал жених с нагайкой в руках. При выезде из села или из ворот невестиного дома он ударял невесту трижды нагайкой по плечу, приговаривая: «Забывай своих родителей и родительский дом, почитай моих родителей и люби меня».

В доме жениха молодых встречали песнями, игрой на музыкальных инструментах. Молодых подводили к печке, брат молодого начинал плясать с суковатой палочкой (разветвленной на конце), дважды дотрагиваясь ею до покрывала новобрачной, а на третий раз срывая

его. Невесту переодевали в женскую одежду, и начинался пир, на котором молодая обносила родственников мужа подарками, а затем отправлялась с молодежью из рода жениха на реку или к колодцу за водой. Одна из девушек два раза черпала воду, но молодая дважды опрокидывала ведро, на третий раз она вносила ведро в дом, одарив девушку, черпавшую воду. Принесенной водой молодая хозяйка поила участников торжества. Наиболее распространенными свадебными песенными жанрами чувашей являлись песни дружек жениха, песни дружек невесты, причитания невесты.

В чувашских селах[60] нередки были и «краденые свадьбы» (бракиумыкания), при них размер калыма уменьшался.

В татарских селах жених не должен был видеть своей невесты вплоть до женитьбы. Отец жениха посылал к родителям невесты сваху, которая приносила уклончивый ответ. После этого предварительного сватовства родители невесты собирали различные сведения о женихе, посылали деньги мулле, чтобы он записал свой сон и объяснил им, дурное или доброе предвещает сон. В случае благоприятных предзнаменований и удовлетворительных сведений о женихе, родители невесты, давая согласие на дальнейшее сватовство, вступали с родителями жениха в торг о калыме и приданом невесты. Обручение проходило в два этапа: сначала обменивались подарками, что не налагало на молодых никаких обязательств, затем следовало обручение религиозного характера: при свидетелях мулла спрашивал родителей, согласны ли молодые, и читал молитву. Если невеста с женихом расходились после этого обручения, то уже как официальные муж и жена. Со дня помолвки жених ежедневно посылал невесте подарки, а в день свадьбы — кадку меду, коровьего масла и четное количество разной снеди. Первый свадебный пир проходил в доме невесты (день свадьбы). На него собиралось несколько мулл и мужчин со стороны невесты. Участники свадебного поезда съезжались к дому жениха и в четном числе повозок направлялись к невесте. Жених в свадебном поезде не участвовал. В доме невесты гостей со стороны жениха принимали с особым почетом. Главный мулла усаживался в переднем углу на пол, все следовали его примеру. Для отца жениха невеста приготавливала особую подушку. Мулла спрашивал отца невесты о размере калыма, затем посылал кого-либо из присутствующих узнать о согласии невесты на брак. После утвердительного ответа невесты мулла читал молитву и спрашивал согласие на свадьбу молодых у их отцов. Снова следовала молитва, далее мулла записывал новобрачных в книгу, там же записывал количество уплаченных денег за невесту, собирал подписи свидетелей. Начинался пир. На пир подавались масло и мед, их намазывали на хлеб и съедали с большим торжеством. После продолжительного обеда выпивался разведенный в воде мед. В один из последующих дней устраивался свадебный пир для женщин, которые собирались «смотреть подарки». Невеста одаривала и угощала каждую пришедшую женщину. Через неделю или несколько недель назначали день соединения новобрачных. Часов в девять-десять вечера сваха отправлялась за молодым, для которого от жены посылалась особая лошадь. При входе к молодой жених должен был отдать мальчикам, преграждавшим дорогу, выкуп, затем найти жену и открыть ей лицо. Молодые молились, пили чай, ели мед и масло, им прислуживала сваха. На другой день молодых отправляли в баню, а после нее подростки спрашивали у новобрачной о состоянии ее здоровья. В ответ она дарила им рубашки. Новобрачный оставался у жены три дня, а на четвертый уезжал к своим родным. Вечером от жены посылали за мужем лошадь в доказательство ее привязанности. Так повторялось в течение нескольких месяцев, причем молодой избегал встреч с тестем или тещей до особого свидания, на котором они обменивались подарками. Молодая проводила в доме своих родителей от одного до десяти лет. Когда приходило время ее переезда в дом мужа, разбиралось приданое и ставилось на подводы, а при переезде молодой в дом мужа в его доме начинались свадебные пиры, на которых после многочисленных блюд подавали пирожное «коктыш»; отведав его, каждый из гостей уносил по кусочку домой (см.: *65,* т. V, с. 190 и сл.; т. VI, с. 161 и сл.).

Многие источники свидетельствуют о важном значении, придававшемся музыкантам на татарской свадьбе. В свадебном поезде музыканты обязательно находились во главе процессии.

В башкирских селах с земледельческим населением после предварительного сватовства также назначали день «для заключения условий» (тогда же уточняли размер калыма). Через два-три дня после заключения условий жених и его родственники с подарками приезжали в дом невесты на пирушку. Женщины участия в ней никогда не принимали. До или после уплаты калыма в доме невесты совершался обряд венчания, сопровождавшийся семейным праздником при участии родственников с обеих сторон, но до уплаты калыма молодая находилась в доме своих родных. По данным многих исследователей башкирского фольклора, собственно свадебных песен у башкир нет, но в свадебном обряде некоторых региональных групп сел все же встречаются отдельные музыкально-поэтические жанры. Так, в башкирских селах Аргаяшского р-на Челябинской обл. бытовали свадебные причитания (сенгляу), которые исполнялись одной или несколькими женщинами перед проводами невесты в дом жениха[61].

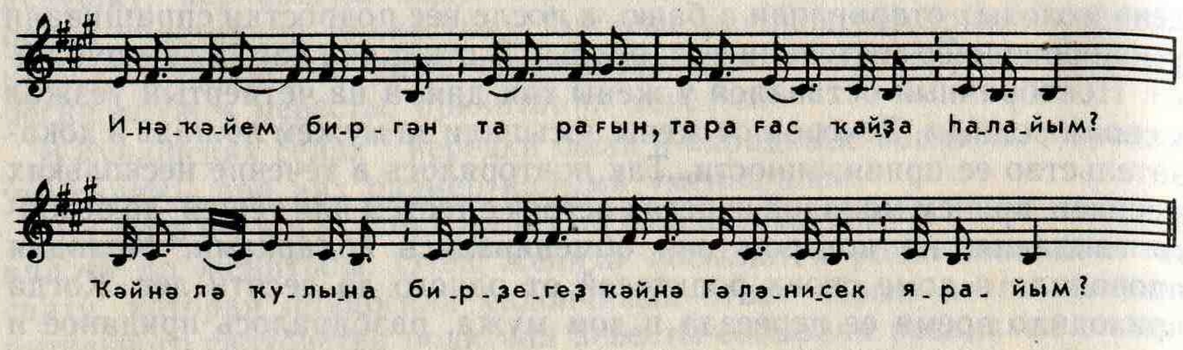
Сенгляу состояли из текстовой части, интонируемой в напевно-речитативном стиле, и плачевого вокализа. Они известны в двух видах. Сенгляу-раздумья были связаны с обрядовым хождением девушек в поле, прощанием невесты с девичьим головным убором, с родным домом. Подруги невесты вешали ее головной убор на дерево, украшали деревья лоскутками, водили вокруг них хороводы, пели жалобные песни.Сенгляу-обращения пелись при обходе невестой домов своих родственников. Подпевая невесте, девушки входили в

[60] О свадебных обрядах в чувашских селах см.: *30,* с. 519—520, 557—558, а также: *65,* т. VI, с. 61.

[61] Лебединский Л. Народная башкирская музыка//Сов. музыка. 1951, № 3. См. также: *64.*

дома ее родных; исполняя сенгляу, невеста прощалась с родными, завязывала на матицу (потолочную балку) ленточку — на память, получала подарки. Усаживание невесты на повозку при отправке свадебного поезда также сопровождалось сенгляу *(67)*:

17



§ 7. Особенности бытования протяжных песен

Протяжные песни в Среднем Поволжье и в прилегающих к нему областях бытовали в мужской и женской традиции как в стиле совместного, так и в стиле одиночного пения.

Традиция мужского исполнения протяжных песен во многом связана с трудом волжских бурлаков *(87)*, как называли всех сезонных рабочих из крестьян, уходящих на отхожие промыслы. Бурлацкие артели, подбиравшиеся с учетом производственного опыта и певческого мастерства, были хорошо сложившимися хоровыми коллективами и имели искусных запевал *(86)*. В их репертуаре, наряду с песнями других жанров (хороводными, плясовыми, свадебными, трудовыми артельными), большое место занимали протяжные песни (лирические, балладные, исторические). Крестьяне-отходники, участвовавшие в крестьянских войнах, были живыми носителями песен крестьянских восстаний, в их пении сохранялись традиции мужской молодецкой песни вольницы. В среде крестьян-отходников широкое распространение получило и одиночное пение, репертуар которого в большей степени составляли протяжные песни. Мужская традиция исполнения протяжных песен была связана и с охранной функцией сторожевых поселений на защитных линиях. Здесь было распространено как одиночное, так и совместное мужское пение, близкое по своей манере казачьему, причем основу репертуара составляли мужские лирические и рекрутские песни.

Протяжные песни женской традиции — особенно женская лирика (также в форме одиночного и совместного пения) — исполнялись осенью и зимой в «кельях», на «беседах», «вечорках» (на посиделках) во время работы, и по праздникам в числе «любых, всяких», то есть не приуроченных к определенному времени и месту исполнения песен. Повсеместно бытовали протяжные песни так называемой сезонной (или вторичной) приуроченности. К ним относятся в первую очередь масленичные песни («Прощай, жизнь, радость моя», «Ты прощай-ка, прощай, мой вольный свет», «Кого нету, того жаль»), исполнявшиеся по преимуществу женскими певческими ансамблями во время масленичных гуляний. В русских селах Поволжья были распространены протяжные песни, приуроченные к весенним праздникам и поющиеся группами певцов (женскими, реже смешанными составами ансамблей), сидящих в «караводах», «беседах». Во время весенних гуляний часто исполнялись «волушки»[62] (песни, в тексте которых, как правило, упоминаются Волга и ее притоки). В настоящее время сами певцы песни такого типа называют «тяжелыми» из-за того, что их развитая внутрислоговая мелодика требует большого запаса дыхания и владения местной певческой традицией. Знают их только самые пожилые и более охотно поют «артелью» числом не менее трех человек *(97)*. Во время весенних шествий пелись и «легкие» протяжные песни более позднего происхождения с небольшим числом внутрислоговых распевов. В ряде сел эти песни имеют местные названия: например, в с. М. Борла Ульяновской обл. песни, с которыми весной шли на гору, именовали «горскими».

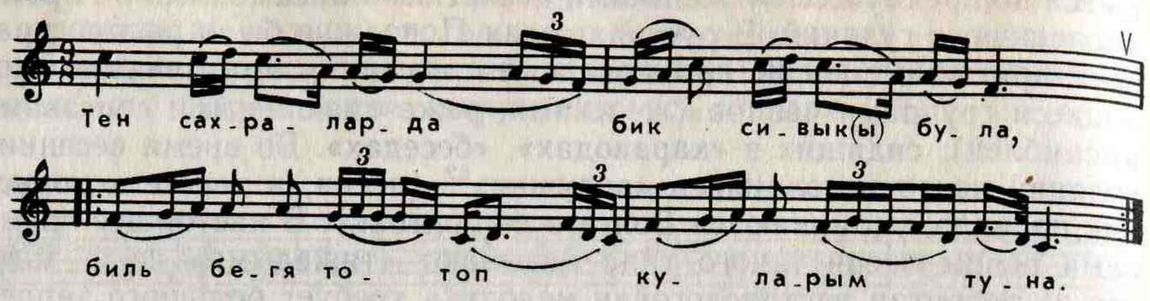
Наряду с лирическими песнями мужской и женской традиции в Среднем Поволжье бытовали исторические песни, сюжеты которых были связаны с именами героев крестьянских восстаний, взятием Казани, протяжные песни с балладными сюжетами, былины. Одним из факторов, обусловливающих распространение в Поволжье эпических песенных жанров, было влияние на русскоязычное искусство творчества других народов (финно-угорских и тюрко-татарских), где эпос является одним из основных жанров. В русских селах, например, повсеместно бытует баллада «Как у ключика, у студеного» (с сюжетом — «казак убивает свою жену»). В текстах исторических песен, зачастую и песен других жанров, постоянно упоминаются конкретные места событий, исторические лица, подобно тому как во многих мордовских эпических песнях указываются определенные имена героев: эрзянка Поля, Иванова Дарья и т. д.

Территория быв. Нижегородской губ., в частности земли по Оке и район Городца, известны как очаги былинной традиции на Волге. Ее следы дошли и до наших дней *(7; 44,* с. 29—35).

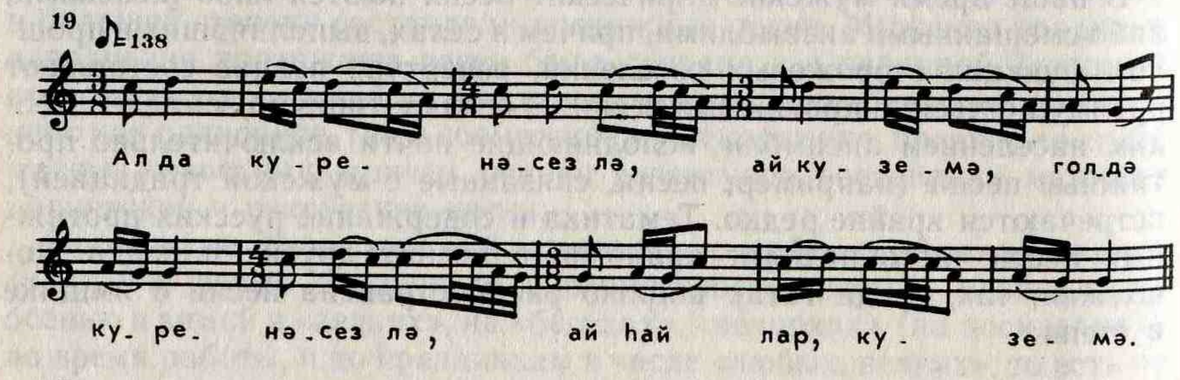
В наше время мужские лирические песни поются либо женскими, либо смешанными ансамблями, причем в селах, выполнявших в прошлом функции сторожевых поселений, репертуар певцов составляют преимущественно протяжные песни. В селах с типично земледельческим населением ансамбли, исполняющие почти исключительно протяжные песни (например, песни, связанные с мужской традицией), встречаются крайне редко. Тематика и содержание русских протяжных песен часто находят аналогии в песнях других народов Поволжья; так, среди татар широко распространена песня о ямщике в степи:

---

[62] «Волога *ж.* влага, вода, жидкость... Воложка *ж. вост.* всякий из множества боковых рукавов, протоков Волги, образующих острова, а со временем старицы и ерики; заострóвка; такие же протоки на Дунае назыв. дунавец; а в *прм.* такие огибающие остров протоки назыв. воложкою и на Каме и др. реках. В *арх.* волоша, пролив, связь двух речек проливом, рукавом...» (см.: Даль В. Толковый словарь. Т. 1. С. 234).



Протяжные, «долгие», по местному выражению, песни (мужская и женская лирика, эпические, солдатские песни) известны у всех народов Поволжья и Приуралья в мужской и женской традиции как совместного, так и одиночного пения. Так, для мордовских протяжных песен более характерна традиция совместного исполнения, в то время как протяжные песни (озын-кюй, узун-кюй, озон-кюй) в татарских и башкирских селах встречаются чаще в исполнительской традиции одиночного пения (в сопровождении музыкальных инструментов и без сопровождения). Кроме того, в башкирских селах бытуют протяжные песни, представляющие собой синтетический жанр: исполнению песни или инструментального кюя предшествует своя собственная «легенда» — рассказ на определенный сюжет. Те же отличия можно выявить и в бытовании эпических песен: эпические песни — один из ведущих жанров мордовской народной музыки — характерны для традиции совместного пения, тогда как в татарских и башкирских селах (кроме крещеных татар) эпический песенный жанр «баит», как правило, не «поется», а «сказывается» одним певцом (мужчиной или женщиной старшего поколения), порой по тексту, написанному арабским шрифтом многие десятилетия назад. В марийских, чувашских, татарских селах можно отметить также не характерное для русских и мордовских сел бытование так называемых «гостевых» (у мари называемых «песнями марийского этикета»), «пирушечных» («пировых»), «застольных» песен (приводим татарскую песню):



В чувашских селах, например, эти песни исполнялись либо группами певцов, либо отдельными певцами, порой состязающимися в пении *(29,* с. 8) на пирушках, устраиваемых глубокой осенью или в начале зимы.

Глава III

МУЗЫКАЛЬНО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ВОЛЖСКИХ ПЕСЕН

§ 1. Поэтика песенных текстов

Поэтический стиль волжских песен вобрал в себя богатство поэтического языка всех народов, населяющих Поволжье и Приуралье, что определило особую яркость и многообразие художественных образов. Поэтике волжских песен присущи традиционные для фольклора многих народов приемы и средства художественной выразительности и композиции. Так, для текстов разных песенных жанров Поволжья характерна композиционная форма монолога, причем в протяжных песнях она представляет собой одну из основных форм поэтической композиции:

Уж прощай, Самар-городок, нам теперь не до вас,
Да снизу крайний славный, братцы, городок.
Да вот летечко, милый, быстра речечка все на низ бежит,
Ох, все пташки-канарейки жалобно они поют,
А нам с тобой, милый, разлуку они придают.

В текстах многих жанров (протяжных, хороводных, зимних поздравительных величаний) можно встретить и форму диалога, зачастую восходящую к древним кумулятивным песням-загадкам, построенным на цепевидной взаимосвязи образов. Бытование кумулятивных песен отмечено исследователями у финно-угорских народов (свадебные песни удмуртов, зимние поздравительные величания мордвы и др.).

— Коляда, корякылка,
Где была?
— Коней пасла.
— А где кони-ти?
— За воротыми.
— А где вороты-ти?
— Водой снесло.
— А где вода-то?
— Быки выпили...

В поэтических текстах русских песен, например в протяжных, широко распространены и такие традиционные приемы композиционного построения, как ступенчатое сужение образов:

Ах, ты, Волга-матушка,
Широко ли ты, Волга, разливалася,
Ах, и во крутые бережка, Волга, не вбиралася,
Ах, и поняла же ты, Волга, все горы, Волга, долы,
Ах, и луга зелены, заповеданы.
Ничего-то во лугах не оставалося,

Ах, и оставался во лугах один част ракитов куст.
Ах, и на кусточке все сидит птичка маненька,
Ах, и разудаленька — млад соловьишек...

Встречаются они и в текстах мордовских, чувашских, марийских, реже удмуртских песен.

Для поэтики волжских песен характерны и все виды образных параллелизмов. Так, в текстах русских свадебных песен часто употребляется положительный параллелизм:

Ты река ли, наша реченька,
Что течешь ты, не колыхнешься,
Ты душа ли, красна девица,
Что сидишь ты, не усмехнешься...

В текстах свадебных песен и зимних поздравительных величаний встречается также отрицательный параллелизм:

Что не Волга-река разливалася. Таусень!
Что не мурава-трава расстилалася. Таусень!
Свет Иван-ит, господин, на коне разъезжал. Таусень...

Положительный параллелизм наблюдается и в песнях низовых чувашей:

Хороший конь бежит да — дорога остается
Добрые люди умирают да — имя остается...

Образно-синтаксический параллелизм во многих чувашских песнях (*61*) объединяет песенные строфы попарно:

Хрустальная печка да светлая горница —
не надо бы краской, ай, раскрашивать.
Перед столь почтенными, ай, людьми
не надо было нам да песни распевать.

В качестве композиционных приемов и средств художественной выразительности служат также синонимный, аналогичный, синтаксический параллелизм и все виды лексических и звуковых повторов (ассонанс — повторение гласных, аллитерация — согласных). Например, для русских свадебных песен характерны и анафора (повтор начала стиха), и эпифора (повтор конца стиха), и перехват:

Убита дороженька бархатом,
Убита широкая алыим...
Кто эту дороженьку убивал,
Кто эту широкую убивал?..
Оставалась, слезно всплакнула,
Слезно всплакнула, возгаркнула...

Перехват наблюдается и в текстах протяжных песен, в виде так называемой «цепной связи» строф «через запев»:

1. Чтой при зореньке вечерняя,
2. Вечерняя...
   Собиралися ды все казаченьки,
3. Все казаченьки...
   Собиралися ды все молоденьки...

Повторы характерны для поэтических текстов татарских песен:

Суда сусар утердем,
Сусар бурек тектердем.

В воде убил я куницу
И кунью шапку сшил.

Встречаются и в чувашских песнях разных жанров:

Ай, мĕн тăвар, тăвансем, ай, мĕн тăвар,
мăйăр катса мăйăр тĕш тăвар?..

Ай, что делать, родимые, ай, что делать,
орехи ли разлущив, ореховые ядрышки доставать?

У финно-угорских народов различного рода повторы являются формообразующим, композиционным приемом:

Тэтчылом но чигылом ук выж но сайгактэс,
Тэтчылом но поттылом ук пурысьтам бекчедэс!

Подпрыгнем и проломим ведь балку да под полом,
Подпрыгнем и вынесем ведь заплесневелый бочонок ваш!

(Удмуртская свадебная песня)

Вай, Гриша-кудакай, кудакай
Вай, Гриша-куданок-боярнэк!
Тон казитяя тейтертнень
Тон ловитяя бояравинетнень
Тэйтерень казесь аволь покш,
Свахань ломось аволь покш.

Ой, свет Гриша-сватушка,
Ой, сват Гриша-боярин,
Да ты одари девушек,
Да ты почти боярышень.
Для девушек подарок небольшой,
Для сватушек гостинец небольшой.

К наиболее распространенным средствам относятся эпитеты. Они характерны для всех песенных жанров и отражают понятия и эстетические взгляды разных эпох: заинька серенький, золоты рога, черна шляпа, павлиное перо, худой талан, участь горькая, цветы лазоревы, зоренька вечерняя, казаченьки молоденьки и т. д.

В текстах волжских песен нередка и символика; так, в русских свадебных песнях «сера утица» символизирует гостью-вдову, «голубь со голубушкою» — мужа с женой, «разлившаяся вешняя вода» — разлуку родителей с дочерью, «кораблик» — символ перехода к будущей семейной жизни; в хороводных песнях образы юноши и девушки представлены большим количеством символов: юноша — сокол, голубь, донской казак, граф Румянцев, пан, царь; девушка — утя, голубушка, царевна, лебедь и т. д. Встречается гипербола, известная как средство идеализации образов и традиционная для свадебных и календарных величаний:

Этой шубе цены нет:
Одна пола — сто рублей,
Друга пола — тысяча...
Под одною — сад садить,
Под другой — дитей водить...

Мягкость, задушевность придают поэтическим образам русских песен Поволжья уменьшительно-ласкательные суффиксы, встречающиеся в текстах всех песенных жанров. Можно отметить и такой известный поэтический прием, как троекратный повтор и т. д. Эпитеты, сравнения, метафоры, гипербола, символика, являющиеся традиционными средствами народной поэтики также финно-угорских и тюрко-татарских народов Поволжья и Приуралья, у каждого народа имеют свое собственное содержание и собственную образную тематику. Так, в мордовских песнях встречаются гиперболы: с оглоблю — солома, с яйцо — зерно; в чувашских: из шелков ограды; в удмуртских: еды

было — будто плотвы в реке; в татарских: до неба поднялась высокая гора. Разнообразны эпитеты: хранительница бани серебряная, городская улица, камень тяжелый, угли горящие *(морд.)*; прозрачная вода, твердое слово, тонкий стан, золотое яблоко *(тат.)*; стеклянные платья, змеиная чешуя, белая гусыня, долгий путь *(удм.)*; черный лес, ременные вожжи, вода глубокая *(чув.)*. Традиционными поэтическими приемами являются сравнения: личико, словно красное яблоко *(морд.)*, луна круглое озеро освещает, слуги-лучи идут от желтого цветка *(тат.)*; метафоры: камнем онемело сердце *(морд.)*, высохло сердце мое от тоски *(тат.)*; символы: поезжане — татарская сила, ногайская дружина, дом жениха — бездонный омуток, сватаная девушка — меченое дерево *(морд.)*; пара голубей — символ счастья, прилет диких гусей — весенняя радость, отлет — грусть, желтый цвет зачастую — признак горя и т. д. *(тат.)*.

Несмотря на употребление традиционных средств народной поэзии, своеобразная лексика, образы, характерные подчас только для местного стиля или данного народа, придают неповторимость и особый колорит всей песенной поэзии Поволжья.

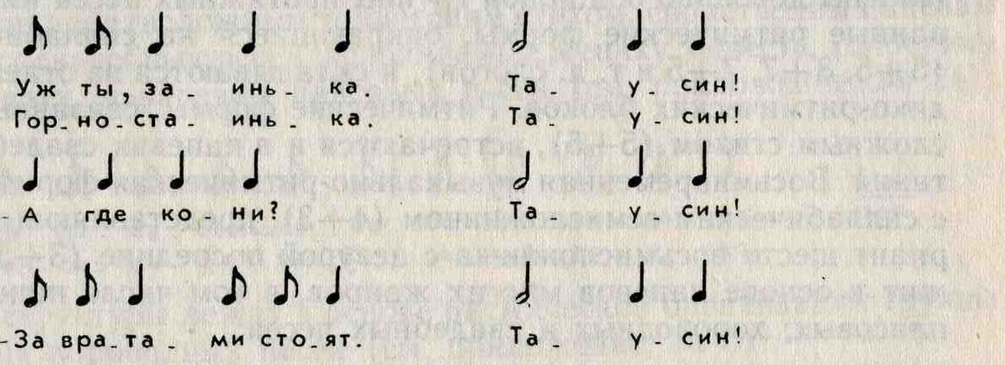
§ 2. Музыкальная и стиховая ритмика волжских песен

Волжские песни имеют традиционные ритмические формы стиха и напева и как традиционные, так и оригинальные формы их согласования. В текстах всех песенных жанров мы находим силлабический (цезурованный) тип стихосложения, в котором решающую роль играет цезура между слоговыми группами (полустишиями), составляющими стих[63]. Поэтическим текстам, имеющим в своей основе силлабический стих (со структурами 5+5, 4+3, 4+4+6, 4+4+3 и т. д. слогов), часто соответствует напев, также делящийся цезурой на фразы, причем цезуры напева и текста, как правило, совпадают (случаи несовпадения нами будут рассмотрены особо). Силлабический стих характерен для поэтики всех народов Поволжья, в русской песенной поэтике не менее распространен тонический (акцентный) стих. Основным его видом является двухударный восьми-девятисложный тонический стих с ударениями на третьем слоге от начала и третьем слоге от конца стиха. Встречается также двухударный тонический стих с хореическим окончанием (с ударением на третьем слоге от начала стиха и на втором слоге от конца стиха). Тонический стих согласуется, как правило, с напевом, охватывающим все его построение, но с цезурой в ритмическом периоде либо без нее.

Тексты городского, а порой литературного происхождения написаны силлабо-тоническим стихом, основу которого составляет стопа

[63] Под народным песенным стихом мы понимаем синтаксически завершенное построение, имеющее не менее двух ударений, организованных логически и ритмически (по определению А. В. Рудневой), или комбинацию двух-трех слоговых групп (по определению Б. Б. Ефименковой).

(ямб, хорей, дактиль, анапест и т. д.)[64]. В таких песнях напевы также имеют более поздний городской характер. Музыкально-ритмические формы волжских песен, как правило, не зависят от их жанровой принадлежности и определяются координацией со стиховой ритмикой песен. При этом единая ритмическая основа песен по-разному преломляется в разных жанрах. Наиболее стабильные, законченные музыкально-ритмические формы характерны для таких жанров, как свадебные и хороводные песни, хотя встречаются и среди других жанров. Протяжным песням свойственны трансформированные музыкально-ритмические структуры, опирающиеся на расширенный стих, но легко приводимые к своей исходной форме. Календарным песням, причитаниям присущи либо нестабильные музыкально-ритмические формы, либо формы, не объединенные в определенные структурные композиции. Так, в весенних закличках, зимних поздравительных величаниях единицей стиховой организации служит слоговая группа, неоднократно повторяющаяся на соответствующую ей музыкальную фразу напева (см. пример 6). В зимних поздравительных величаниях рефрен-обращение может либо предварять каждую слоговую группу смыслонесущего текста, либо следовать за ней:



Смыслонесущий текст большинства зимних поздравительных величаний независимо от местонахождения рефрена состоит, как правило, из четырех-семисложного стиха, согласованного с восьмивременной музыкально-ритмической формой напева. Он имеет либо одно построение, либо два (см. приложение, № 1):

$$\frac{\text{(напев) } aaa_1\ a_1}{\text{(текст) } abrr}$$

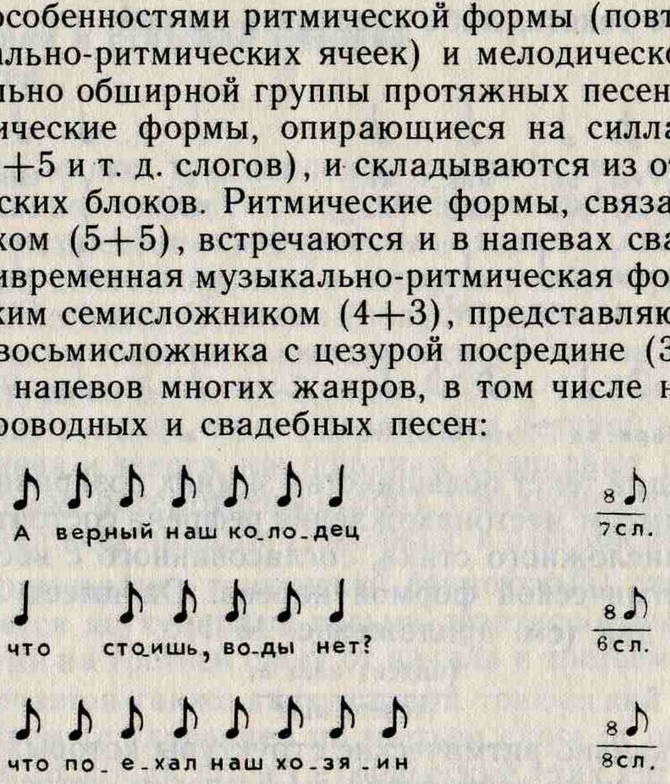
Песни, музыкально-ритмические структуры которых опираются на цезурованный стих со структурой 5+5 слогов, встречаются во всех жанрах русского песенного фольклора. Традиционной музыкально-

[64] Стопа — повторяющаяся группа слогов. Двусложная стопа: ямбическая, где ударный слог следует за безударным; хореическая — ударный слог предшествует безударному. Трехсложная стопа: дактилическая — ударным является первый из трех слогов; амфибрахическая — ударным является второй из трех слогов; анапестическая — третий слог ударный. В стиховой метрике известны стопы, состоящие из четырех и более слогов (см.: Словарь литературоведческих терминов/Сост. Г. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974). В античной метрике стопа — повторяющаяся группа слогов, состоящая из одного долгого и одного или нескольких кратких.

ритмической формой, связанной с такой структурой стиха, является двенадцативременник типа 6+6 (музыкальных времен), представленный в плясовой песне:

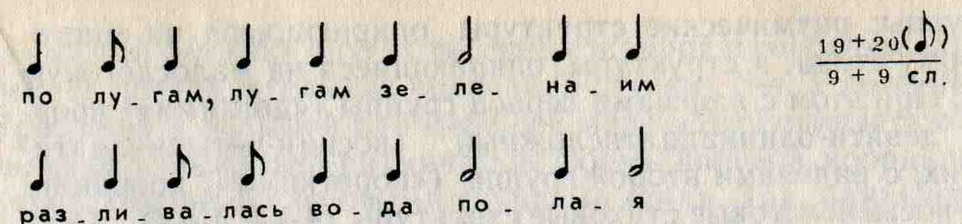
Широко распространена, особенно в хороводных песнях, музыкально-ритмическая форма, где построению из восьми музыкальных времен также соответствует пятисложное полустишие:

Напевы свадебных песен, ритмическая структура которых координирована со стихами 5+5 (нередко с сюжетами: «Не было ветру, вдруг навянуло», «На горе, горе стоит городок», «Полна речушка гусей-лебедей»), имеют равносегментную ритмическую организацию, связанную с особенностями ритмической формы (повторяемость слоговых музыкально-ритмических ячеек) и мелодической структуры[65]. Напевы довольно обширной группы протяжных песен имеют цезурованные ритмические формы, опирающиеся на силлабический стих (5+5, 8+7, 7+5 и т. д. слогов), и складываются из отдельных мелодико-ритмических блоков. Ритмические формы, связанные с десятисложным стихом (5+5), встречаются и в напевах свадебных причитаний. Восьмивременная музыкально-ритмическая форма, связанная с силлабическим семисложником (4+3), представляющим собой вариант шести-восьмисложника с цезурой посредине (3+3, 4+4), лежит в основе напевов многих жанров, в том числе напевов группы плясовых, хороводных и свадебных песен:



Одну из многочисленных групп составляют восьми-семнадцативременные структуры, согласованные с тоническим двухударным девятисложником. Они, как правило, встречаются в свадебных песнях (см. приложение, № 11, 12):

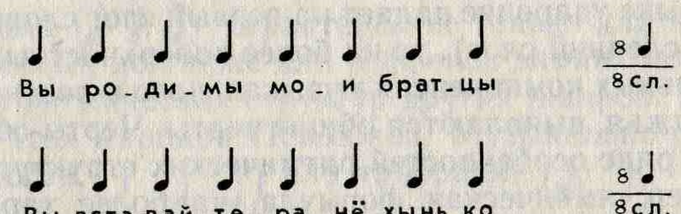
[65] Подробнее о равносегментной структуре см.: Ефименкова Б. Б. Свадебная песня в среднем течении реки Юг//Традиционное народное музыкальное искусство и современность. М., 1982. С. 25—30.



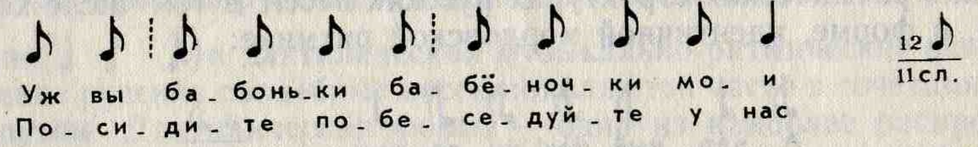
Ту же ритмическую структуру мы находим и в ряде протяжных волжских песен (см. приложение, № 40).

Музыкально-ритмические формы, координированные с тоническим девятисложником с хореическим окончанием, обнаруживаются в ряде хороводных песен Поволжья (см. приложение, № 4).

Музыкально-ритмические формы, опирающиеся на двухударный тонический восьмисложник, присущи ряду напевов свадебных плачей:



Музыкально-ритмические формы типа «Камаринской», связанные с одиннадцатисложным тоническим стихом, свойственны напевам некоторых свадебных песен, исполняемых жениху, невесте, холостому парню, свату, и напевам плясовых песен (см. приложение, № 24):



Те же структуры лежат в основе ритмической организации группы медленных хороводных песен (см. приложение, № 5):

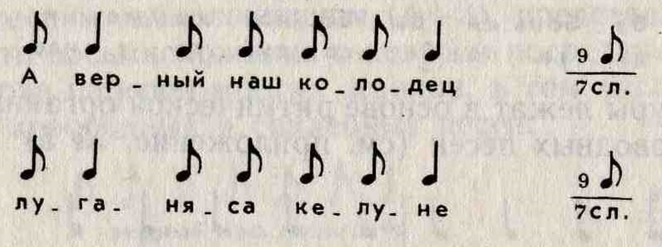
Для напевов свадебных песен, адресованных дружке, невесте, жениху, некоторых хороводных песен характерны музыкально-ритмические структуры, опирающиеся на стих 7+5, 7+3, 5+3, 4+4+9 («Не трубили трубушки рано по заре», «Кукует кукушечка за садом», «Как хорош терем выстроен», «Мимо саду, мимо саду, мимо саду, мимо зелена» и др.), сочетающий в себе черты силлабики и тоники.

Музыкально-ритмические структуры, свойственные напевам тюрко-татарских народов, как правило, связаны с цезурованным стихом различной протяженности. В татарском и башкирском песенном творчестве различают два вида напевов по протяженности музыкально-ритмических форм и типу слоговой мелодики: короткий напев (кыскакюй) и долгий напев (узун-кюй, озын-көй). В напевах чувашских песен также наблюдается разделение ритмических структур на две

основные группы: ритмические структуры, опирающиеся на многослоговую форму стиха, и структуры, опирающиеся на малослоговую форму стиха. При этом с напевами первой группы («долгими») координируется девяти-одиннадцатисложный (восьми-четырнадцатисложный) стих, с напевами второй группы («короткими») координированы семи-восьмислоговые стиховые структуры (4+3, 4+4). Десятислоговые стиховые структуры, как правило, имеют цезуры либо после пятого, либо после шестого слога (5+5, 6+4).

Цезурованный стих характерен также для напевов финно-угорских народов, причем цезура в них также следует либо после четвертого (третьего) слога, либо после пятого слога (4+3, 4+4, 5+5 и т. д.).

Если на более глубинных уровнях духовные культуры каждого народа Поволжья имеют свои специфические черты и законы (так, в мордовском языке ударение падает на первый слог слова, в татарском языке — на последний слог), то на более поверхностных уровнях, например в отдельных компонентах музыкального и поэтического языка народов Поволжья, выявляются общие черты. Черты общности обнаруживаются в ряде особенностей ритмических структур. К ним относится, например, ямбическая формула, наиболее характерная для ритмики тюркских народов Поволжья и даже считающаяся стилистическим признаком баита (особенно перед цезурами, в каденциях; *56,* с. 28). Ритмические группы, состоящие из последовательностей краткого и долгого музыкально-слогового времени, встречаются и в напевах разных жанров всех народов Поволжья, например в музыкально-ритмических структурах русских песен, в том числе хороводных, в форме, идентичной мордовской ритмике:



В то же время музыкально-ритмические формы, основанные на чередовании долгих и кратких времен (хореического вида) и связанные с особенностями ударения в финских языках, характерны больше для финно-угорских народов Поволжья, но также выявляются в песенной ритмике всего населения территории.

Сопоставим ритмику традиционных русских свадебных песен как одного из центральных жанров с ритмикой соседних народов. В ритмических структурах, опирающихся на тонический стих, отчетливо выделяется последний сегмент[66], соответствующий трехсложной группе стиха. Ряд ритмических форм трехсложной группы характерен

[66] «Сегментация тонического стиха ударениями, выявляющими в нем иные ритмические ячейки — не слоговые группы, а сегменты: начальный (анакруза), срединные, открывающиеся ударениями, концевой (последний ударный слог с клаузулой)». См.: Ефименкова Б. Б. Народное творчество. Программа (рукопись).

также для ритмики других песенных жанров и особенно для рефренов зимних поздравительных величаний русских сел. У соседних народов Поволжья в большей или меньшей мере обнаруживаются те же стабильные музыкально-ритмические формы напевов, координированные с трехсложными слоговыми группами стиха. Так, бакхическая музыкально-ритмическая форма (♪ ♩ ♪) и нередко сочетающаяся с ней в одной музыкальной строфе форма типа амфибрахия (♪ ♩ 𝅗𝅥) в русских свадебных песнях встречаются как исключение. В большей степени они характерны для рефренов зимних поздравительных величаний. Обнаруживаются они также в ритмических структурах мордовских свадебных песен и причитаний, чувашских протяжных, масленичных, свадебных песен и причитаний, татарских свадебных песен и баитов, удмуртских свадебных песен. Анапестическая музыкально-ритмическая форма (♪ ♪ ♩) характерна не только для напевов русских свадебных песен, но также для рефренов зимних поздравительных величаний и ритмических структур других жанров. Встречается она и в песнях всех народов Поволжья. Музыкально-ритмическая форма типа молосса (♩ ♩ ♩) или трибрахия (♪ ♪ ♪) присуща трехсложным сегментам русских свадебных песен и рефренам зимних поздравительных величаний, реже она встречается у других народов (была найдена нами лишь в ритмических структурах мордовских песен).

Музыкально-ритмическая форма типа кретика (♩ ♪ ♩) характерна только для напевов русских и мордовских свадебных песен. Типа антибакхия (♩ ♩ ♪) и дактилическая музыкально-ритмические формы в напевах русских свадебных песен появляются часто в сочетании друг с другом. Дактилическая форма — одна из наиболее распространенных в русских свадебных песнях с тоническим стихом, а также в рефренах русских и мордовских зимних поздравительных величаний. В ритмических структурах других песенных жанров соседних народов Поволжья эти формы встречаются очень редко.

Структурные компоненты ритмических форм в напевах русских свадебных песен, опирающихся на пятисложную слоговую группу стиха, также находят аналогии в напевах соседних народов:

♪ ♪ ♪ ♪ ♩ — в песнях всех жанров народов Поволжья;

♪ ♪ ♩ ♩ 𝅗𝅥 — в татарских баитах, мордовских свадебных причитаниях;

♪ ♪ ♩ ♪ ♩ — в мордовских свадебных причитаниях;

♪ ♪ ♩ ♪ ♪ (♪ ♪ 𝅗𝅥 ♪ ♪) — в мордовских свадебных корильных величаниях.

Музыкально-ритмические структуры семисложного полустишия в русских свадебных песнях (со стихом 7+5) родственны ритмическим структурам мордовских, татарских, чувашских песен в том случае, если в семисложном полустишии появляется цезура:

Плакала же Марьюшка;
Тонула же девица;
не серая утинька;
Ходил наша друженька.

Отметим еще одну особенность музыкально-ритмических структур русских песен Поволжья, указывающую на давние взаимосвязи музыкальных культур разных народов: акцентной ритмике свойственна цезурованность не только стиха, но и напева.

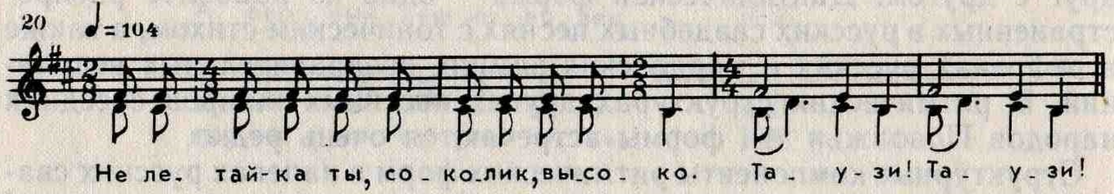
§ 3. Формы песенных текстов и напевов

В волжских песнях встречаются традиционные и нетрадиционные формы песенных текстов и напевов. Так, в весенних закличках, зимних поздравительных величаниях песенный текст нередко строится из цепочки слоговых групп, согласованных с однофразовым напевом (см. пример 6). В зимних поздравительных величаниях к такой форме часто присоединяется припев, предваряющий слоговую группу или следующий за слоговой группой:

$$\frac{\text{(напев) } aa_1}{\text{(текст) } ar} \text{ или } \frac{a_1a}{ra}$$

В свадебных песнях и зимних поздравительных величаниях встречается форма одностишия с припевом (рефреном) или без него. Напев в данном случае охватывает стих и рефрен:

$$\frac{\text{напев } A(bb)\ B(bb)}{\text{текст } A(ab)\ R(rr)}\ ;\ \frac{Abb}{Arr}$$



Для ряда свадебных песен характерна строфическая форма, состоящая из стиха и повторения его последней слоговой группы («Ходит дружка по двору, по двору», «Винный наш колодец, колодец, колодец»); напев в них также имеет форму строфы:

$$\frac{\text{напев } abb_1}{\text{текст } abb} \text{ или } \frac{\text{напев } A(ab)\ A(ab)\ B(cd)\ B(cd)}{\text{текст } A(ab)\ A(ab)\ R(bb)\ R(bb)} \text{ и т. д.}$$

Во многих жанрах распространена строфическая форма двустишия, согласованная с напевом, состоящим либо из двух построений, охватывающих ритмические периоды, либо из одного повторенного построения:

$$\frac{\text{напев } AB}{\text{текст } AB}\ ,\ \frac{}{AB}$$

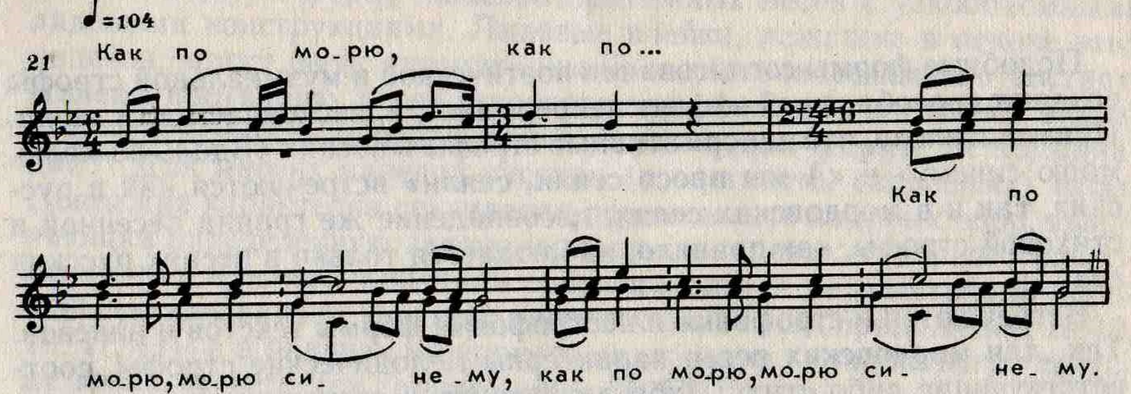
Напевы ряда протяжных песен Поволжья состоят из четырехшести мелодических построений, но встречается и нечетное число разделов (три — семь). Связанные со стиховыми слоговыми группами, эти разделы бывают либо шести-восьмивременными (согласованными с пяти-семисложным стихом), либо двенадцативременными (согласованными с девяти-одиннадцатисложным стихом). Часто подобные разделы представляют собой трехслоговые группы стиха, которым соответствуют четырехвременные музыкально-ритмические ячейки напева (сами певцы именуют такие разделы «коленами» песни).

Однако в волжских песнях нередки случаи, когда строфовые формы текстов и напевов не совпадают с традиционными. Показательна хороводная песня «Вдоль по морю синему». Ее традиционной формой является:

$$\frac{\text{напев } AABB_1}{\text{текст } aaAA}$$

В ряде версий напева либо опускается повторение начальной слоговой группы, либо при повторении эта группа укорачивается:

$$\frac{\text{напев } ABB}{\text{текст } aB(ab)B(ab)}\ ;\ \frac{AaBB}{aa_1BB}$$



Ненормативная строфа встречается и в вариантах хороводной песни «А мы просо сеяли, сеяли». Норму песенной строфы здесь составляет форма:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дид ладо, сеяли, сеяли.

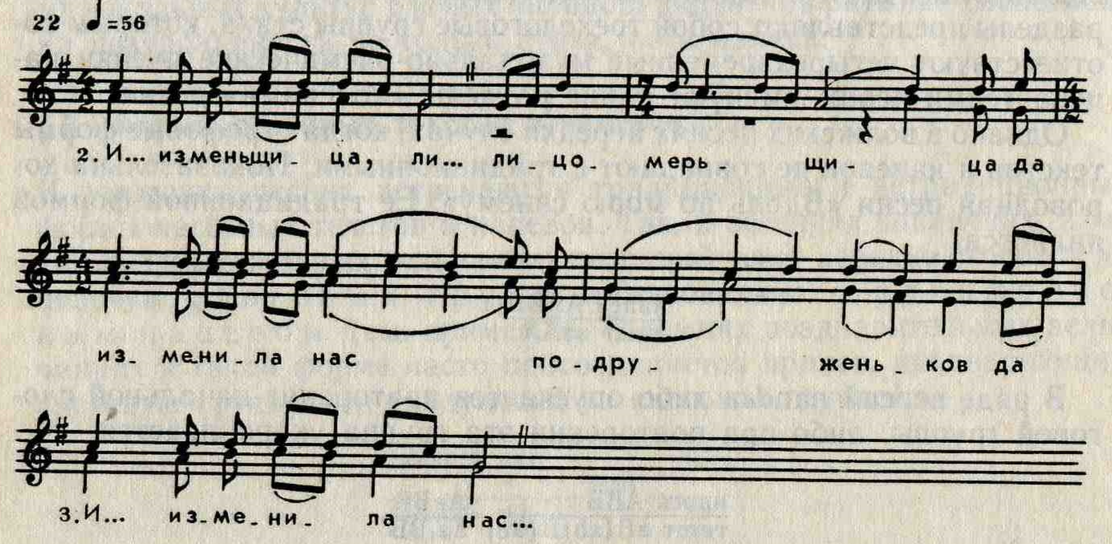
$$\frac{\text{(напев) } abb_1abb}{\text{(текст) } abbrbb}$$

В ряде вариантов песни повторение слоговой группы исчезает, и форма становится типичной для плясовых песен:

А мы просо сеяли,
А мы просо сеяли.
Гай, лада, гай, лада,
Гай, лада, молода.

$$\frac{\text{напев } aa_1bb}{\text{текст } aarr_1}$$

Особая форма согласования стиха и напева представлена в свадебных и хороводных песнях, в которых границы построений напевов не совпадают с границами стиха и стиховой строфы (см. приложение, № 2, 4, 7):



Подобные формы согласования поэтической и музыкальной строфы создают своеобразный эффект непрерывности, нескончаемости песни. Примечательно, что ненормативные строфы в песнях «Вдоль по морю, морю синему» и «А мы просо сеяли, сеяли» встречаются как в русских, так и в мордовских селах, несовпадение же границ песенной и стиховой строфы, как правило, наблюдается только в песнях русских сел.

Встречаются и строфовые и нестрофовые формы текстов и напевов. Так, для мордовских песен характерны мелодические строфы, соответствующие либо стиху, либо двустишию и состоящие как из тождественных, так и нетождественных мелодических периодов с рефренами и без них, либо соответствующие тираде из переменного числа периодов.

В удмуртских песнях поэтические и мелодические строфы имеют формы АА, АВ, АВВ; при этом двухстиховые формы могут быть неодинаковыми по величине и структуре. В татарских песнях строфическая форма часто зависит от жанра песни; так, для баитов характерна форма поэтической и музыкальной строфы типа АВВ, АВ, ААВВ; в такмаках (одной из традиционных форм кыска-көй) напев и текст представляют собой одно- и двухчастные построения (А, ААВВ). В игровых песнях форма обусловливается характером игры, причем первая часть формы здесь, как правило, медленная, вторая — быстрая (АВВ+АВАВАВ; АВВ+ССDD; ААВВ+$A_1A_1A_1A_1$). В чувашских многослоговых песнях в одной либо двух строфах, как правило, излагается короткий сюжет; лишь изредка он перекликается по содержанию с другими строфами.

§ 4. Ладовые и мелодические особенности волжских песен

Для волжских песен характерны многообразные виды диатонических и ангемитонных ладов. Ладовые и мелодические особенности волжских напевов во многом зависят от жанровой принадлежности песен, но в то же время разным песенным жанрам присущи одинаковые закономерности. Так, для колыбельных, зимних поздравительных величаний, весенних закличек, причитаний обычны узкообъемные лады (секундовые, терцовые). Напевам хороводных, свадебных, протяжных песен свойственны лады минорного и мажорного наклонения в амбитусе сексты — децимы. В ладовой структуре напевов русских песен преобладают кварто-квинтовые соотношения опорных тонов, которые выражены вполне определенно (см. приложение, № 31, 36, 38, 40). Так, кварто-квинтовые соотношения опорных тонов лежат в основе зимнего поздравительного величания (см. приложение, № 1), напев которого начинается протяженным звуком — побочной опорой (квинтой лада). В напеве хороводной песни (см. приложение, № 2) мелодия постоянно вращается между двух оппозиционных опорных звуков (*ре — соль*). Квартовое соотношение опорных звуков определяет и ладовую форму напевов протяжных песен с узкообъемными ладовыми конструкциями. Ладовые ячейки, лежащие в основе этих напевов, могут быть ангемитонными и диатоническими по составу. Напевы протяжных песен широкого звукового объема имеют активную переменность опорных тонов и различные формы их комбинаций[67]. Для многих напевов русских (в частности, свадебных) песен Поволжья характерна секундовая переменность ладовых опор, выявляющая определенную закономерность: в напевах минорного наклонения, как правило, побочная опора находится на расстоянии большой секунды вниз от главного опорного звука (см. приложение, № 12, 16, 17, 41), а в напевах мажорного наклонения — на большую секунду вверх от него (см. приложение, № 53)[68].

Мелодическому строению большинства напевов свойственны либо кварто-квинтовые интонации в восходящем движении, чередующиеся с нисходящим поступенным движением мелодики, либо поступенное движение от «вершины-источника» (термин Л. Мазеля), как правило, квинтового звука лада, к основному опорному звуку. Так, в весенних закличках, зимних поздравительных величаниях, а также в хороводных, свадебных, плясовых и протяжных песнях (особенно запевах протяжных песен) основной мелодической интонацией напева является кличевая интонация (интонация зова): в напевах, связанных с возгласом, обращением («Таусень!», «Да ой, весна!», «Ты, ряби-

[67] Енговатова М. А. Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра: Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. искусствоведения. М., 1988. С. 12—15.

[68] На эту закономерность обратил внимание Н. Храпов при анализе песен Барышского р-на Ульяновской обл. (Архив лабор. нар. музыки ГМПИ им. Гнесиных: Дипломный реферат № 220).

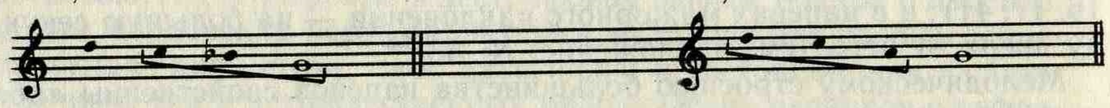
нушка!», «Ты река ли», «Ты, друженька!» и т. д.), звучит кварто-квинтовая интонация в восходящем либо нисходящем движении, либо в сочетании восходящего и нисходящего движения. Эта интонация появляется в самом начале напева и сохраняется в его основе вплоть до завершения напева. Интонации кварты и квинты характерны и для каденционных оборотов. Песни разных жанров интонируются напевно либо имеют речитационную основу, которая в одних песнях определяет стиль всего напева, в других — его части, что особенно характерно для протяжных песен: контраст речитативного запева (rubato) и распевной ансамблевой части.

Традиционны все виды слоговых и внутрислоговых форм песенной мелодики. Как правило, они встречаются либо в отдельности, либо в сочетании друг с другом. Для напевов календарных, плясовых, хороводных, свадебных песен, плачей обычны строго слоговые формы мелодики, где один звук напева соответствует одному слогу текста, и нестрого слоговые, в которых один слог текста приходится на два-три звука мелодии. Для протяжных песен, бытующих в русских селах, естественно сочетание строгослоговых и развитых внутрислоговых форм песенной мелодики. Одну из особенностей слоговой мелодики представляет «опевание» квинтового звука ладомелодического комплекса VI ступенью по отношению к опорному звуку данной мелодической фразы (см. приложение, № 52).

Самобытны ладово-мелодические особенности песен финно-угорских и тюрко-татарских народов Поволжья.

В основе ладовой структуры мордовских мелодий лежат тетрахорды с опорой на нижний звук и ангемитонными ладовыми ячейками двух видов — малая терция, большая секунда в разных сочетаниях:

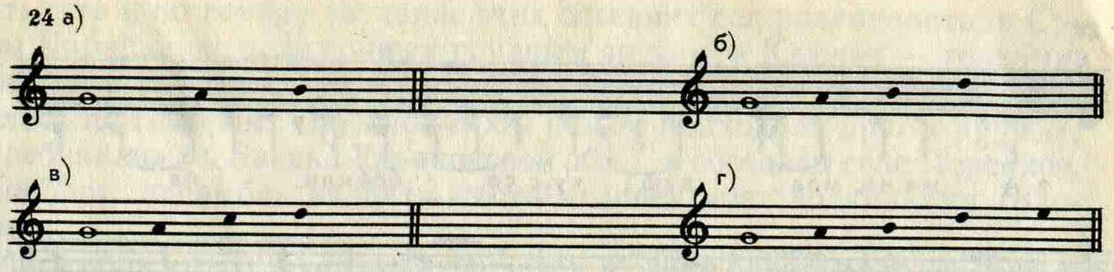
23 а) б)



В процессе мелодического развития диапазон основного напева расширяется, как правило, до пределов большой сексты или малой септимы от основного тона. При многоголосном изложении напева общий диапазон в большинстве случаев достигает октавы. Мелодика мордовских песен имеет все традиционные формы, включая строго-слоговой и развитый мелодические типы, которые бытуют и самостоятельно, и в сочетании друг с другом.

Для напевов удмуртских песен характерны как узкообъемные амбитусы (диапазоны), так и расширение диапазонов до децимы (а в многоголосии и более). Узкообъемные лады представлены следующими видами: а) большетерцовый лад из трех звуков, б) ангемитонный лад из четырех звуков с большой секундой у нижнего края амбитуса, в) ангемитонный лад из четырех звуков с большой секундой у верхнего края амбитуса, г) ангемитонный лад из пяти звуков:

24 а) б)

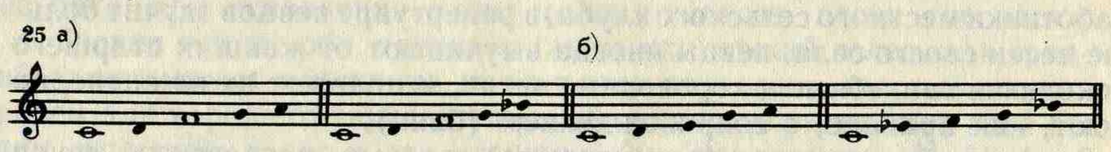


в) г)

В напевах удмуртских песен встречается также хроматизация отдельных ступеней лада, переменность терцового звука лада, кварто-квинтовая и секундовая переменность опорных тонов.

Напевы тюркских народов, в частности казанских татар (большинство баитов, протяжных, скорых песен, такмаков, деревенских напевов), отличает преобладание общего нисходящего движения, поступенность мелодии, отсутствие широких скачков. В баитах, такмаках, частично в протяжной песне нередка речитация. В протяжной песне она служит ярким контрастом орнаментальным кантиленным фразам. В татарских песнях встречается две группы пентатоники: а) бестерцовая с большой секстой или малой септимой от основного опорного звука и б) пентатоника с большой и малой терцией от основного опорного звука:

25 а) б)

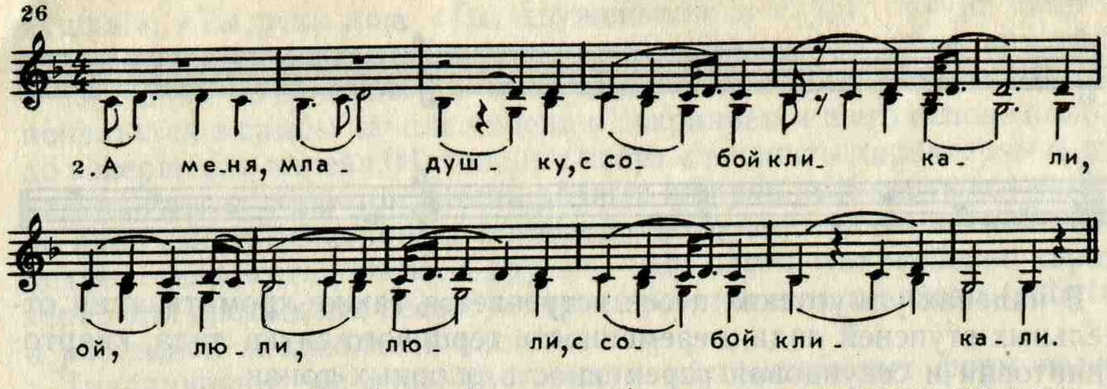


Бестерцовая пентатоника типична главным образом для традиционных баитов, протяжных песен, такмаков, деревенских напевов, пентатоника с терцией больше характерна для современного фольклора. К особенностям одного из традиционных жанров башкирской народной музыки (как и татарской) относится свободно-импровизационная орнаментальная мелодика, широкий диапазон, превышающий порой две октавы, нерегулярная метрика, подвижность и гибкость ритмических рисунков, при этом наиболее устойчивой остается ладовая сторона, в большинстве случаев пентатоника[69].

Ангемитонные лады свойственны и чувашской народной музыке. При сравнении ладомелодических особенностей русских песен Среднего Поволжья с песнями тюрко-татарских и финно-угорских народов обнаруживается определенное сходство. Так, в большинстве русских песен ладово-мелодические комплексы включают ангемитонные мелодические образования в разных частях напева (см. приложение, № 34, 17, 20). Русские песни, исполняемые другими народами Поволжья, нередко приобретают ладомелодическую окраску, типичную для песен данного народа:

[69] См.: Камаев Ф. Вопросы нотации башкирских народных песен (рукопись). Уфа, 1971. С. 1.

26



§ 5. Типы ансамблей, особенности фактуры, тесситура голосов

Песенные ансамбли Поволжья в наше время подразделяются на три основные категории по возрастному признаку.

1. Ансамбли, как правило, однородные, реже смешанные, состоящие из восьми — двадцати человек наиболее молодого возраста (двадцать — сорок лет), в большинстве случаев имеют руководителей из районных Домов культуры, которые разучивают с певцами песни советских композиторов, песни разных народов и, в меньшей степени, местные народные песни. Если руководители ансамблей — работники местного сельского клуба, в репертуаре певцов звучит больше песен своего села, певцы иногда выучивают от женщин старшего поколения свадебные и хороводные песни, исполняют их на сцене, но поют, как правило, с сопровождением (баян).

2. Ансамбли певцов (аутентичные) разных возрастных групп (тридцать — шестьдесят лет) представляют собой семейные коллективы, однородные или смешанные, которые выступают в основном во время сельских или семейных гуляний и пиршеств. Репертуар семейных ансамблей составляют традиционные протяжные песни, свадебные величания, плясовые, шуточные, городские песни, жестокие романсы, частушки. Поют они как с сопровождением, так и без сопровождения.

3. Женские (реже смешанные) ансамбли пожилых певцов (свыше семидесяти лет), исполняющие песни крестьянской и городской традиций; собираются в самых редких случаях. Когда-то они составляли уличные ансамбли (подруги с одного конца села, собиравшиеся осенью и зимой на посиделки, а весной — в хороводы). Поют преимущественно без сопровождения.

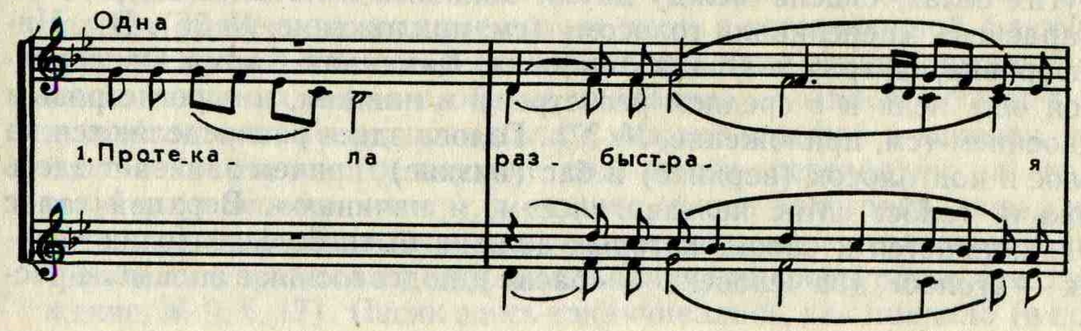
Традиционные ансамбли певцов старшего поколения, основных носителей русской традиционной крестьянской песни, можно подразделить на три основные группы по тесситуре женских голосов. Здесь бытуют ансамбли, звучащие в низкой тесситуре (первая — малая октавы), поющие в высокой тесситуре (первая — вторая октавы), и ансамбли с регистровым удвоением голосовых партий, причем сами исполнители качественно различают свое пение. Так, женщины из с. Сухой Карабулак Саратовской обл., поющие в низком регистре, охарактеризовали пение соседнего села Ключи, в котором тесситура песен значительно выше, так: «Они не поют, а пищат». Нужно заметить, что и по тембру звучание этих соседних сел различалось: в Сухом Карабулаке пели сочным грудным звуком, в Ключах — тонкими, пронзительными голосами. Сами певцы, как правило, различают свои голоса по тембрам: «Нужно, чтобы они не подходили друг к дружке, перебивали» (с. Баевка Ульяновской обл.), в соседнем селе Порецкое, наоборот, ансамбль из пяти-шести человек поет «одинакими голосами».

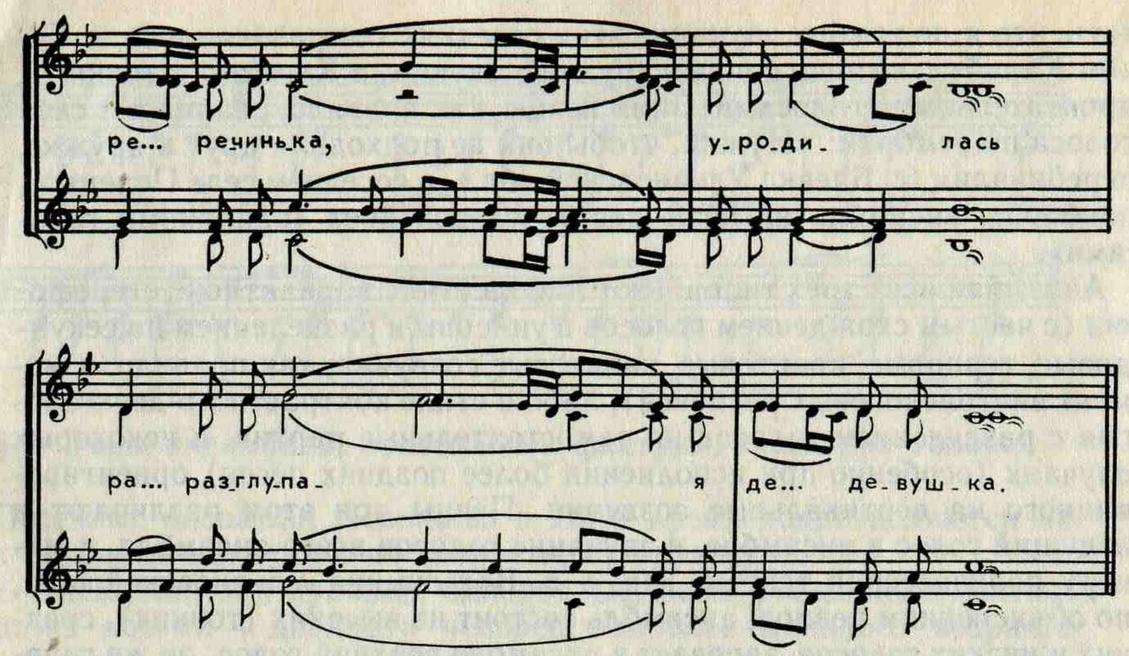
Ансамбли всех трех типов поют либо в стиле вариантной гетерофонии (с частым схождением голосов в унисоны и разделением на секундовые, терцовые, квартовые, квинтовые созвучия, как правило, в момент внутрислоговых распевов), либо в стиле контрастного двухголосия с разделением голосов на самостоятельные партии, в некоторых случаях (особенно при исполнении более поздних песен) ориентированного на вертикальные созвучия. Певцы при этом различают и ведущий голос в ансамбле, и звучание голосов всего ансамбля, и манеру произнесения текста. Так, в с. Волынщина Ульяновской обл., по объяснениям певцов, ансамбль состоит из высоких (тонких), средних и низких голосов, запевает в ансамбле верхний голос, он же главный голос и в звучании ансамбля (см. приложение, № 52).

В с. Студенец той же обл. голоса также различаются на бас — «ровный голос» и «тонкий» голос, который запевает и ведет песню. Без баса, при исполнении одних тонких голосов, песня «не идет». В с. Баевка той же обл. запевает также или тонкий голос, или средний, запеть может и мужчина, но ни в коем случае не «толстый» голос, причем для хорошего звучания ансамбля здесь должен быть хотя бы один «толстый» голос и два «тонких» (см. приложение, № 8).

В соседнем селе Порецком в ансамбле также запевает чаще тонкий голос, он же «рассказывает» песню, а нижние голоса и мужчины его поддерживают (см. приложение, № 18). Характеризуя свое пение, певцы обязательно подчеркивают количественный состав партии. Так, в с. Чаадаевка (входившем в недавнем прошлом в Пензенскую обл.) говорили: «Чтобы артелью подходило, нужно три — семь человек, больше голосов нужно тонких („дискантов“), они самые важные, а толстых голосов (их здесь называли также „альт, бас, грубый голос“) должно быть меньше». В с. М. Борла мы записали ансамбль из семи человек. Певцы рассказывали, что песни у них «тянут». Раньше у них в «артели» было по восемь — двадцать человек, голоса разделялись на тонкие, средние («стройные», которые подпевали), толстые («грубые»), басы (чаще мужские голоса):

27





Перед исполнением протяжной песни «Ох, рябинушка» (см. приложение, № 41) в с. Валгуссы пять сестер (две пели верхний голос, три — нижний) так распределяли обязанности:

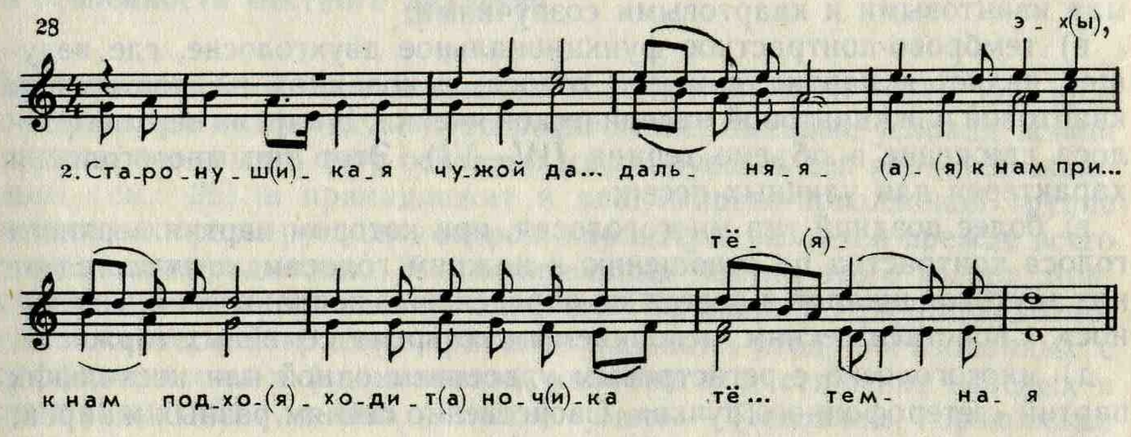
— Чай, стяну нижний голос!

— Перевернесси. На перемену вознесть, а вот тонким попробовать, так хуже.

— Ты запой, я вознесу.

В с. Коромысловка, где женщины пели в среднем регистре (от *фа* второй октавы до *фа* малой октавы), запевалу называют «затонщицей», голоса делят на дискант (тонкий), бас, альт (толстые). В ансамбле здесь может запеть и дискант и альт, но тонких голосов в артели всегда больше, потому что «толстым петь не умели», толстый (бас) — голос «ровный», он идет в пении за тонким (см. приложение, № 4, 7, 13, 24). В этом селе в недавнем прошлом ощущалось влияние церковного пения: в фактуре таких ансамблей было больше терцовой вторы и опоры на вертикальные созвучия; певцы, в свое время певшие в церкви «на крыльцах», интонировали высокими голосами ближе к академической манере. «На крыльцах» пели в церкви в прошлом и участники ансамбля с. Палатово Ульяновской обл., но на исполнение традиционных песен это решающего влияния не оказало. Ансамбль состоит здесь из трех нижних голосов («теноров») и одного верхнего («дискант»). При пении женщина, поющая верхним голосом, как и в других селах, сидела между двумя нижними голосами. Здесь пели «нараспев», «переливали голосом» (см. приложение, № 36). В с. Никифоровка, Старая и Новая Тепловка, Каменная Сарма Оренбургской обл. пели и в среднем регистре, и в нижнем, и с регистровым удвоением (см. приложение, № 37). Голоса здесь распределяются на голос и подголосок (верхние) и бас (низкие), причем запевает здесь нижний голос: «Мне нельзя голосом, я начинаю». Верхний голос подлаживается к басам, которых должно быть больше (один человек — «голос», два человека — «басы»), подголосник в ансамбле располагается между басами: намереваясь петь, женщины договариваются между собой: «Я бас, я буду начинать, а ты будешь тянуть вверх голосом».

«Рассказывают» песню нижние голоса (басы) и в мордовских селах (см. приложение, № 38, 40). В ансамбле также должно быть не менее трех человек (одни верхний голос, два нижних), причем поют женщины, как правило, в низкой тесситуре, доходя до *ре* малой октавы. Запевает песню здесь бас, а верхний голос «выносит» и «идет за басом», «тянет вверх»; если запевает песню верхний голос, то «она не идет»:



В ансамблях с верхним октавным подголоском, чтобы «был подъем, был вынос кверху», должен петь один «бас», два «альта», два «дисканта» (с. Лесное Чекалино); в соседнем селе Кивать — церковь, многие певцы пели «на крыльцах»; басом и тенором здесь называют как мужские, так и женские голоса: «Запевает в песне бас, за ним вступает тенор, а уже дискант — сам возьмется» (см. приложение, № 5, 9, 32). В с. Аксаур Ульяновской обл. пели также с регистровым удвоением голосов, но в наш приезд не нашли певицы, которая могла бы исполнить этот подголосок, а нам объяснили, что в «артели должно быть четыре — десять голосов, одна из певиц должна петь подголосок», а в их ансамбле все голоса «вторые — не очень тонкие и не очень толстые» (две женщины пели верхнюю партию, а три — нижнюю).

Интересные ансамбли собирались в с. Карачевка и Топоровка зимой 1975 года. На запись песен приходило человек по двадцать пожилых женщин (причем приглашали еще не всех певиц, и те, узнав, что собирались петь без них, были очень обижены). Ансамбли пели с октавным удвоением: нижние голоса пели в гетерофонной фактуре, а верхние голоса полностью повторяли звучание октавой выше. Постепенно, начиная песню в общем диапазоне *ля* малой октавы — *соль* второй октавы, певцы повышали с каждой строфой и наконец, повысив на кварту-квинту верхние подголоски, переходили на средний регистр (в первую октаву), а нижние голоса подстраивались к ним в октаву снизу (становились нижними октавными подголосками), после чего певцы, продолжая петь, опять начинали «повышать» (см. приложение, № 9, 5, 17). Песни здесь заканчивались, как правило (в испол-

нении одних женщин), на унисоне, звучащем в три октавы (*ми* малой, первой и второй октав). В русских селах Среднего Поволжья традиционные ансамбли используют несколько типов многоголосия.

Для них характерны:

а) гетерофонный стиль, в котором голоса представляют варианты одной мелодии и имеют одну звуковую шкалу (в этом стиле исполняются, как правило, хороводные игровые и свадебные песни);

б) сочетание гетерофонного стиля с поздним двухголосием. При этом мелодия звучит то в одном голосе (например, верхнем), то в другом, с мелодией сочетается терцовая втора, эпизодически прерываемая квинтовыми и квартовыми созвучиями;

в) темброво-контрастное функциональное двухголосие, где ведущей является партия нижнего голоса, основанная на повторении квартовой или квинтовой мелодической ячейки. В партии верхнего голоса движение в объеме терции (IV—VI). Этот тип многоголосия характерен для уличных песен;

г) более поздний тип многоголосия, при котором партия верхнего голоса контрастна по отношению к нижним голосам, отличается от них звуковой шкалой и поется, по определению исполнителей, «на вынос». Свойствен песням, исполняемым во время семейных торжеств;

д) многоголосие с регистровым удвоением одной или нескольких партий «гетерофонного пучка». Свойственно песням разных жанров;

е) многоголосие с элементами диафонии — двухголосия с косвенным движением голосов, в котором нижняя или верхняя партия повторяется на каждый остинатный звук (*23*, с. 5—13).

В заключение необходимо кратко охарактеризовать песенное многоголосие других народов Поволжья. Назовем два основных типа мордовского многоголосия: для календарных и свадебных обрядовых песен характерна гетерофония с эпизодическими отклонениями от унисона (*13*, с. 135—148), причем мордовские певцы используют, как правило, более низкую тесситуру, чем русские.

Протяжным песням, а также ряду русских свадебных и хороводных песен, исполняющихся в мордовских селах, свойствен стиль традиционной трехголосной хоровой полифонии, в котором решающую роль играет бурдонное звучание верхних и нижних голосов, связанных с песенным напевом, причем мелодическое движение всех трех голосов развивается в пятиступенном ангемитонном ладу двух, приводимых выше, основных видов (см. пример 23 а, б).

Для многоголосия удмуртских песен характерна как гетерофония, с эпизодическим ответвлением голосов от унисона, так и более развитое многоголосие с самостоятельным движением голосов, а в более поздних песнях также с опорой на гармонические созвучия. Особенностью многоголосия удмуртских песен является постепенное наслоение фактуры при каждой новой строфе песни.

При ансамблевом пении верховых чувашей нередко образуется двухрегистровая фактура (на протяжении всей песни мелодия дублируется в октаву). Для многоголосия низовых чувашей обычен за-

чин с подхватом, двух-трехголосие терцового типа, гетерофония. Известно, что для татар-мусульман характерно монодийное пение, в традиции татар-кряшен гетерофонный стиль фактуры. Интересна особенность башкирской песенной традиции, восходящая к единой монгольской общности,— горловое пение «узляу», когда один человек (как правило, мужчина) одновременно извлекает голосом два звука. Пение женщин в татарских и чувашских селах часто отличается более высокой тесситурой.

§ 6. Специфические приемы исполнения и особенности местного диалекта

Большое значение для специфики исполнительского стиля, как правило, имеют исторические, географические, бытовые условия жизни народа, его язык. Говор основной массы русских сел является окающим (см.: *26*) и принадлежит к владимирско-поволжской группе восточных среднерусских говоров, характеризующихся прежде всего своей неоднородностью. К отличительным чертам этого говора, присущим сельскому населению Среднего Поволжья и Приуралья, относятся такие, как: распространение названий ягод, образованных с суффиксом «-иг-» («землянига», «клубнига»); стяжение гласных в сочетании «айе-», «-ейе» («знат», «умет» — Поволжье, горьковские говоры); произношение «у» в соответствии «о» во втором предударном слоге в начале слова («утопри́», «угурцы́» — Посвияжье, Горьковская обл., Присурье). Неоднородность местных говоров выражается в соединении элементов северных и южных русских говоров и влиянии на русский язык говоров местных народов. Так, в системе гласных волжских говоров встречается редуцирование гласных в безударном положении, «оканье», «аканье», «яканье», «иканье», «ёканье»: кочоток, билорозовы, зиляное, пиреход (переход), дарогих гостей, уговаривыл, логовину, павёла ёво (повела его), наплакыны глаза, сокылу, взять-то миня не вызил (не взял), в лясу, вясна, вёсна, бувають, живоронки, слёпы, сёстра, робята, запявают, идут чирядом, симеро (семеро), питэра (пятеро), симь (семь), бий (бей), деректор, некто (никто).

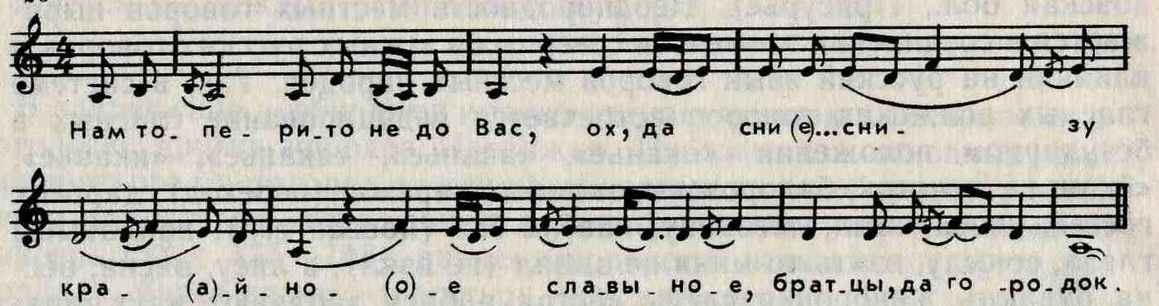
Пеструю картину в Поволжье представляет собой и произношение согласных. В ряде сел, разбросанных по всей территории, наблюдается цоканье, характерное для мещерских говоров (русские села Теньгушевского р-на МАССР, Кадомского р-на Рязанской обл., Починковского р-на Горьковской обл., Больше-Березниковского р-на МАССР и др.). В говорах эрзя-мордовских сел, расположенных чересполосно с русскими, встречается произношение «ц» вместо «ч»: пецька — печка (Ст. и Новая Тёпловка Оренбургской обл.), «цяво садик посох, цяво садик повял»; произношение «ть» вместо «ц»: «тьёковт тьёкордыть» (цвект цёкордыть) — «соловей поет» (с. Оркино Петровского р-на Саратовской обл.); в русских и татарских селах в произношении русских слов, как и в ряде башкирских сел, встречается смягчение шипящего «ч» (как на рещьке, обрущаются, пла-

тощек), произнесение вместо «ц» и «ч» — «с» (девиса, серса — сердце, серемуха); то же наблюдается в русских селах Мамадышского р-на Татарской АССР; произнесение «с» вместо «ш» присуще эрзянским селам Лукояновского р-на Горьковской обл.: Ванюсенька, Сясенька. Повсеместно в русских селах Среднего Поволжья и Приуралья распространено твердое произношение шипящих согласных: шшука (щука), дожжа (дождя), шши (щи), ешшо (еще); в р-не Сергача в бассейне р. Пьяны встречается произношение на месте согласного «д» звукосочетания «дз»: д(з)ерево, д(з)ержи, д(з)ядя, а в селах южнорусских переселенцев и украинцев распространено придыхательное «г»: мох (мог), ихрунья (игрунья). Такое разнообразие диалектов придает пению своеобразную окраску, создает необходимость в применении строгослоговых форм мелодики, разговорной манеры в пении.

Окающий говор делает манеру пения несколько прикрытой, акающий, якающий говор, наоборот,— более открытой, но при этом в одних селах с тем и другим говором может сохраняться мягкость звукоизвлечения, в других подача звука может быть более резкой. Звонким и полетным становится пение при использовании «тонкими голосами» головного регистра (в ансамблях с двух-трехрегистровой фактурой).

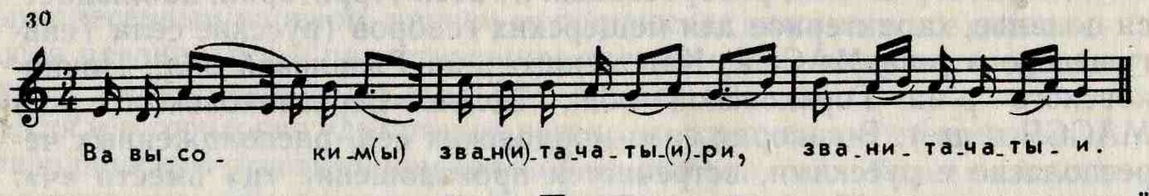
Мелодика, связанная с местным произношением, песенным стихом, вращаясь подчас вокруг квинты лада, даже имея широкие интонационные ходы, приобретает речитационный склад:

29



Речитационное начало усиливается благодаря частому повторению вставных гласных и слогов. Песенная мелодия при этом теряет размах и приобретает некоторую скованность:

30



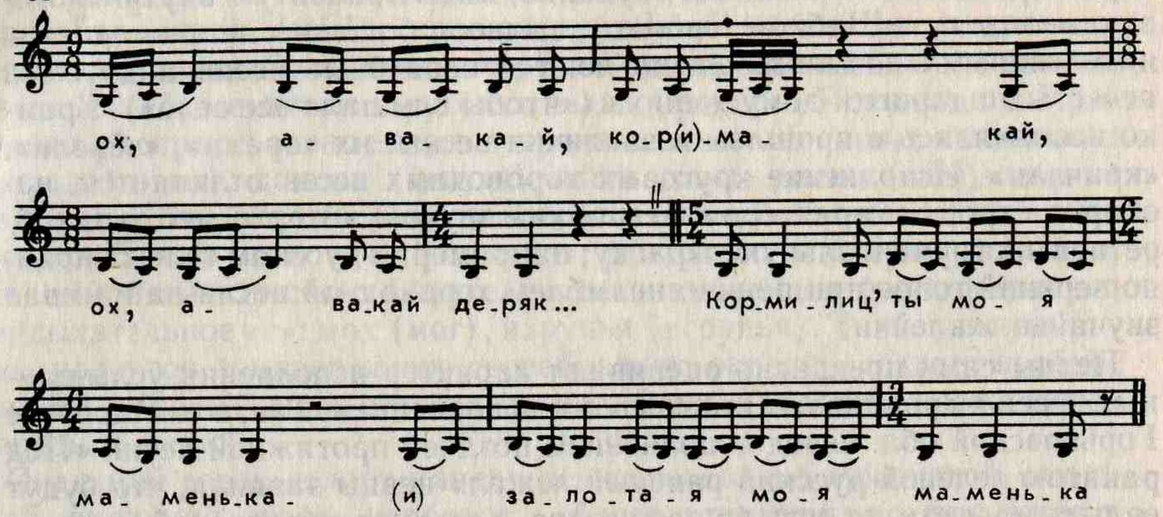
Характер исполнения песен в Поволжье часто зависит и от условий исполнения, и от составов самих коллективов, и от жанровой принадлежности песен. Протяжные песни мужской традиции поются часто в экспрессивной манере с постоянными спадами, скатами, скольжениями, глиссандо (см. приложение, № 37, 41). Песни, связанные с женской традицией исполнения, в помещении, во время черних работ, поются мягко, спокойно, имеют развитую внутрислоговую мелодику. «Шибко» (громко), зычно, с большим напряжением и интенсивным «посылом» звука поются свадебные песни подругами невесты по дороге к дому жениха («чтобы слышало все село»). Громко исполнялись в прошлом и заклички весны: их «орали», «зёвали», «кричали». Исполнение круговых хороводных песен отличается, наоборот, строгим характером, негромким звуком, который часто приобретает инструментальную окраску; например, в русском селе Бояркино верхний голос при пении ансамблем хороводной песни напоминал звучание жалейки.

Певцы сами прекрасно оценивают характер исполнения услышанных песен и сравнивают его со своим исполнением. Так, в с. Маресево Горьковской обл. перед исполнением поздней протяжной песни «Под ракитою зеленой русский раненый лежал» певцы заявили, что будут ее петь «резко», то есть во весь голос. Услышав московский вариант протяжной песни «Не орел ли с лебедем купаются», они заявили, что песня там пелась как духовный стих, а у них поется по-другому. Оказалось, что их вариант имел характер солдатской походной песни.

Певческая манера финно-угорских и тюрко-татарских народов также зависит от местного говора и условий бытования исполняемых песен. Так, специфическим обрядовым тембром исполняются весенние мордовские песни, в экспрессивной манере — весенние песни татар-кряшен, ровно и мягко звучат мордовские песни эпического склада, ярким, несколько напряженным звуком интонируются мордовские лирические песни. Некоторые певицы мордовских сел имеют индивидуальную исполнительскую манеру (в которой поют песни большинства жанров), заключающуюся во владении своеобразным сочным, густым, несколько напряженным тембром с постоянным использованием приемов глиссандо, скатов, скольжений. К индивидуальным особенностям исполнительства принадлежит и владение отдельными певицами песенной традицией не только на родном языке, но и на языках соседних народов: часто русские певицы, родившиеся в мордовском селе, одинаково умело поют песни и причитания на русском и мордовском языках. Причем, причитая в импровизационной манере с сохранением структурных особенностей напева и текста того и другого народа, они используют любую тематику, например, рассказывают о своей жизни. Мордовские певицы, живущие в окружении русских и чувашей, могут исполнять традиционные песни и причитания всех трех народов, пользуясь при этом одной лексикой, в которую входят не только компоненты поэтического языка, но и музыкально-ритмические структуры, мелодические ячейки, ладовые конструкции[70]:

[70] К. Е. Живайкина (р. 1910, с. Коноваловка Борского р-на Куйбышевской обл.) в 1977 г. наряду с песнями других жанров пела целый вечер по нашей просьбе плач невесты на вечорках, переходя с русского языка на мордовский и наоборот, рассказывала в нем о своей жизни. А. М. Ятнова (р. 1901, уроженка с. Шемурша) в 1986 г. спела около ста русских, мордовских, чувашских песен, рассказала о традиционных обрядах сел Шемурша и Алтышево Алатырского р-на Чувашской АССР, где живет много лет, и соседних с ними сел.

31



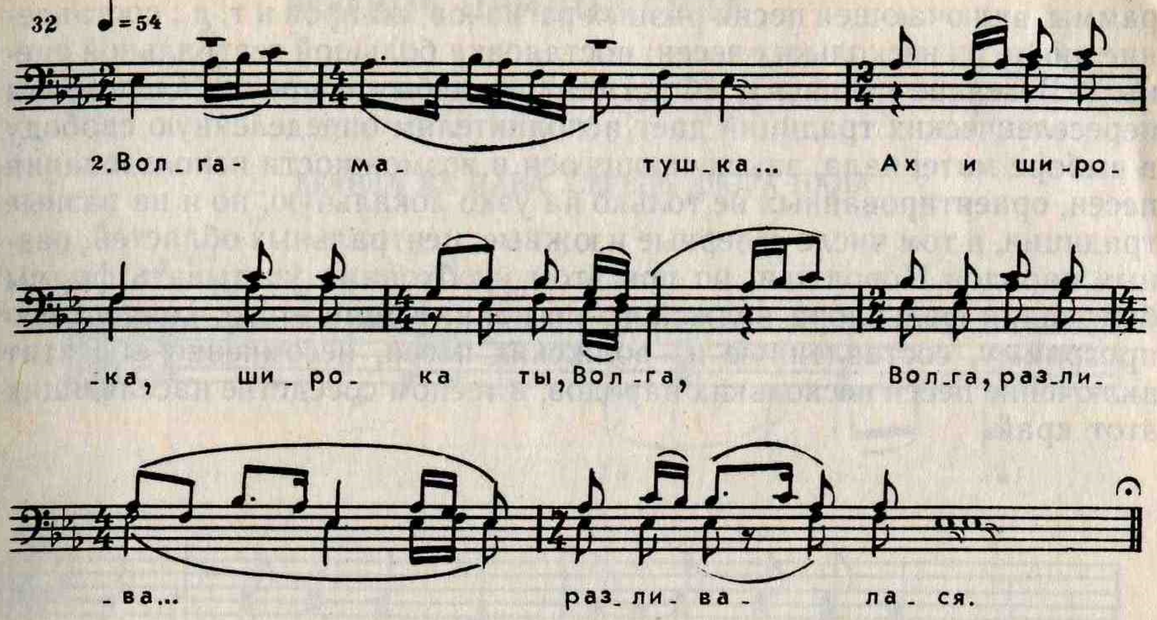
Мордовские певицы пользуются более грудным сочным звуком, чем русские, тогда как в чувашских, татарских селах, наоборот, поют острее, используя больше головное звучание, благодаря чему создается ощущение очень высокого, тонкого звука. Г. Тукай так описывал пение татар: «В пении и напевании нашего народа, как мне кажется, есть что-то лично ему свойственное. У нас совершенно не принято петь с предельным напряжением, широко открытым ртом, низким и грубым голосом. Приемлемым у нас считается мягкое пение, близкое к инструментальному звучанию, и узкое раскрытие рта во время пения. Для примера, оказавшись в положении глухого и глядя на губы поющего татарина, я бы не подумал, что он занят пением, а представил бы себе, что он о чем-то быстро-быстро говорит... Еще в медресе у меня осталось в памяти, как один завоевавший симпатии шакирдов певец распевал протяжные и короткие песни и при этом у него губы были раскрыты лишь в толщину картонки. Такое пение „в усы“ чрезвычайно подкупающе действовало на нас»[71].

Подытоживая сказанное о стилевых особенностях волжских песен, еще раз подчеркнем, что если в музыкально-поэтическом языке песен всех жанров наблюдаются общие закономерности, то способы исполнения зависят от жанров и условий бытования песен. Обратим внимание и на то, что не только языковые диалекты сел Среднего Поволжья, относящиеся к группе восточных среднерусских говоров, имеют общие черты с говорами Ивановской, Владимирской, Калининской, Московской областей. Общие черты обнаруживаются также в репертуаре и стилистике песен. Приводим два варианта протяжной песни «Ах ты, Волга-матушка» (Владимирская и Ульяновская обл.), наглядно иллюстрирующих родство стилевых черт песен[72]:

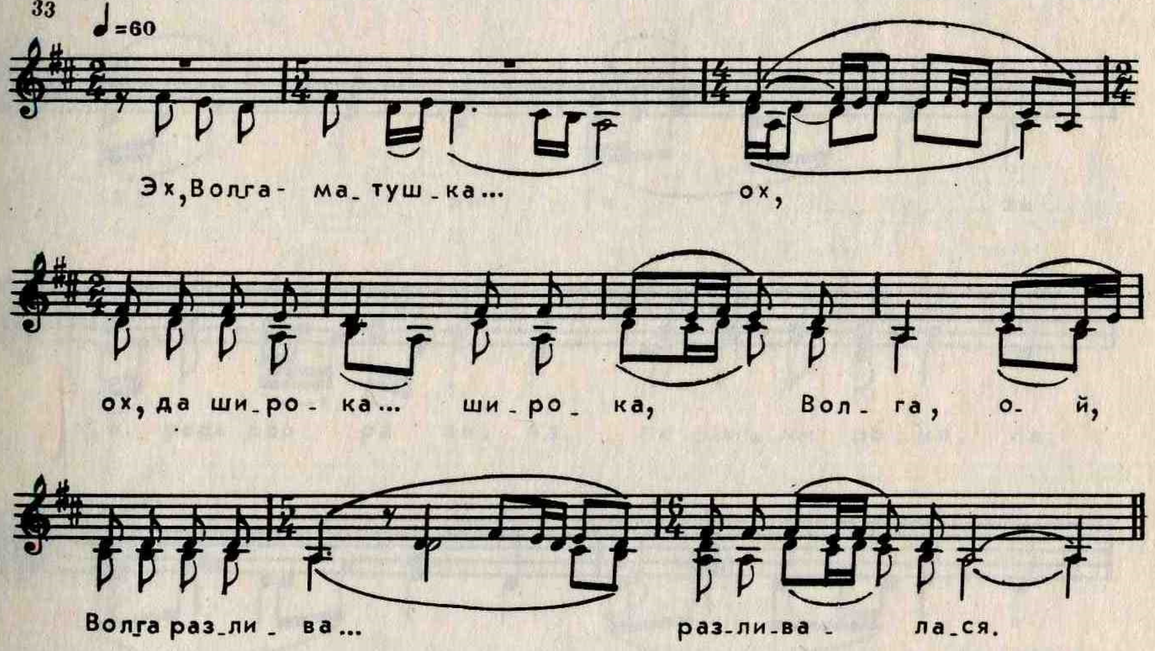
[71] Тукай Г. Народное творчество. Казань, 1948. С. 228—229. Цит. по: *1*, с. 5.

[72] Песни из сб. «Русские народные песни» (для чтения с листа в курсе сольфеджио/ Сост. Бромлей К. и Темерина Н. М., 1972), представляющие центральные области России, широко бытуют и в Поволжье. «Ах ты, Волга-матушка»— вариант Ульяновской обл., с. Старое Томышово Новоспасского р-на, пели В. С. Клейменов, И. В. Гнусарев, зап. и расш. Л. Куприянова, 1970 г. Вариант Владимирской обл., с. Понолутово Муромского р-на, пели А. И. Панкратова, Т. И. Гудкова, П. С. Софронова, зап. и расш. П. Эйдинова (Архив лаб. нар. муз. ГМПИ им. Гнесиных, папка 37, № 7).

32 ♩=54



33 ♩=60



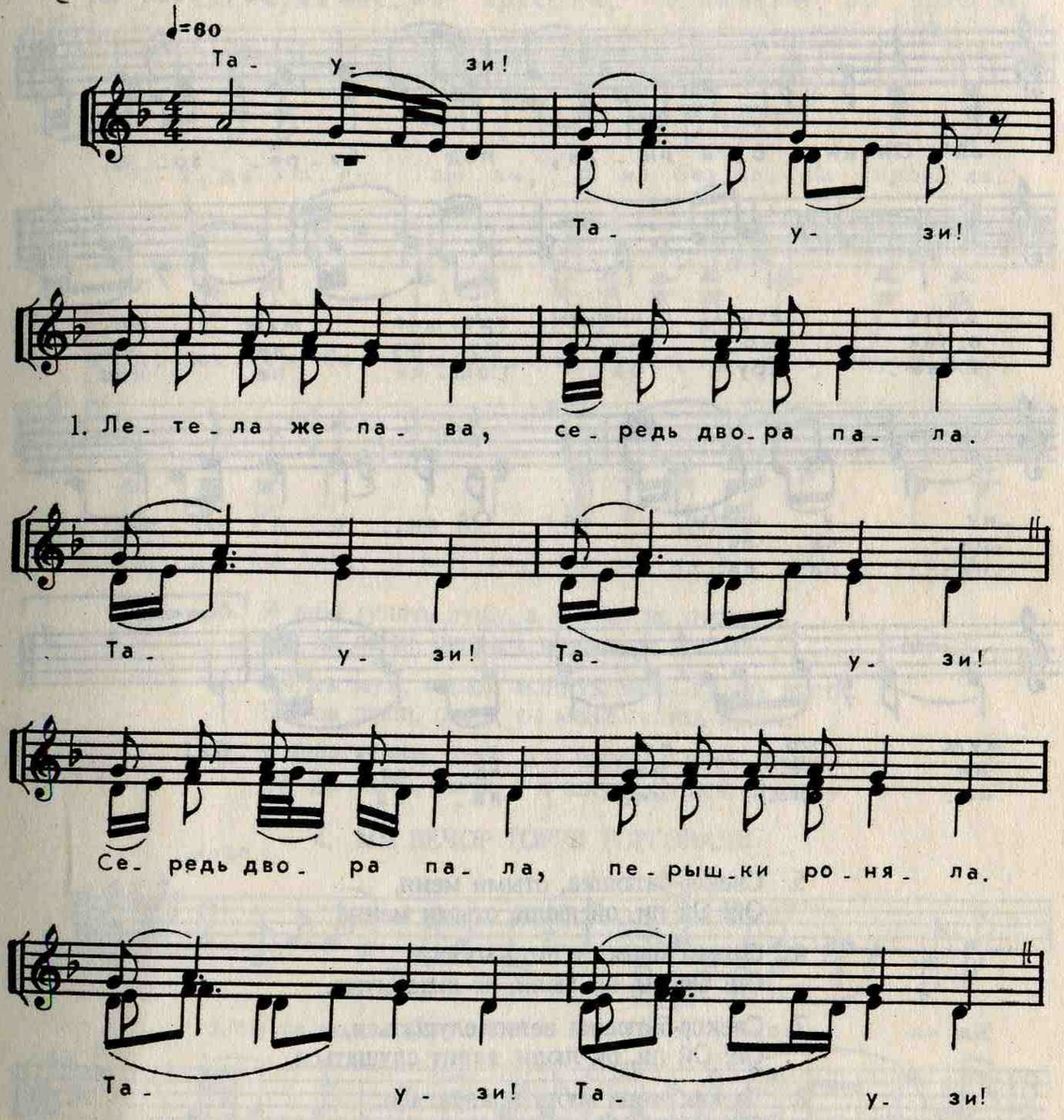
Таким образом, перед тем, как исполнить волжскую песню, необходимо выяснить ее предназначение, условия бытования, жанр, разобраться в ее музыкальных и поэтических особенностях, особенностях местного диалекта, и только после этого будет возможно правдиво и убедительно донести до слушателя смысл исполняемого произведения.

Вынося ту или иную песню на концертную эстраду, руководитель коллектива, как и певец-солист, должен хорошо представлять себе, наряду с жанровой спецификой, форму сценического претворения песни, постановочные задачи: исполнение отдельным номером прог-

раммы, включающей песни разных регионов, жанров и т. д.; составление цикла из нескольких песен; постановка большой театральной сцены («Весенние гулянья», «Фрагмент свадьбы» и проч.). Специфика переселенческих традиций дает исполнителям определенную свободу в выборе материала, заключающуюся в возможности использования песен, ориентированных не только на узко локальную, но и на разные традиции, в том числе северные и южные, центральных областей, разных народов Поволжья, но при этом необходимо учитывать формы бытования фольклора волжского региона. Кроме этого, концертную программу, составленную из волжских песен, несомненно обогатит включение песен нескольких народов, в тесном соседстве населяющих этот край.

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ЛЕТЕЛА ЖЕ ПАВА, СЕРЕДЬ ДВОРА ПАЛА



2. Середь двора пала,
Перышки роняла.
Таузи! Таузи!

3. Кому эти перышки?
Ванюшке-братцу.
Таузи! Таузи!

4. Зачем ему перышки?
В шапычку втыкати.
Таузи! Таузи!

5. В шапычку втыкати,
Шурьев обделяти.
Таузи! Таузи!

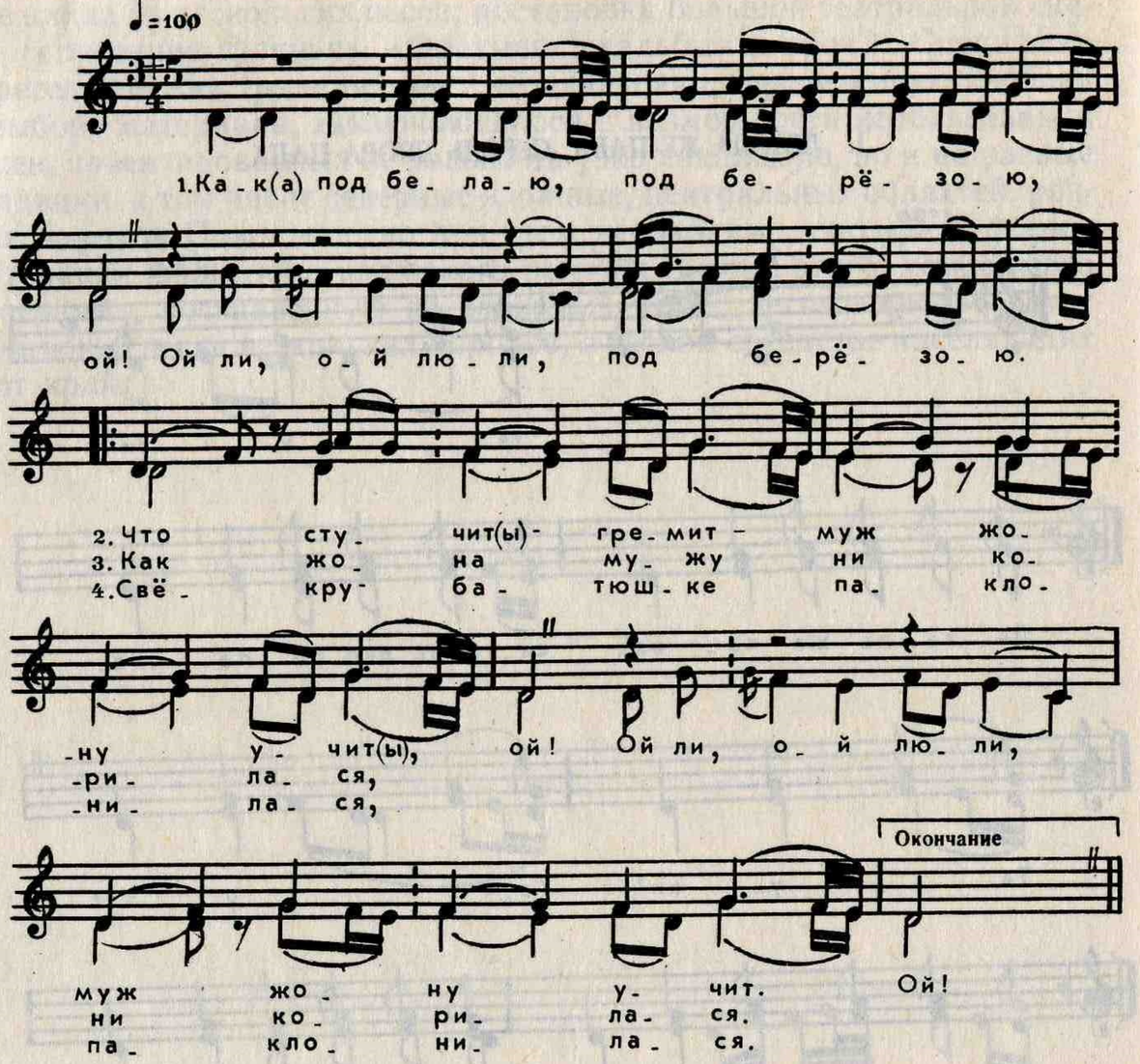
6. Шурья-то спесивы,
В избу-то не взойдут,
Таузи! Таузи!

7. В избу-то не взойдут,
Богу не помолются,
Таузи! Таузи!

8. За стол-то не сядут,
Ложку-то не возьмут,
Таузи! Таузи!

9. Ложку-то не возьмут,
Лапши-то не хлебнут,
Таузи! Таузи!

2. КАК ПОД БЕЛАЮ, ПОД БЕРЁЗОЮ



5. Свекор-батюшка, отыми меня,
Ой! Ой ли, ой люли, отыми меня.

6. Отыми меня от лиха мужа,
Ой! Ой ли, ой люли, от лиха мужа.

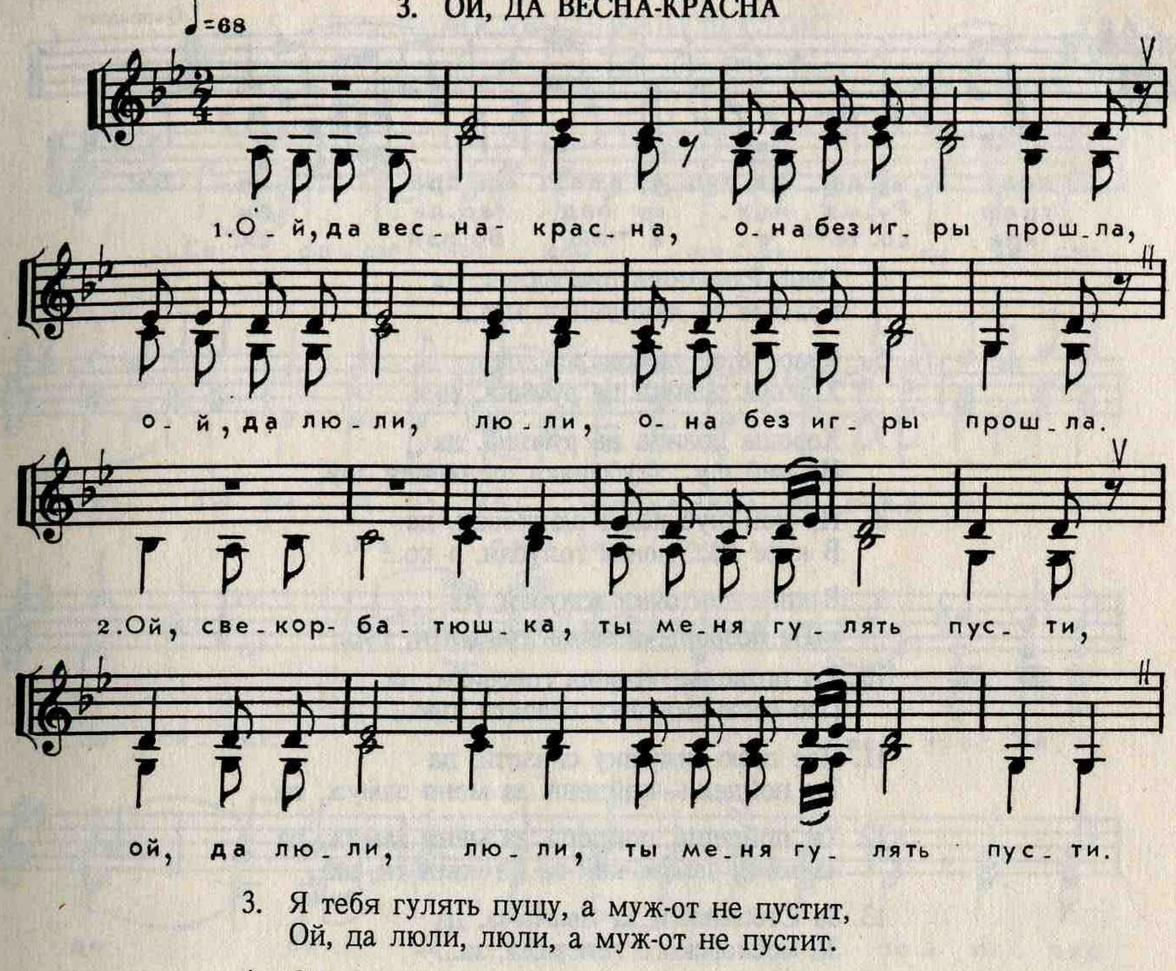
7. Свекор-батюшка велит слушаться,
Ой! Ой ли, ой люли, велит слушаться.

8. Да как жона мужу покорилася,
Ой! Ой ли, ой люли, покорилася.

9. Ему в ноженьки поклонилася,
Ой! Ой ли, ой люли, поклонилася.

10. Уж ты, милый мой, ты утешь меня,
Ой! Ой ли, ой люли, ты утешь меня. Ой!

3. ОЙ, ДА ВЕСНА-КРАСНА

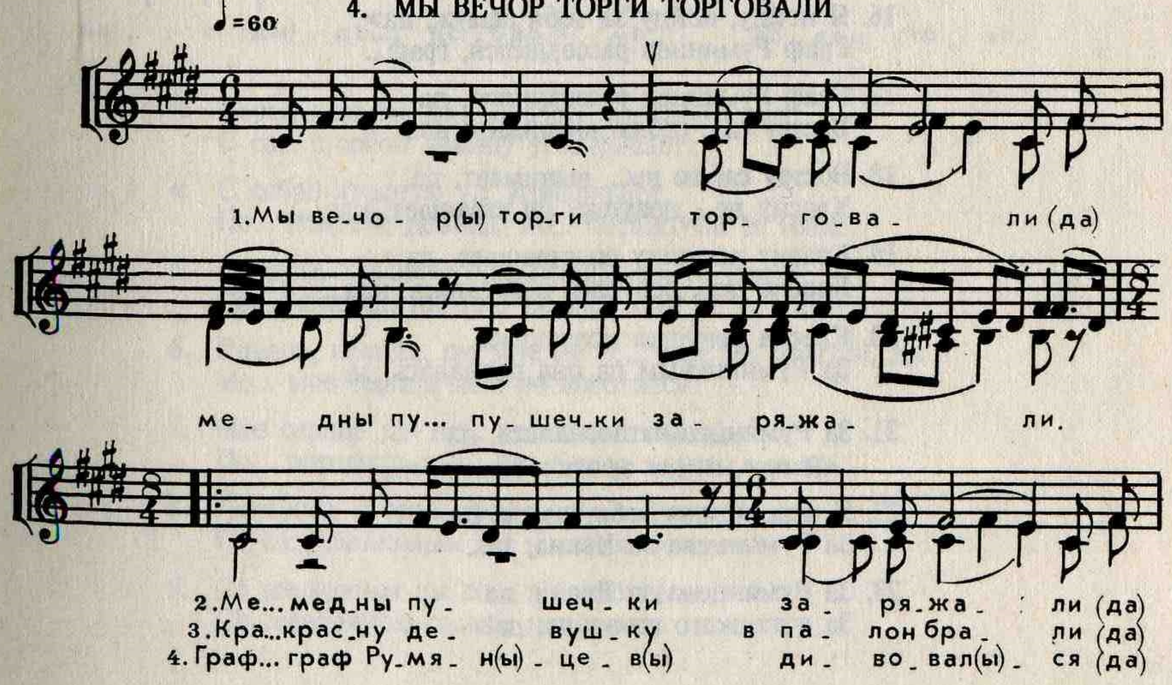


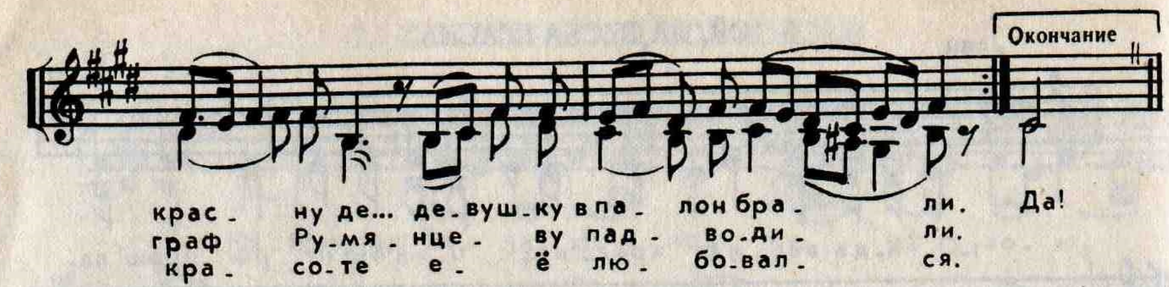
3. Я тебя гулять пущу, а муж-от не пустит,
Ой, да люли, люли, а муж-от не пустит.

4. Ой, ты муж, милой мой, ты меня гулять пусти,
Ой, да люли, люли, ты меня гулять пусти.

5. Я тебя гулять пущу, а я шкуру с плеч спущу,
Ой, да люли, люли, а я шкуру с плеч спущу.

4. МЫ ВЕЧОР ТОРГИ ТОРГОВАЛИ





5. Граф Румянцев дивовался, да
Красоте ее любовался, кра...

6. Красоте ее любовался, да
Хороша девица да румяна, хо...

7. Хороша девица да румяна, да
На ней шу... шубынька шелковая, шу...

8. На ней шубынька шелковая, да
В косе ле... лента голубая, в ко...

9. В косе ленточка голубая, да
«Ты позволь, позволь говорити, ты...

10. Ты позволь, позволь говорити, да
Про свою силушку сказати, про...

11. Про свою силушку сказати, да
Ты пойдешь, пойдешь за меня замуж, ты...

12. Ты пойдешь, пойдешь за меня замуж, да
За меня замуж как за Степана-ти, за...

13. За Степана-ти за Иваныча, да
За московского генерала, за...

14. За московского генерала, да».
Красна де... девица испугалася, кра...

15. Красна девица испугалася, да
«Я нейду, я нейду за тебя замуж, я...

16. Я нейду, нейду за тебя замуж, да».
Граф Румянцев рассердился, граф...

17. Граф Румянцев рассердился, да
Востру са... саблю вынимает, во...

18. Востру саблю вы... вынимает, да
Красну де... девушку он стращает, кра...

19. Красну девушку он стращает, да
Красна де... девушка испугалась, кра...

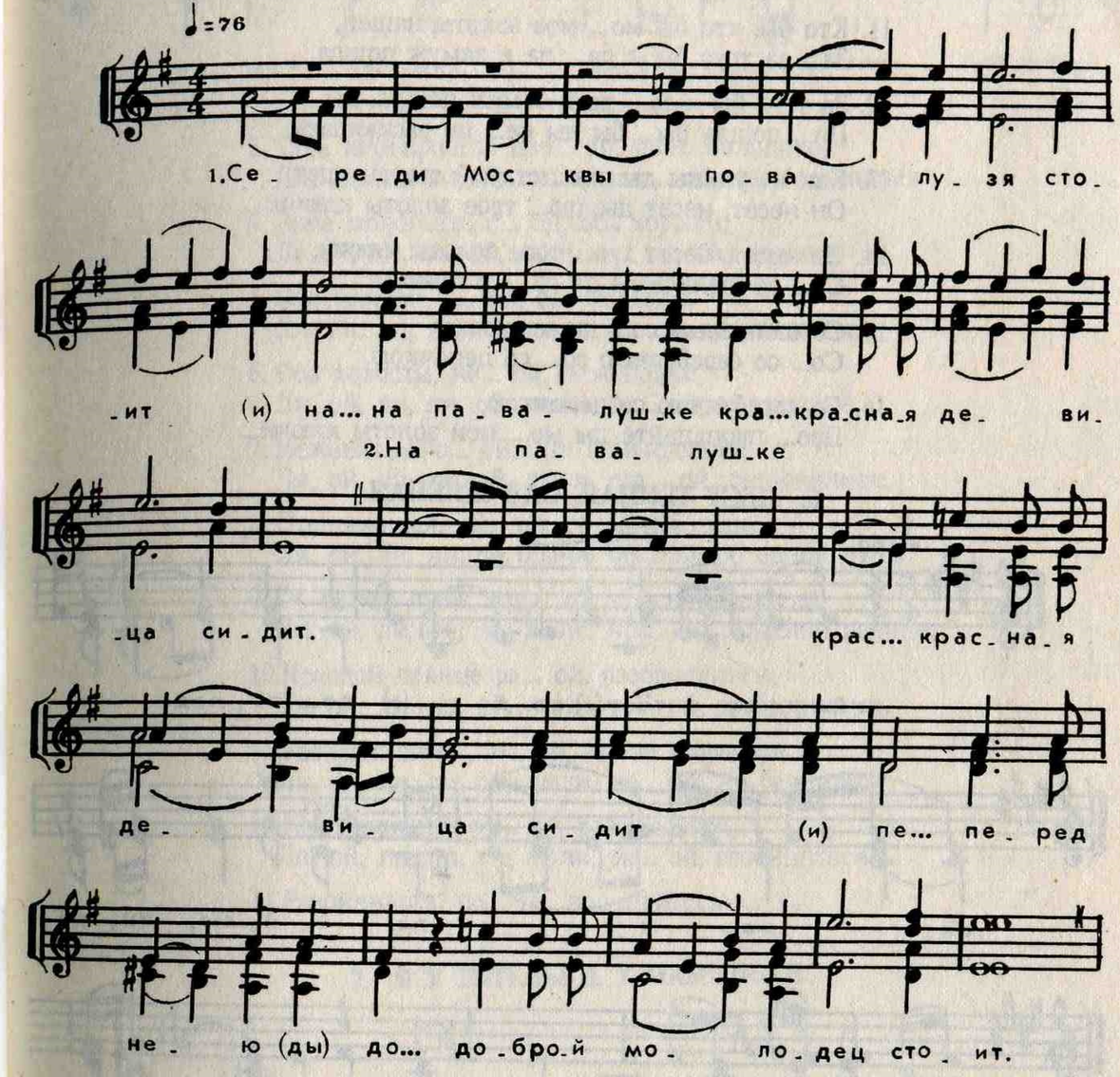
20. Красна девушка испугалась,
За Румянцевым да она погналась, за...

21. За Румянцевым погналась, да
«Я иду, я иду за тебя замуж, я...

22. Я иду, иду за тебя замуж, да
За Румянцева за Ивана, за...

23. За Румянцева за Ивана, да
За купецкого генерала, да!»

5. СЕРЕДИ МОСКВЫ ПОВАЛУЗЯ СТОИТ



3. Перед нею ды до... доброй молодец стоит.
С со... с собой девицу уговаривает.

4. С собой красную у... уговаривает,
По... пойдем, девица, по... потанцуем со мною.

5. Пойдем, красная, по... потанцуем со мною,
Пра... правда, ды мне не хо... мне не хочется.

6. Правда, правда, ды мне не хо... мне не хочется, ды
Мо... мое сердце не... не воротится.

7. Мое сердце ды не... не воротится, ды
По... потеряла я ды тро... трое золоты ключи.

8. Потеряла я тро... трое золоты ключи, э, ды
Со со... шелковым ды я... я со поясом.

9. Со шелковым ды со... я со поясом,
Со серебряною со... со цепочкою.

10. Со серебряною со... со цепочкою,
Уже кто бы, кто бы мое ключики нашел.

11. Кто бы, кто бы мо... мое золоты нашел,
За... за того бы я да... да я замуж пошла.

12. За того бы я за... да я замуж пошла, ды
По... пошла бы... бы ды не... не раскаялась.

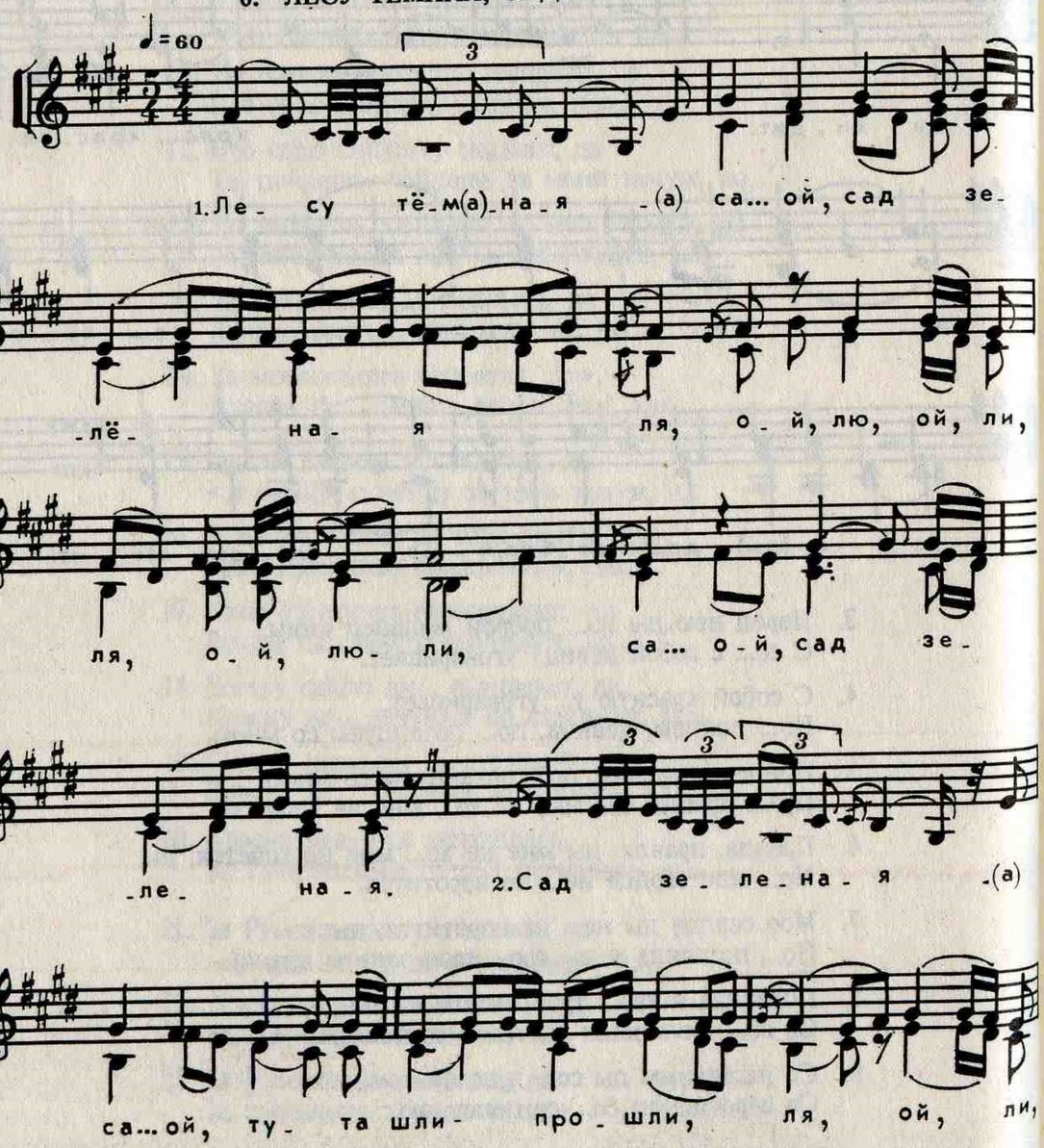
13. Как из улицы ды ста... старый старец идет,
Он несет, несет ды тро... трое золоты ключи.

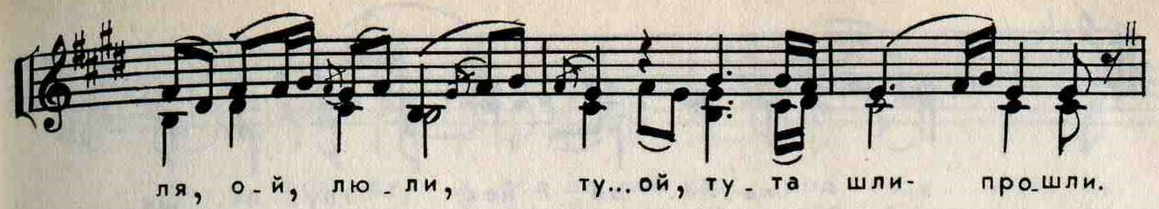
14. Он несет, несет тро... трое золоты ключи,
Со... со шелковым да со... со поясом.

15. Со шелковым со... да со поясом
Со... со серебряною со... со цепочкою.

16. Со серебряною со цепочкою,
Про... пропадайте ды мо... мои золоты ключи...

6. ЛЕСУ ТЁМНАЯ, САД ЗЕЛЁНАЯ





3. Тута шли-прошли дво... ой, двое молодцев,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, дво... ой, двое молодцев.

4. Двое молодцев, о... ой, оба хороши,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, о... ой, оба хороши.

5. Оба хороши, о... ой, оба холосты,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, о... ой, оба холосты.

6. Оба холосты, не... ой, неженатые,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, не... ой, неженатые.

7. Неженатые, о... ой, они шли-прошли,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, ста... ой, становилися.

8. Становилися, об... ой, об одной душе,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, об... ой, об одной душе.

9. Об одной душе, кра... ой, красной девице,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, кра... ой, красной девице.

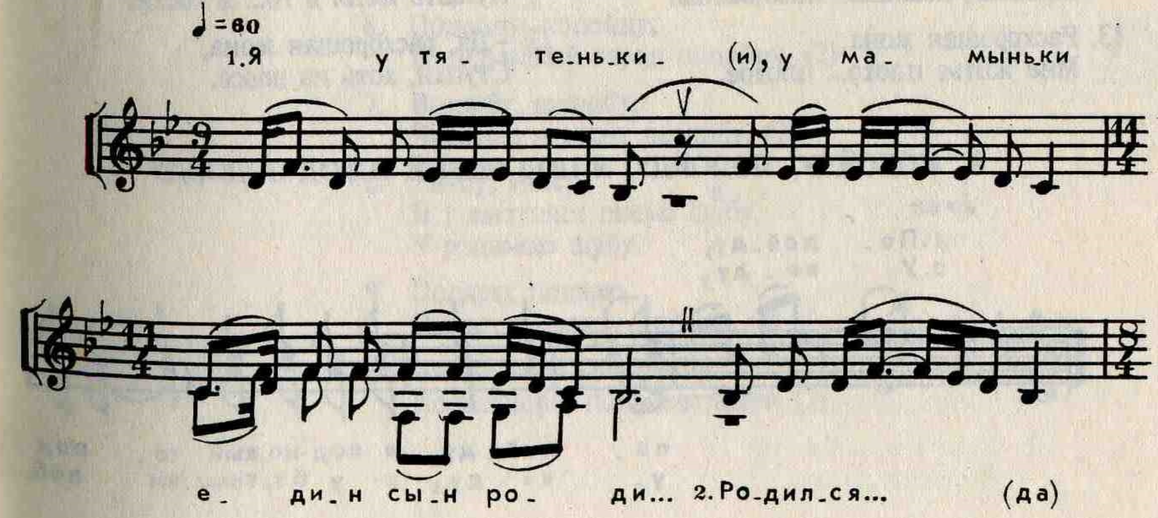
10. Красной девице ра... ой, разбронилися,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, ра... ой, разбронилися.

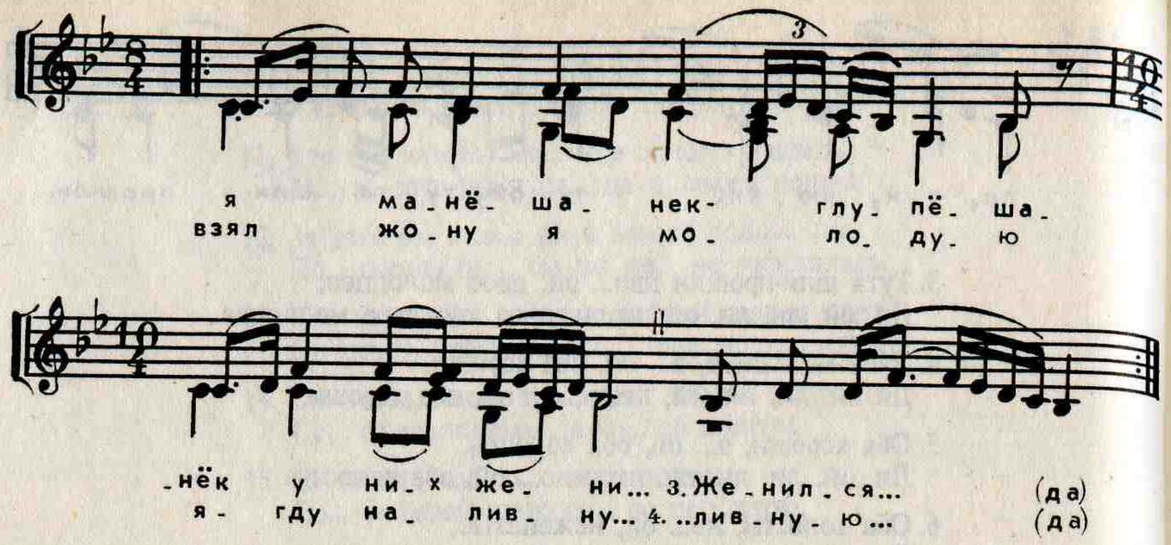
11. Разбронилися... вы, ой, вы не ссорьтеся,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, не... ой, не бранитеся.

12. Не бранитеся, ра... ой, разойдитеся,
Ля, ой, ли, ля, ой, люли, ра... ой, разойдитеся.

13. Разойдитеся, по... ой, поцелуйтеся.

7. Я У ТЯТЕНЬКИ, У МАМЫНЬКИ





4. Да зазвала ли жена мужа
Ко тещеньке в го... в гости.

5. Да довелося им идти,
Идти мимо ро... рощи.

6. Да привязала жена мужа
Ко белой бере... березе.

7. Да, я сама-то, разнегодна,
Пошла, загуля... гуляла.

8. Прогуляла, прокутила
Все восемь дене... денечков.

9. Да на девятом денечке
Жена стоскова... стосковалась.

10. Пойду, схожу к негодяю,
Схожу к лиходе... лиходею.

11. Да я спрошу ли негодяя
Про его здоро... здоровье.

12. Да ты здоров ли, негодяй,
Живешь, пожива... поживаешь.

13. Расхорошая жона,
Мне житье плохо... плохое.

14. Комарики-сударики
Ножки искуса... кусали.

15. Мне березовы сучочки
Бока простега... стегали.

16. Да соловушки головушку
Всею проби... пробили.

17. Да я спрошу ли негодяя,
Спрошу лиходе... лиходея:

18. – Да будешь ли поить меня квасом?
–Буду сыто... сытою,

19. Я сытою медяною,
Водой ключево... ключевою.

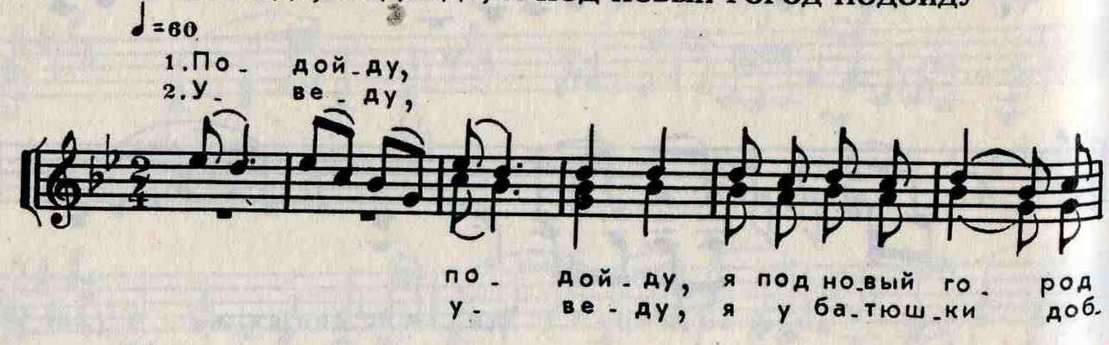
20. – Да еще будешь ли кормить,
Кормить меня хле... хлебом?

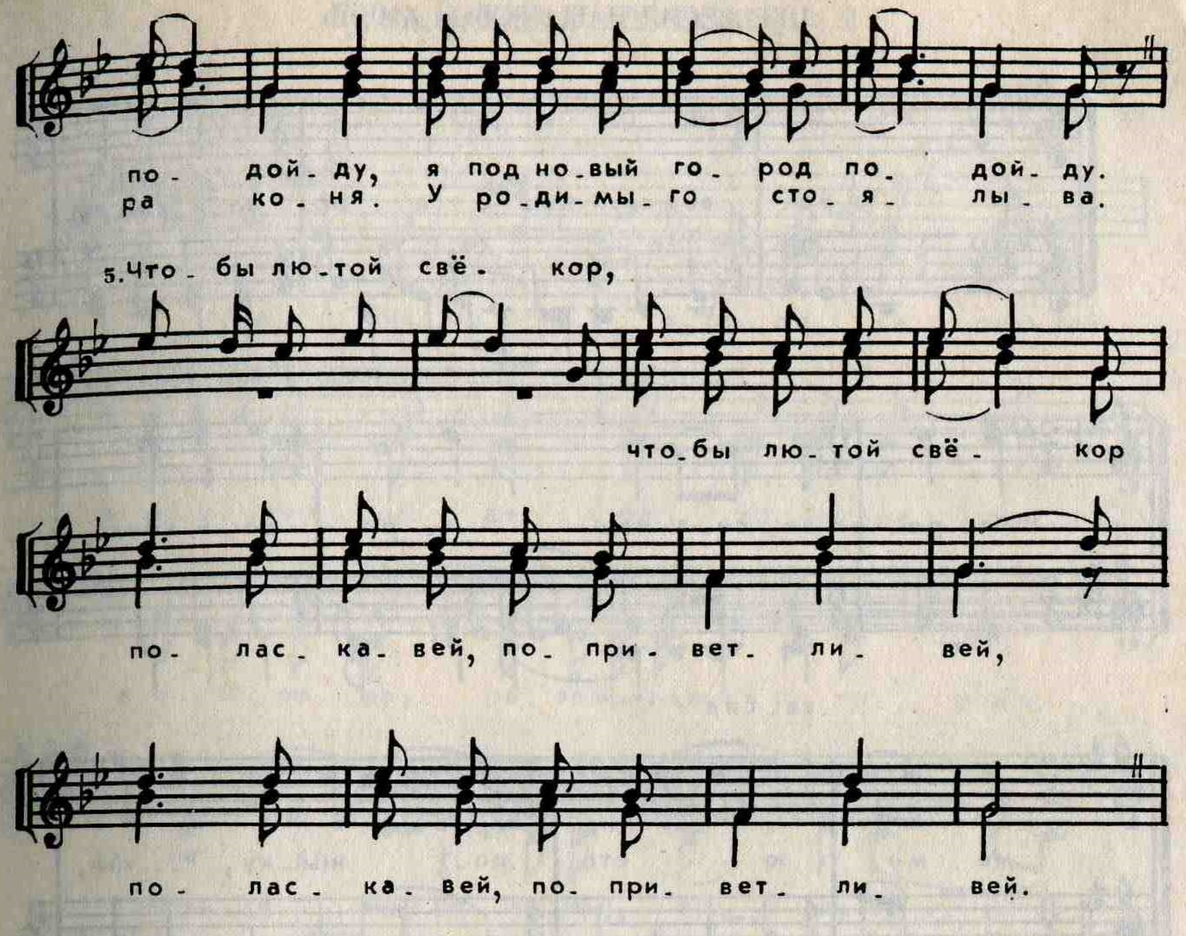
21. – Расхорошая жона,
Буду калача... калачами.

22. – Станешь еще ли, негодяй,
Пущать меня в го... в гости?

23. – Да, расхорошая жона,
Ступай, хоть на вовсе.

8. ПОДОЙДУ, ПОДОЙДУ, Я ПОД НОВЫЙ ГОРОД ПОДОЙДУ





3. Уведу, уведу,
Я у батюшки добра коня,
У родного стоялыго.

4. Подарю, подарю,
Я лютого свекра подарю. (2)

5. Чтобы лютой свекор, чтобы лютой свекор,
Поласковей, поприветливей. (2)

6. Пóдойду, пóдойду,
Я под новый город пóдойду. (2)

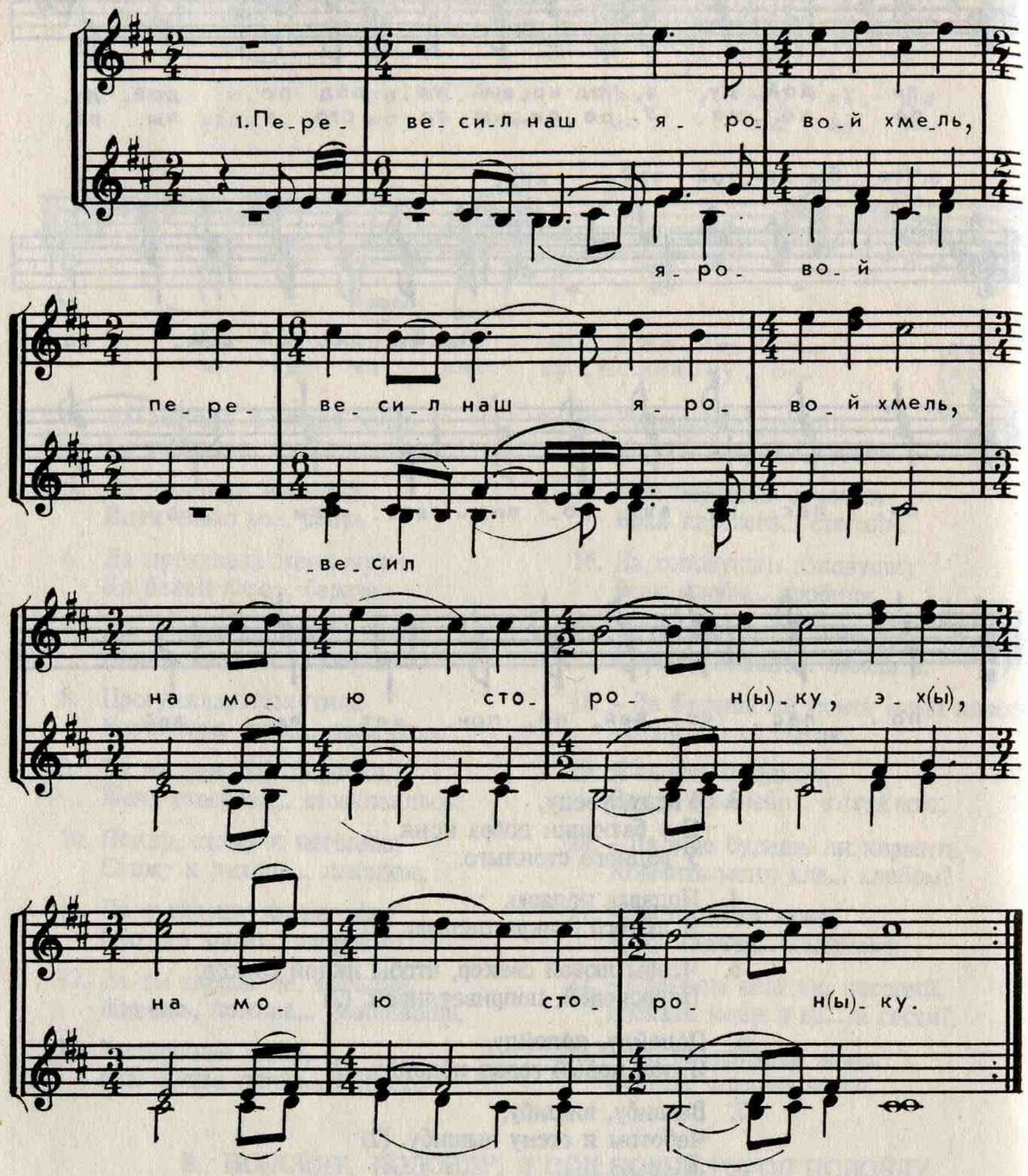
7. Вышибу, вишибу,
Чеботом я стену вышибу. (2)

8. Унесу, унесу,
Я у матушки лисью шубу,
У родимою шубу.

9. Подарю, подарю,
Я лютою свекру подарю. (2)

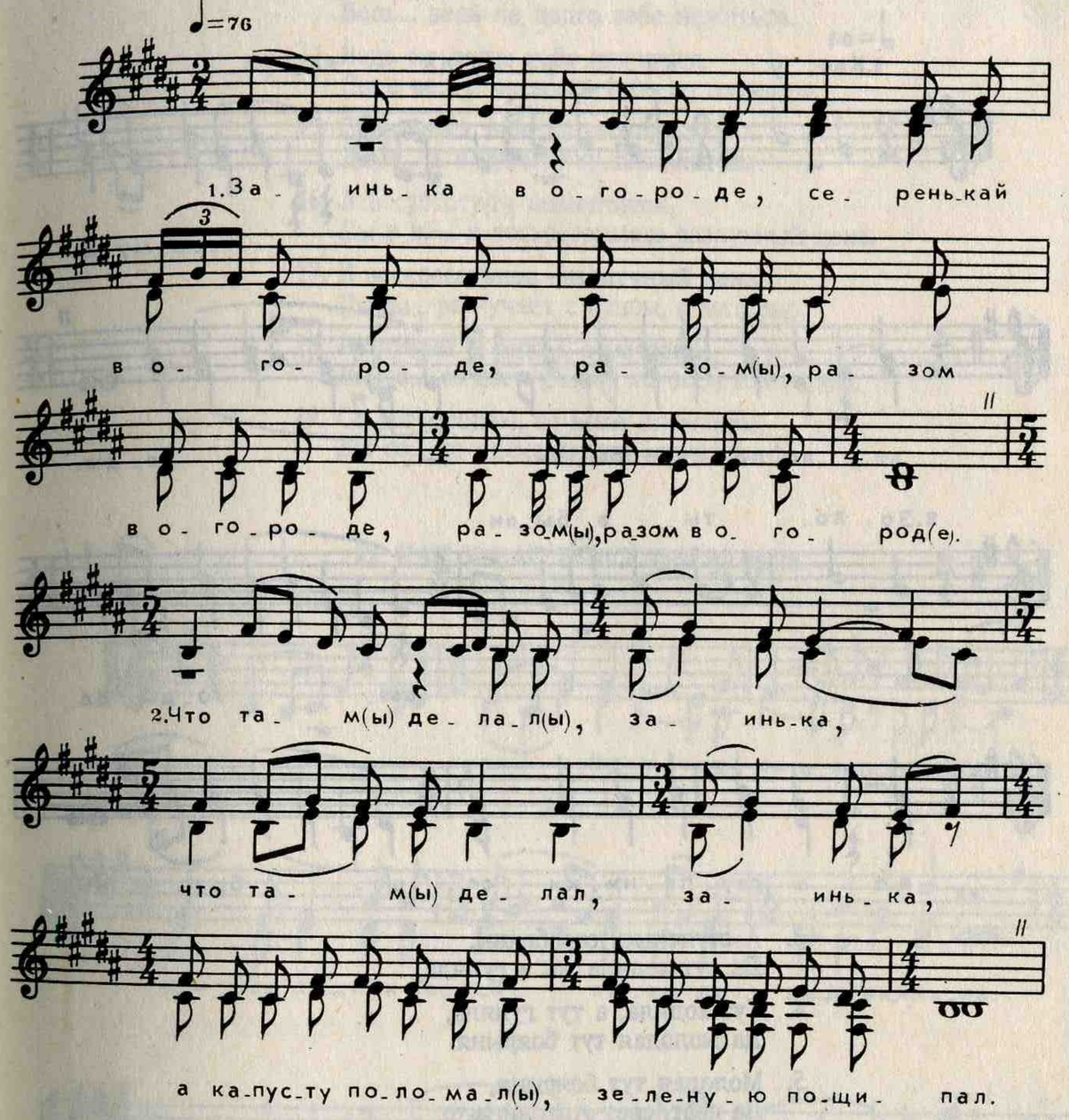
10. Чтобы люта свекровь, чтобы люта свекровь,
Поласкавей, поприветливей (2)

9. ПЕРЕВЕСИЛ НАШ ЯРОВОЙ ХМЕЛЬ



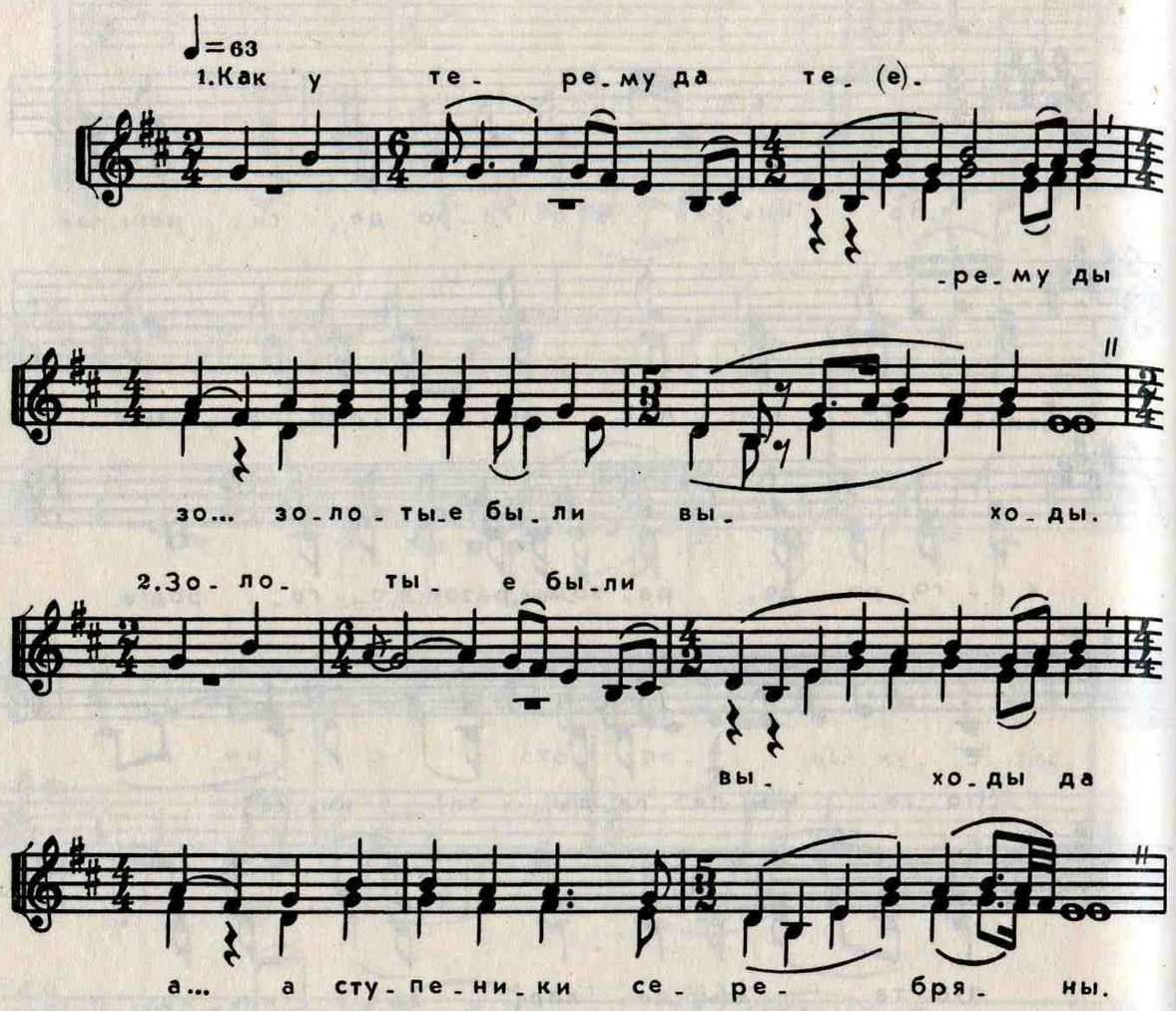
2. На моей сторонке (2)
Удача большая, (2)
3. Да удача большая, (2)
Серебрянны тайны. (2)
4. Серебрянны тайны, (2)
Венки золотые. (2)
5. Венки золотые, (2)
Маковки витые. (2)
6. Нащеплю я хмелю, (2)
Хмелю ярового. (2)
7. Созову ли, млада, гостя, (2)
Гостя дорогого. (2)
8. Гостя, гостя дорогого, (2)
Батюшку родного. (2)

10. ЗАИНЬКА В ОГОРОДЕ



3. – Кто тебя видел, заинька,
Кто тебя видел, серенькай?
–Две девицы, душа мой. (2)
4. – Чай, тебя били, заинька,
Чай, тебя били, серенькай?
– Били, били, барин мой,
Били, били, душа мой.
5. – Чем тебя били, заинька,
Чем тебя били, серенькай?
–По бокам – кулакам,
По затылку – рукавам.
6. – Ты б ушел, заинька,
Ты б ушел, серенькай,
–Темный лес далеко,
Чисто поле широко.
7. – Ты б, заинька, на горку,
Ты б, серенькай, на горку,
– На горке – иголки,
Будут меня колоть.

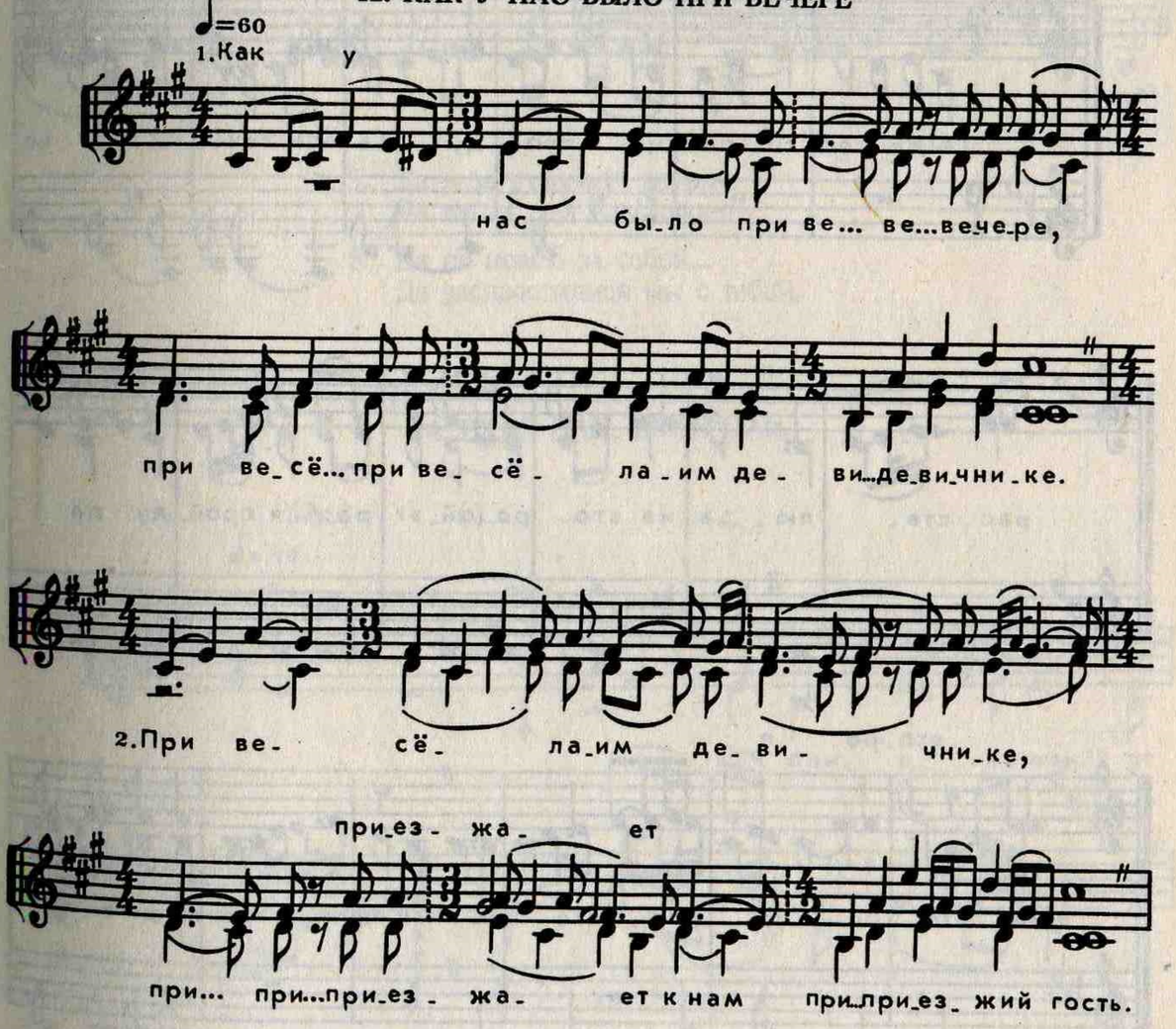
11. КАК У ТЕРЕМУ ДА ТЕРЕМУ



3. А ступеньки серебряны,
   Да тут ходила же и гуляла,
4. Тут ходила, а тут гуляла,
   Да молодая тут боярыня.
5. Молодая тут боярыня,
   Да свет, свет Антонина-то.
6. Антонина-то Ильинична
   Да подходила ко кроватушке.
7. Подходила ко кроватушке,
   Да подходила ко тесовою.
8. Подходила ко тесовою,
   Ды ра... распахнула шитай брань-полы.
9. Распахнула шитый брань-полы,
   Да за... залилась она заплакала.
10. Залилась она, заплакала,
    Ды во... во слезах-то слово молвила.
11. Во слезах-то слово молвила:
    «А ты спи-ка, мое дитятко,

12. А ты спи-ка, мое дитятко,
    Почивай-ка, дитя милое.
13. Почивай-ка, дитя милое,
    Ведь... ведь не долго тебе нежиться.
14. Ведь не долго тебе нежиться,
    Ды с че... с четверга тебе до пятницы.
15. С четверга тебе до пятницы,
    Ды а... а в субботу-ту девичничек.
16. А в субботу-ту девичничек,
    Ды в во... в воскресеньице разлучный день.
17. В воскресеньице – разлучный день,
    Ды ра... разлучает с отцом, с матерью.
18. Разлучает с отцом, с матерью,
    Ды со... со всем родом, со всем племенем.
19. Со всем родом, со всем племенем,
    Ды со... со любезными подружками».

12. КАК У НАС БЫЛО ПРИ ВЕЧЕРЕ



3. Приезжает к нам приезжий гость,
О... о... она вышла, го... гостя встретила.

4. Она вышла, гостя встретила,
Да... да... да брала его за правую руку.

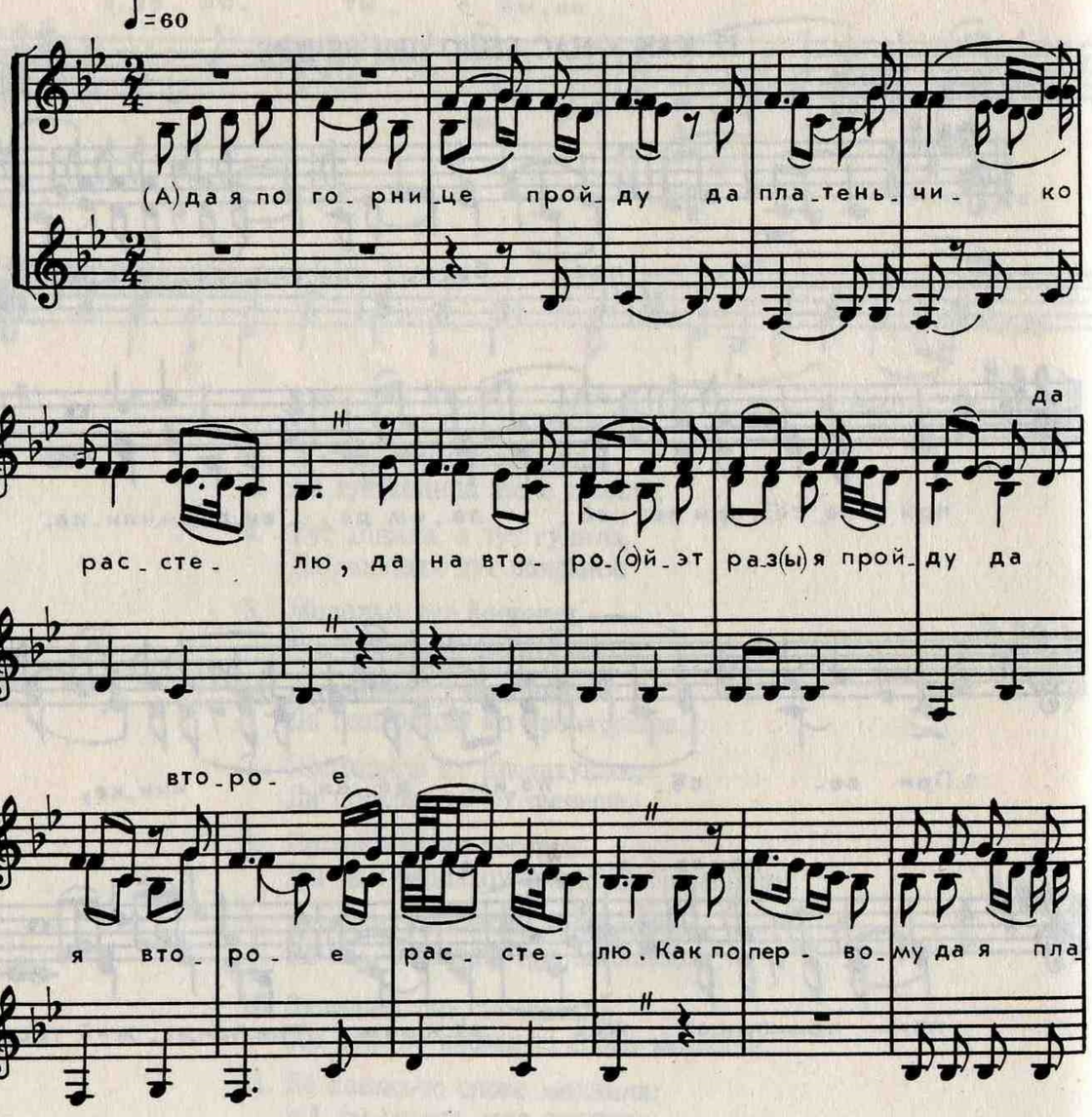
5. Да брала его за правую руку,
По... по... повела его во... во горницу.

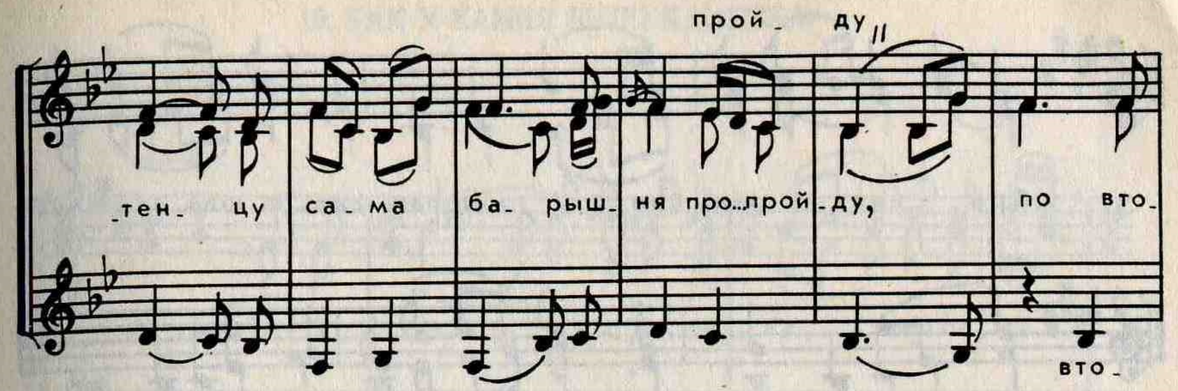
6. Повела его во горницу,
По... посадила за убраный новый стол.

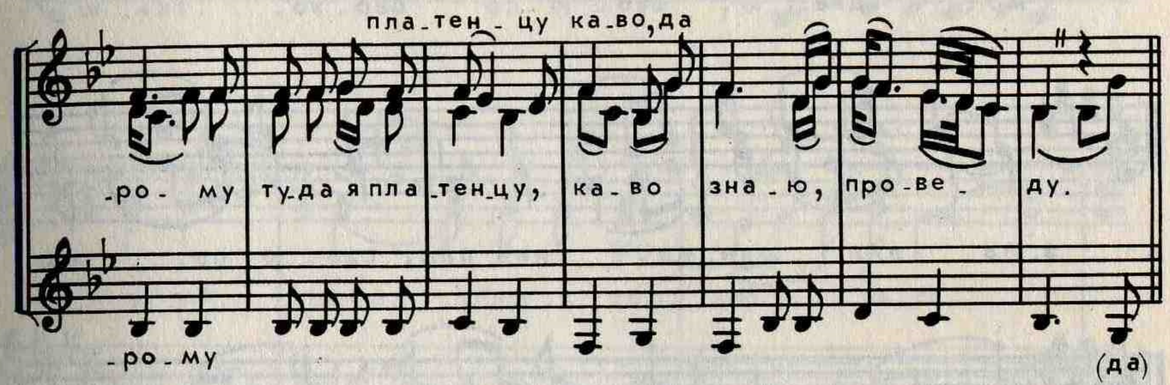
7. Посадила за убраный стол,
За... за убраный стол, за...за батюшкин.

8. За убраный стол за батюшкин,
За... за кушанье за... за матушкино.

13. ДА Я ПО ГОРНИЦЕ ПРОЙДУ



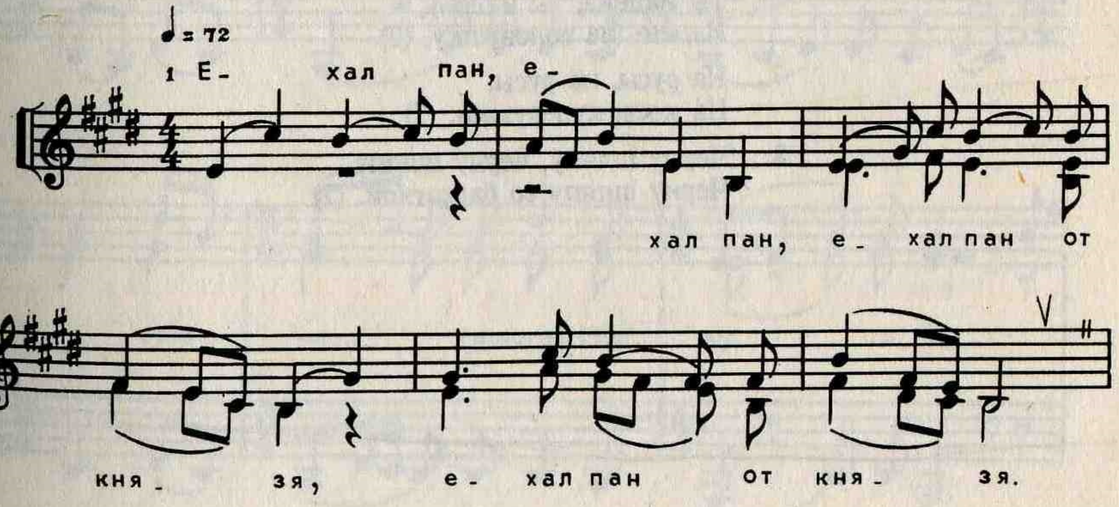


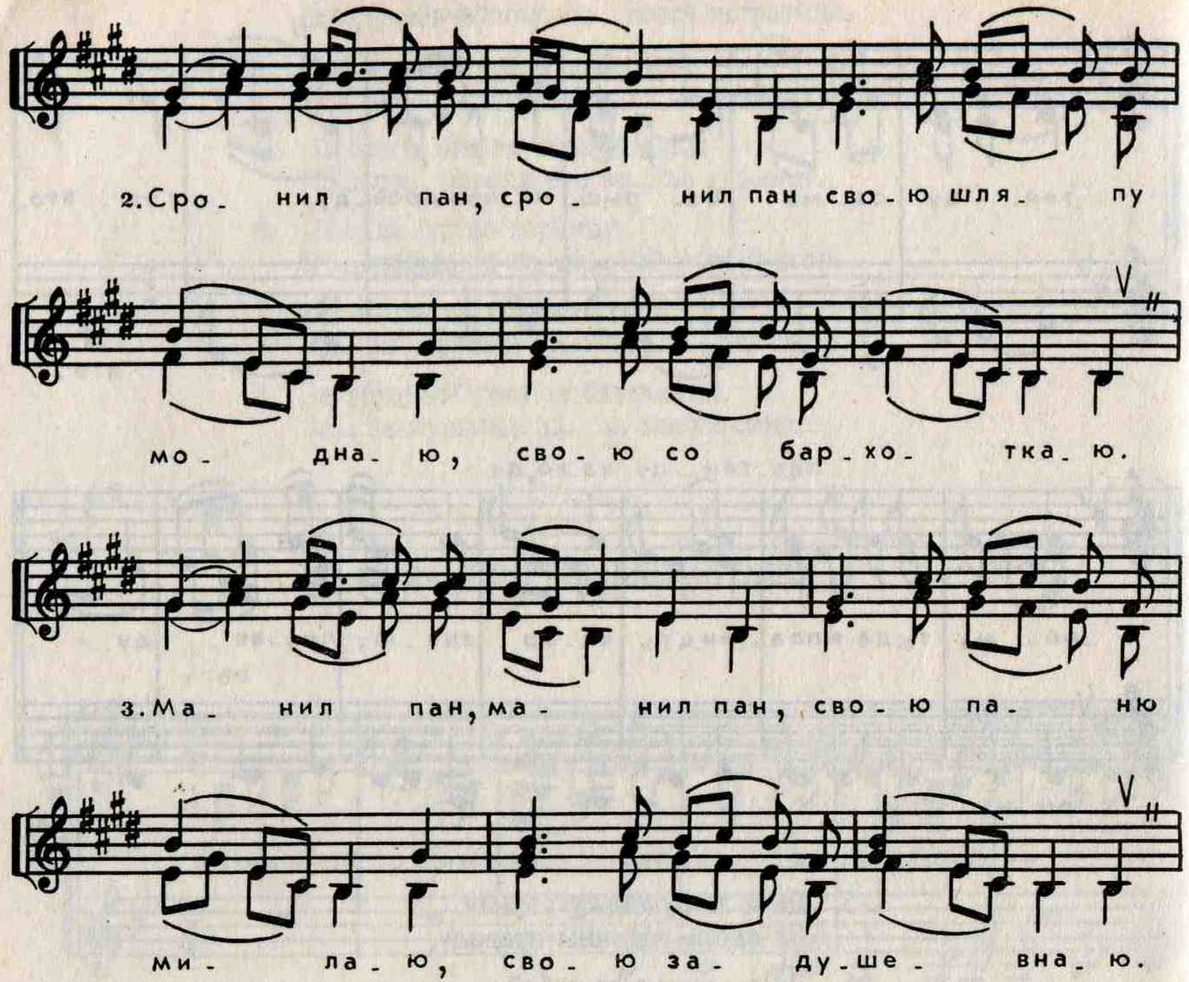


5. Да я за рученьку возьму,
Да вдоль горницы праведу,

6. Да по новою за собой...
Да распростилися мы с тобой.

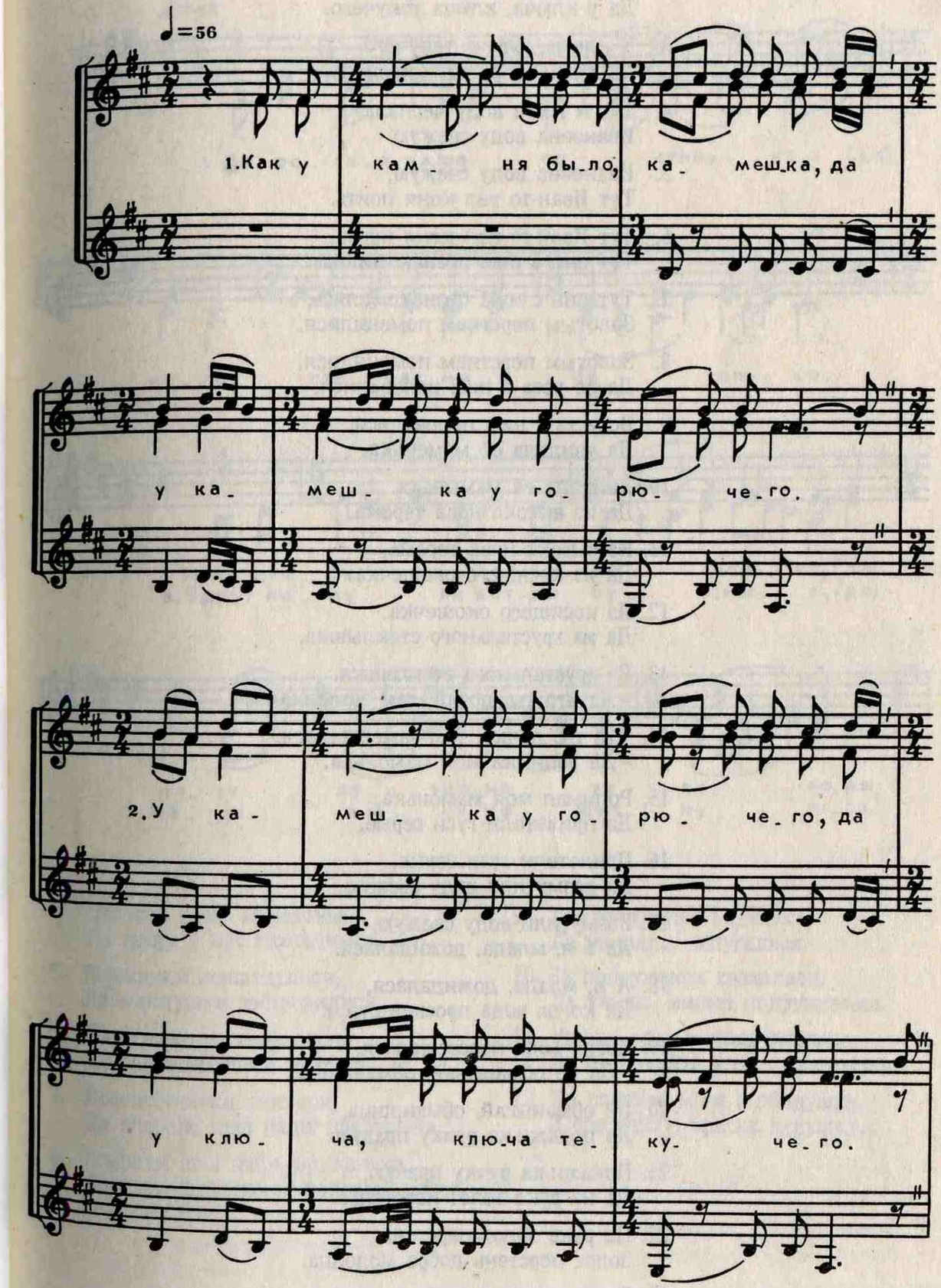
14. ЕХАЛ ПАН, ЕХАЛ ПАН





4. Подь-поди, подь-поди,
Подойди близёхынько, (2)
5. Поклонись, поклонись,
Поклонись низёхынько, (2)
6. Ты надень, ты надень,
Надень на головушку, (2)
7. На русы, на русы,
На косы кудерушки. (2)
8. Черну шляпу, черну шляпу,
Черну шляпу со бархоткой. (2)

15. КАК У КАМНЯ БЫЛО КАМЕШКА



1. Как у камня было камешка,
Да у камешка у горючего.

2. У камешка у горючего,
Да у ключа, ключа текучего.

3. У ключа, ключа текучего.
Да тут и Нюра воду черпала.

4. Тут и Нюра воду черпала,
Ивановна воду свежую.

5. Ивановна воду свежую,
Тут Иван-то вел коня поить.

6. Тут Иван-то вел коня поить,
Тут они с ним познакомились.

7. Тут они с ним познакомились,
Золотым перстнем поменялися.

8. Золотым перстнем поменялися,
Да во уста с ним целовалися.

9. Во уста с ним целовалися,
Да увидала её маменька.

10. Увидала её мамынька
Да из высока нова терема.

11. Из высока нова терема,
Да из косящего окошечка.

12. Из косящего окошечка,
Да из хрустального стеклышка.

13. Из хрустального стеклышка.
– Да что ты, дочка, там замешкалася.

14. Что ты, дочка, там замешкалася,
– Да родимая моя мамонька.

15. Родимая моя мамонька,
Да прилетели гуси серые.

16. Прилетели гуси серые,
Да возмутили воду свежую.

17. Возмутили воду свежую,
Да а я, млада, дожидалася.

18. А я, млада, дожидалася,
Да когда вода просвежалася.

19. Когда вода просвежалася,
– Да не обманывай, обманщица,

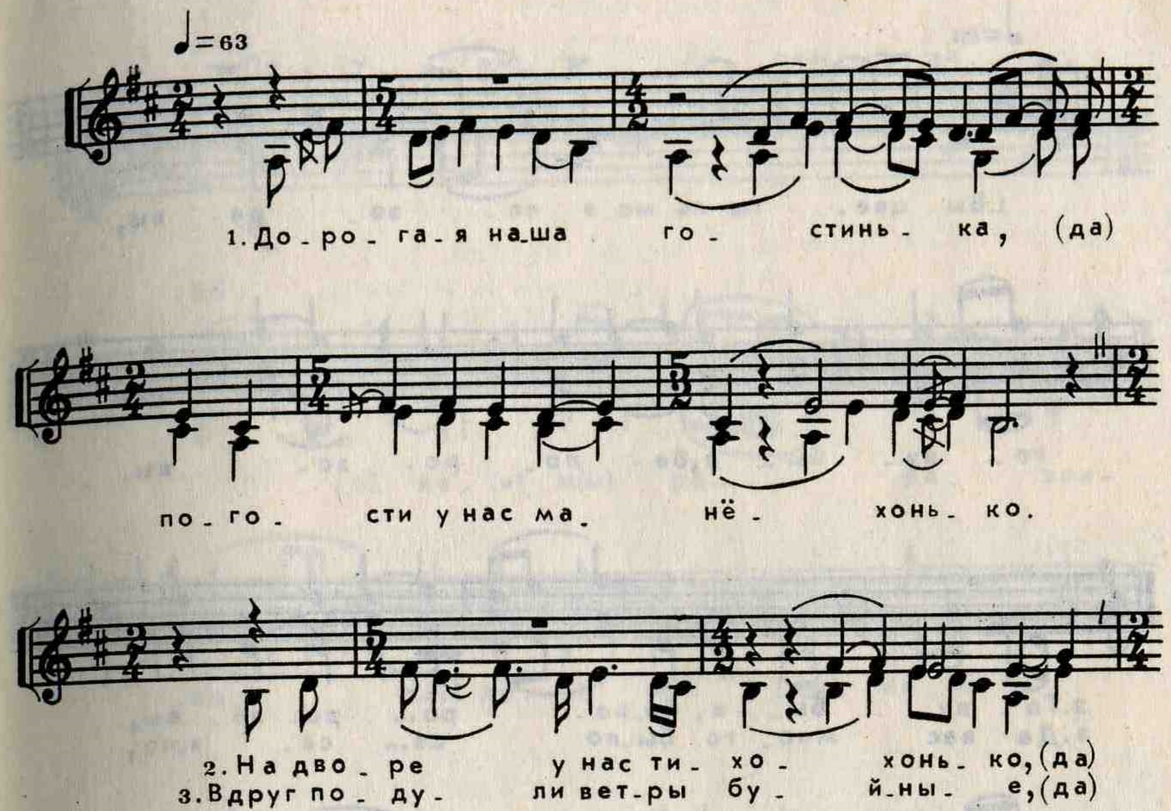
20. Не обманывай, обманщица,
Да покажи-ка ручку правую.

21. Покажи-ка ручку правую,
Да на руке золот перстень.

22. На руке золот перстень,
Золот перстень добра молодца.

23. Золот перстень добра молодца,
Да что Иван-то Петровича.

16. ДОРОГАЯ НАША ГОСТИНЬКА



4. Погости у нас манёхонько,
На дворе у нас тихохынько.

5. Вереюшки пошатнулися,
Да воротушки растворилися.

6. Воротушки растворилися,
Да поезжаньюшки явилися.

7. Поезжаннички явилися,
Да впереде шел наша друженька.

8. Впереди шел наша друженька,
Да а за друженькой большой поезд.

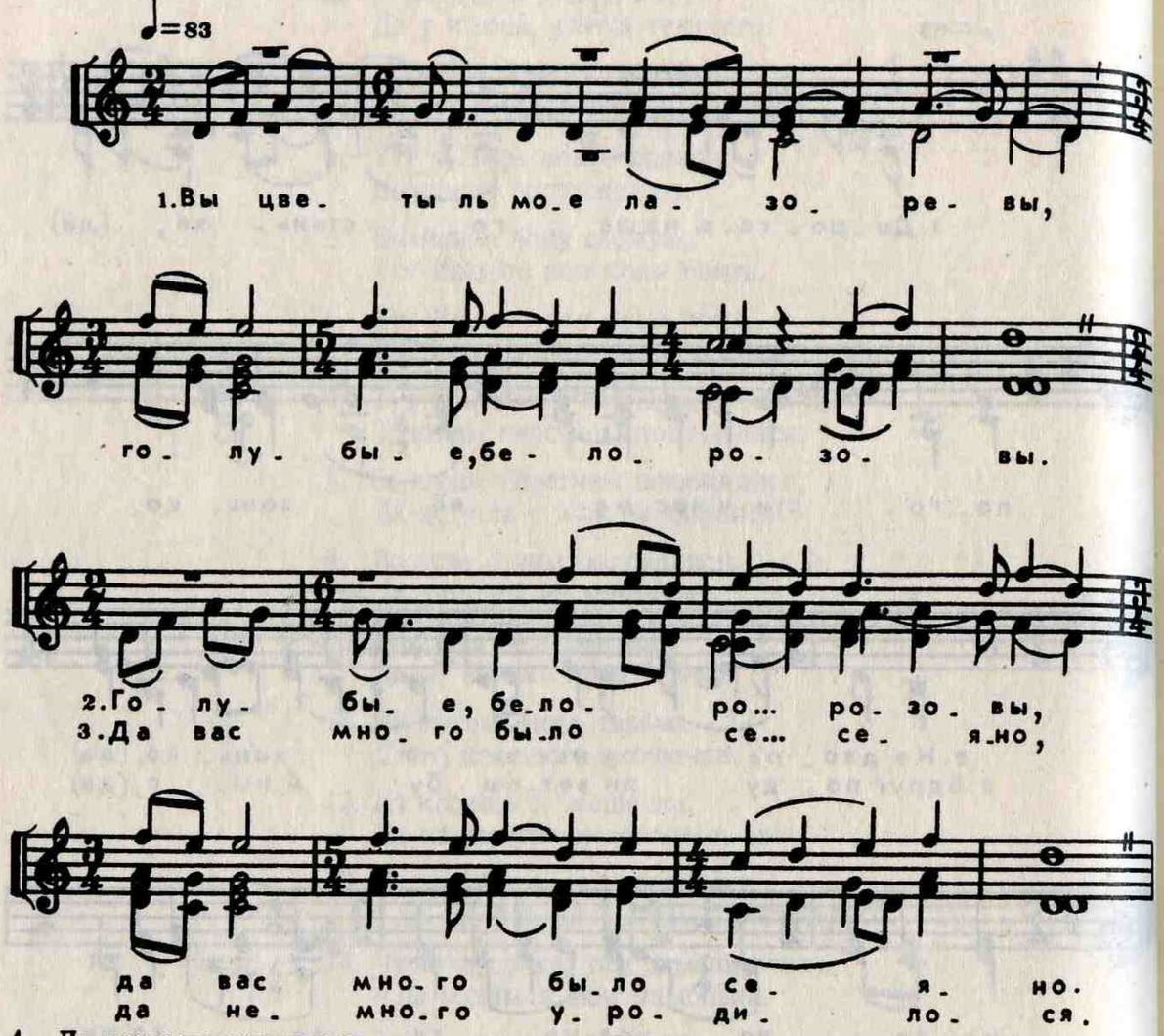
9. Увидала наша Галюшка,
Да увидала, испугалася.

10. За подруженек хваталася,
Да уж вы, милые подруженьки.

11. Уж вы, милые подруженьки,
Да не давайте м'ня в обидушку.

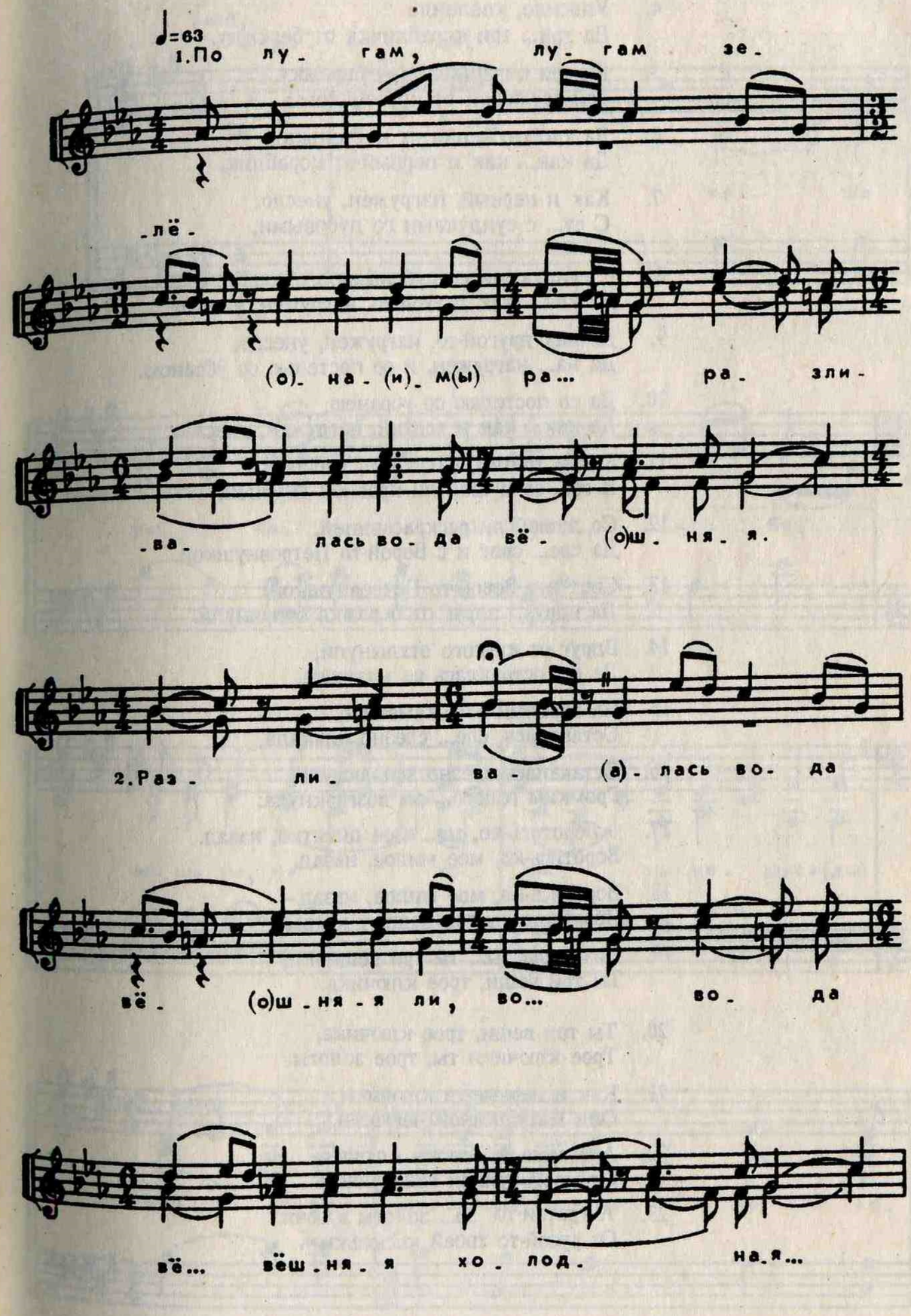
12. Не давайте м'ня в обидушку,
В обидушку, красну девушку...

17. ВЫ ЦВЕТЫ ЛЬ МОЕ ЛАЗОРЕВЫ



4. Да немного уродилося,
   Уродился один не... нежнай цвет.
5. Уродился один нежнай цвет,
   И то девки его сорвали.
6. И то девки его сорвали,
   По веночку себе совили.
7. По веночку себе совили,
   У нас не было изменщицы.
8. Изменщицы ли изменщицы,
   Изменила красна девица.
9. Изменила красна девица,
   Изменила нас подруженек.
10. Изменила нас подруженек,
    Изменила нас любезнаих.
11. Изменила нас любезнаих,
    Да сама замуж идешь ли.
12. Да сама замуж идешь ли,
    Я нейду, нейду, не думаю.
13. Я нейду, нейду, не думаю,
    Я, девица, в монастырь пойду.
14. Я, девица, в монастырь пойду,
    Да трех подруженек с собой возьму.
15. Трех подруженек с собой возьму,
    Трех любезнаих с собой возьму.
16. Трех любезнаих с собой возьму,
    Перву девицу во ключницы.
17. Перву девицу во ключницы,
    Другу девицу в орешницы.
18. Другу девицу в орешницы,
    Да третью девицу в постельницы.
19. Третью девицу в постельницы,
    А сама буду, ой, игуменьшей.
20. А сама буду игуменьшей,
    Игуменьшей, красной девицей.

18. ПО ЛУГАМ, ЛУГАМ ЗЕЛЁНАИМ



3. Вода вёшняя, холодная,
Да у... уносило, улелеило.

4. Уносило, улелеило
Да три... три корабличка от бережку.

5. Да три корабличка от бережку,
Три груженаи от крутенького.

6. Да три груженаи от крутенька,
Да как... как и первый-от кораблик,

7. Как и первый, нагружен, унесло,
С су... с сундуками со дубовыми,

8. С сундуками со дубовыми.
Да как... как другой-то, нагружен, унесло...

9. Да как другой-то, нагружен, унесло,
Да на... нагружен, и со постелью со убраною.

10. Да со постелью со убраною,
Да как... как и третий, нагружен, унесло.

11. Как и третий, нагружен, унесло.
И со... со душой ли красной девицей,

12. Со душой ли раскрасавицей,
Да све... свет и с Верой-то Петровнушкой.

13. Свет и с Верой-то Петровнушкой.
Да вдру... вдруг от бережка отпрянули.

14. Вдруг от крутого отхлынули,
Да о... оставалась ее матушка.

15. На горючиим на камешке,
Оставалась, слё... слёзно плакала,

16. Оставалась слёзно всплакнула,
Громким голосо... ом возгаркнула:

17. «Воротись-ко, мо... мое дитятко, назад.
Воротись-ко, мое милое, назад.

18. Воротись-ко, мое милое, назад –
Позабыла ты три вещи у меня.

19. Позабыла ты... ты три вещички,
Ты три вещи, трое ключика.

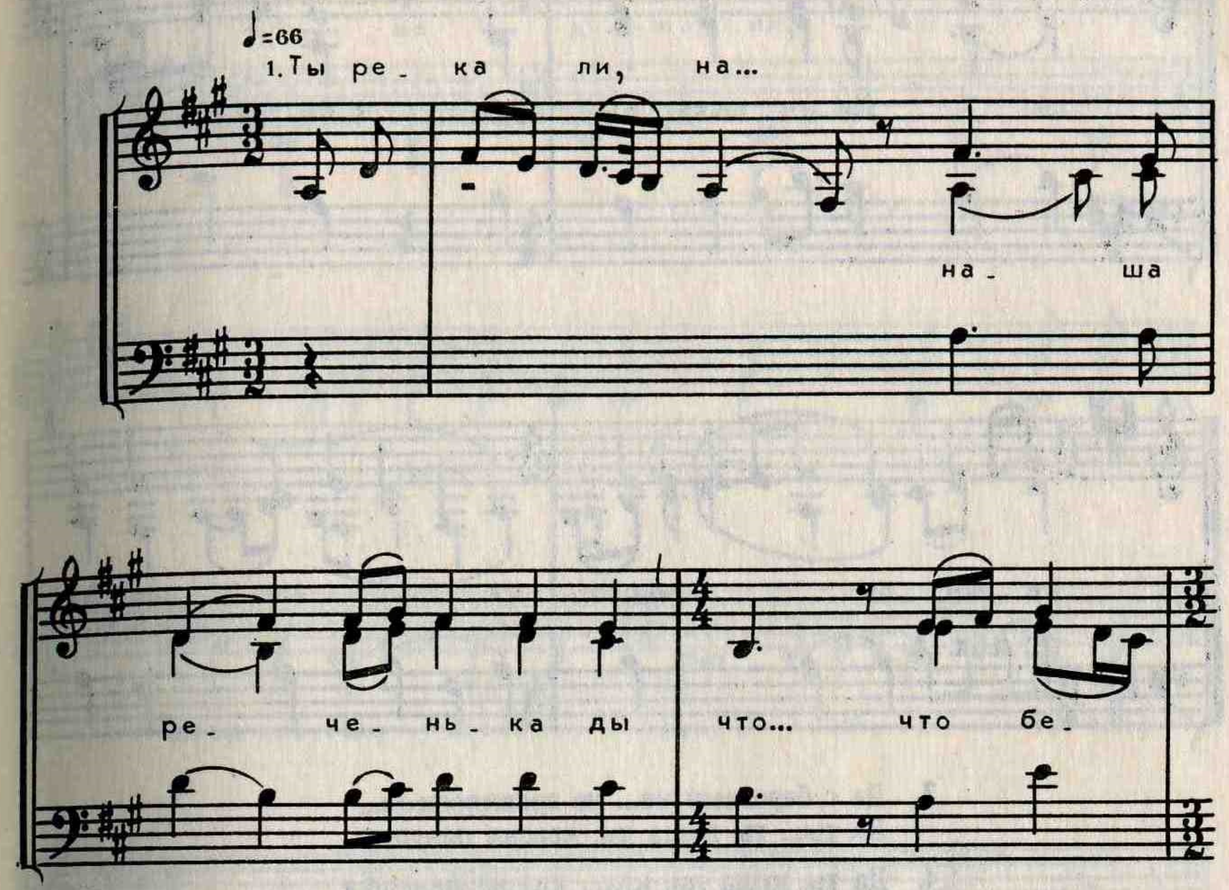
20. Ты три вещи, трое ключика,
Трое ключики ты, трое золоты.

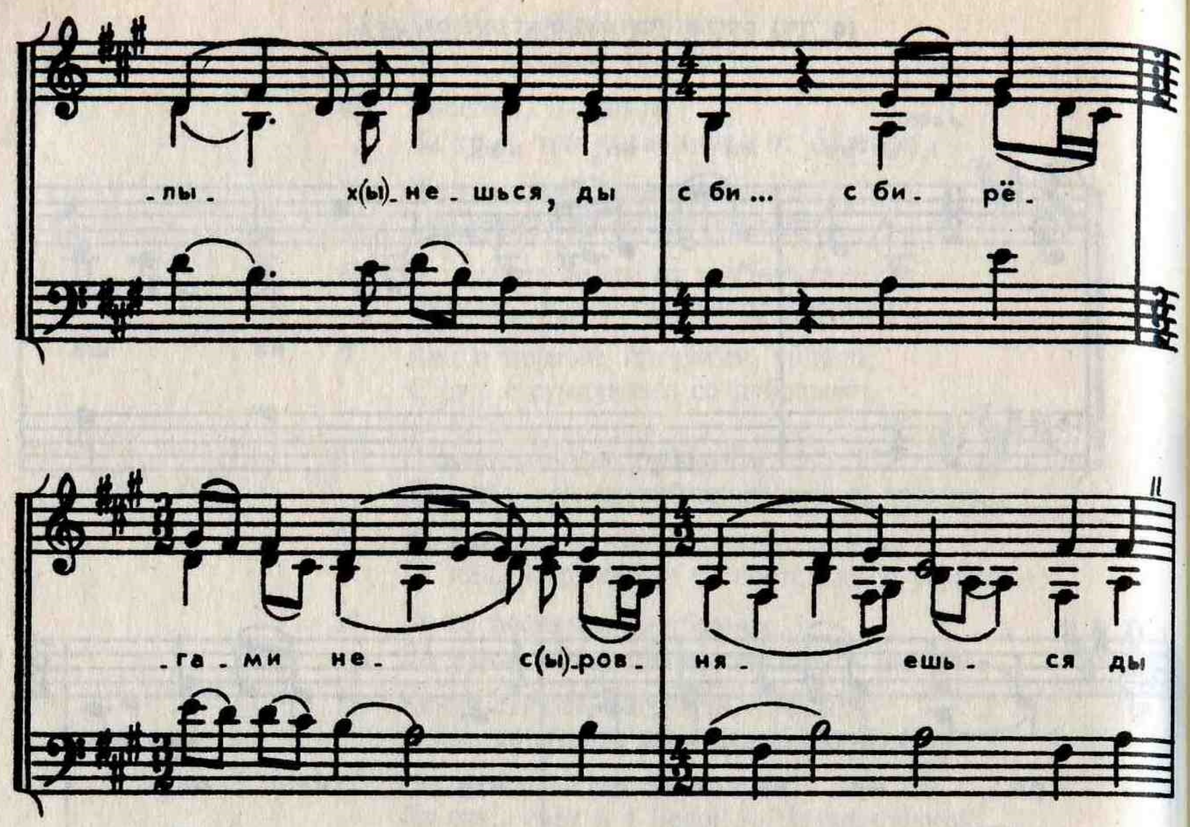
21. Как и первые-ти ключики
Они матушкиной негушки,

22. А вторые-ти золоты ключи
От моей буйной головушки.

23. А третьи-то зо... золоты ключи
От русой-то твоей косыньки».

19. ТЫ РЕКА ЛИ, НАША РЕЧЕНЬКА





3. Да с берегами не... не сровняешься...
Да ты... ты душа ли, красна девушка,

4. Да ты душа ли, кра... красна девушка,
Да что... что сидишь ты, не улыбнешься?

5. Да что сидишь ты, не... не улыбнешься,
Да го... говоришь ты, не рассмехнешься?

6. Да говоришь ты, не... не рассмехнешься?
«Да до...дорогие вы, подруженьки,

7. Да дорогие вы... вы, подруженьки,
Да что... что мне радоватися?

8. Да что мне ра... радоватися?
Да мне... мне не долго красоватися.

9. Да мне не долго кра... красоватися:
Да от... от весны-то мне до осени,

10. Да от весны-то мне... мне до осени,
Да от... от среды-то мне до пятницы

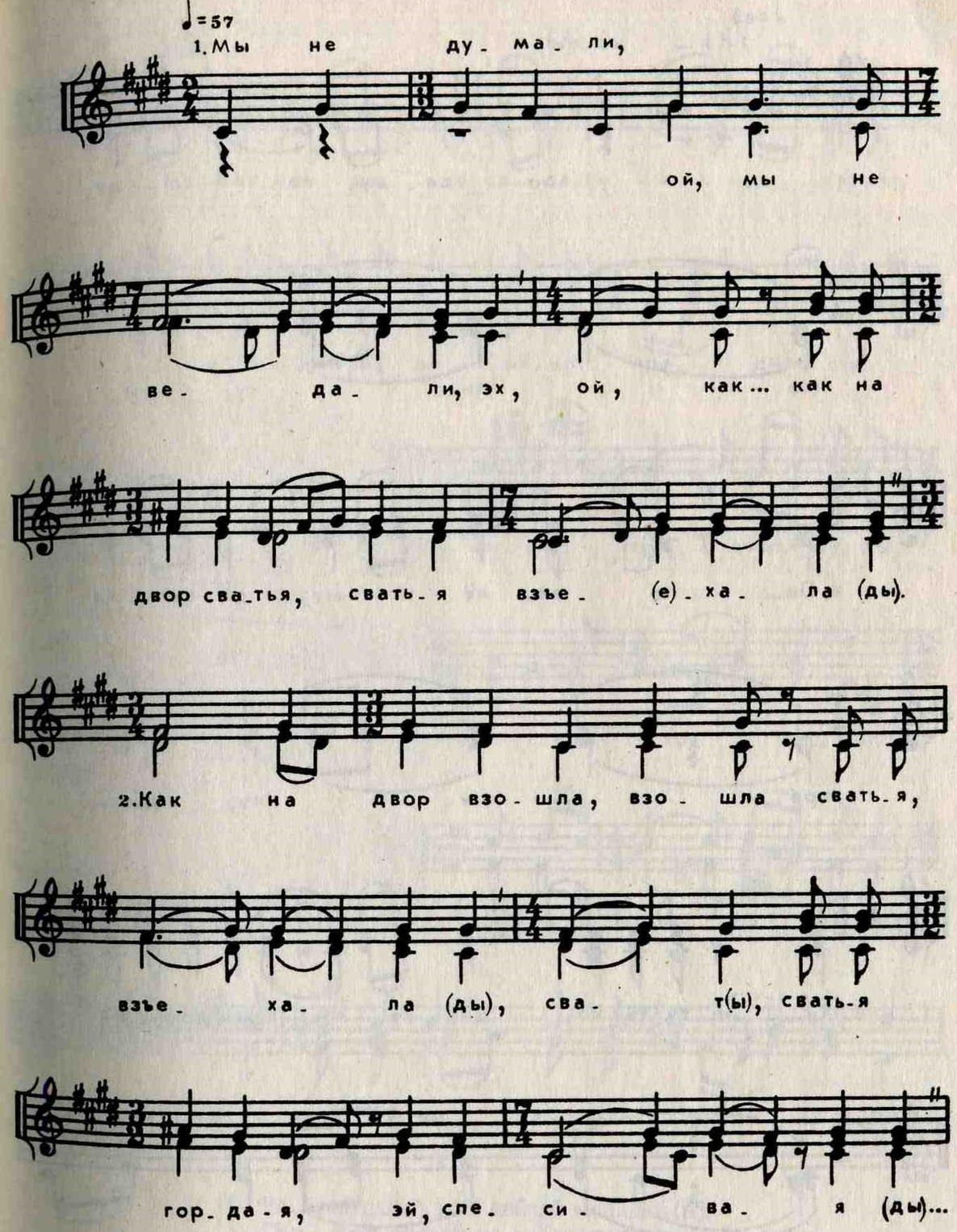
11. Да от среды-то мне... мне до пятницы,
Да а... а в субботу-то девичничек.

12. Да а в субботу-то... то девичничек,
В во...воскресенье-то разлучный день.

13. В воскресенье-то ра... разлучный день,
Ра... разлучает с отцом, с матерью.

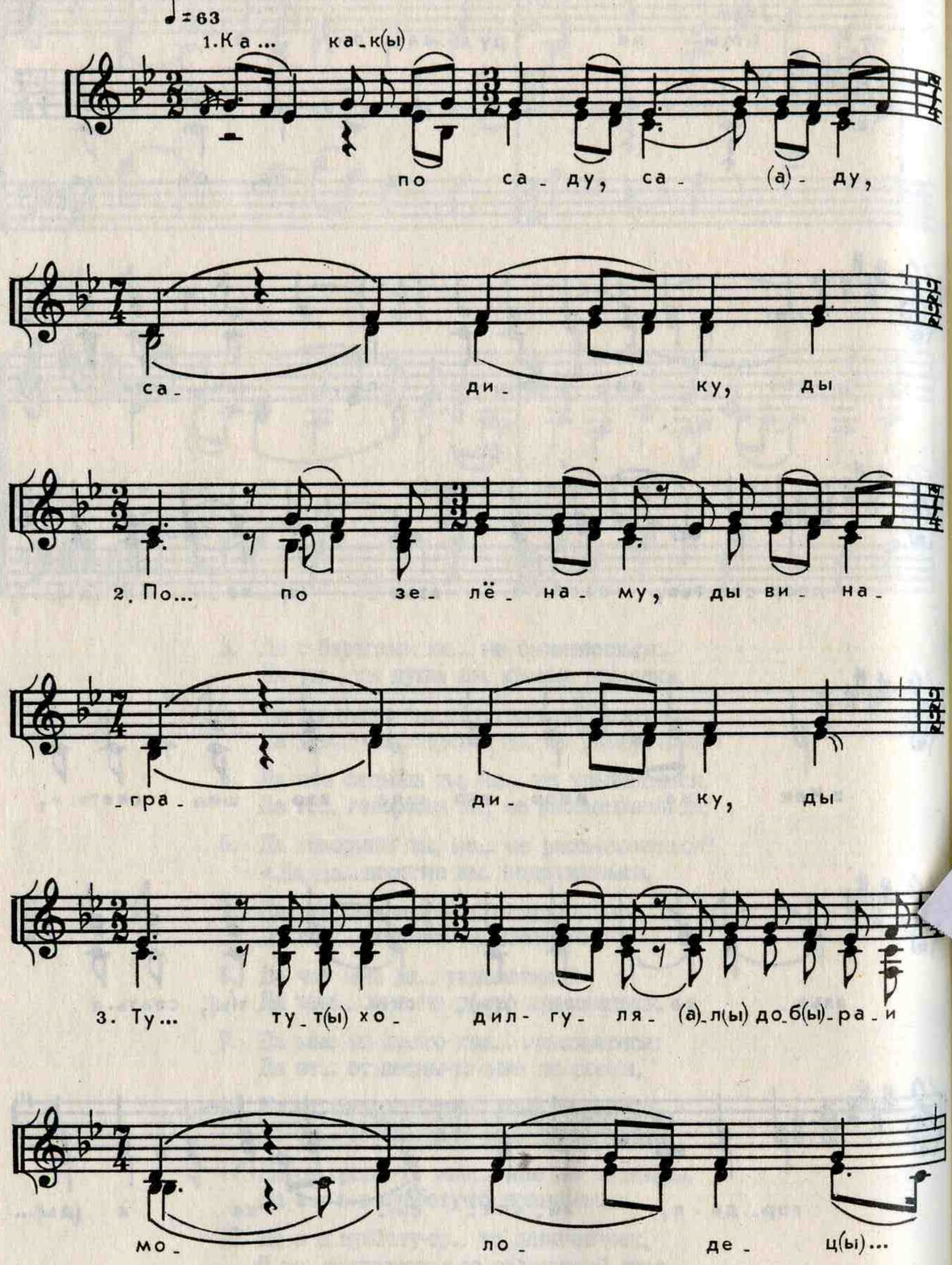
14. Разлучает с о... с отцом, с матерью,
Да со... со любезными подружками».

20. МЫ НЕ ДУМАЛИ, МЫ НЕ ВЕДАЛИ



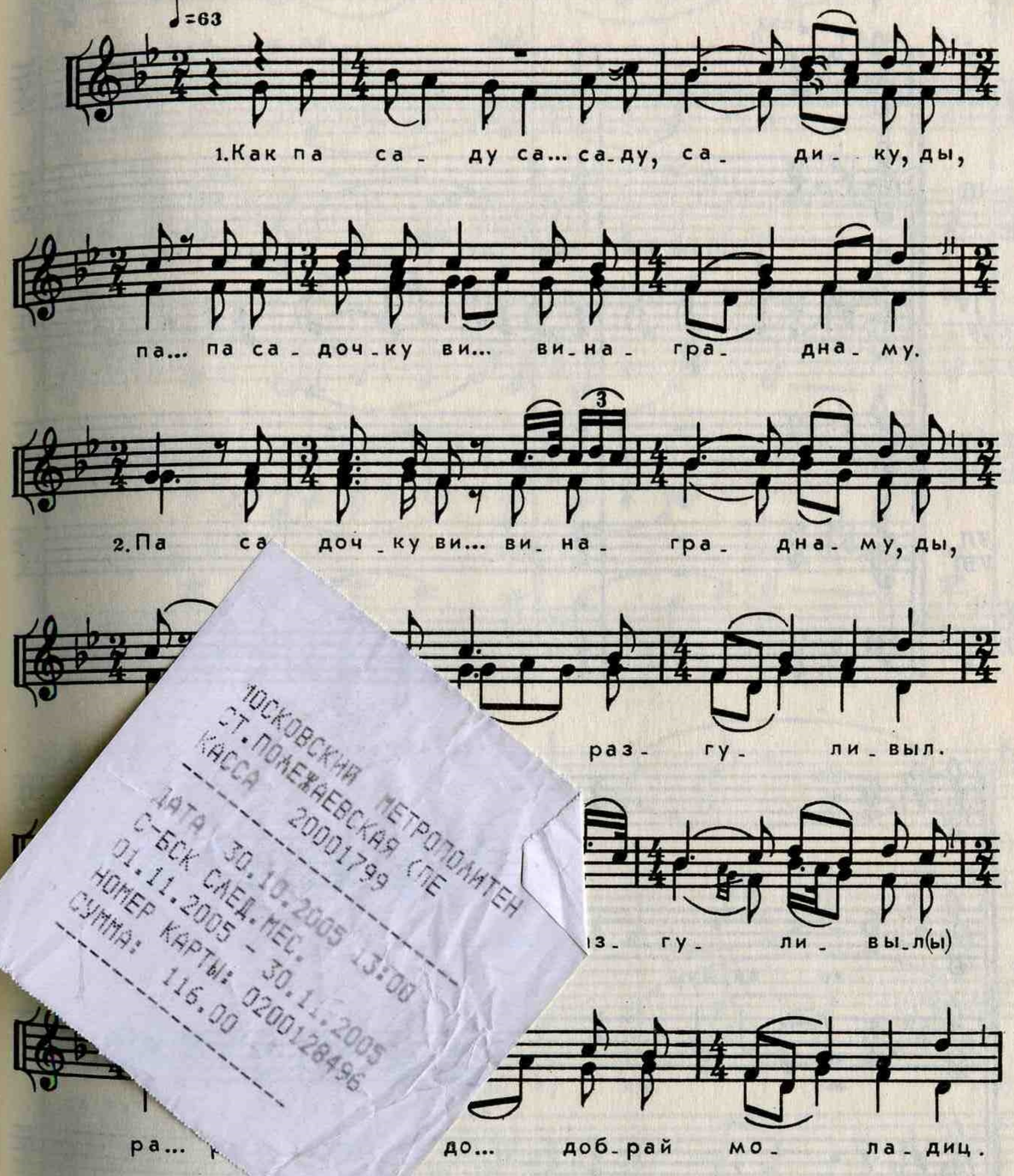
3. Сваты гордая, ой, уж, уж ты,
Сваха молода, сваха гневливая.

21. КАК ПО САДУ, САДУ, САДИКУ, ПО ЗЕЛЕНОМУ ДА ВИНОГРАДИКУ



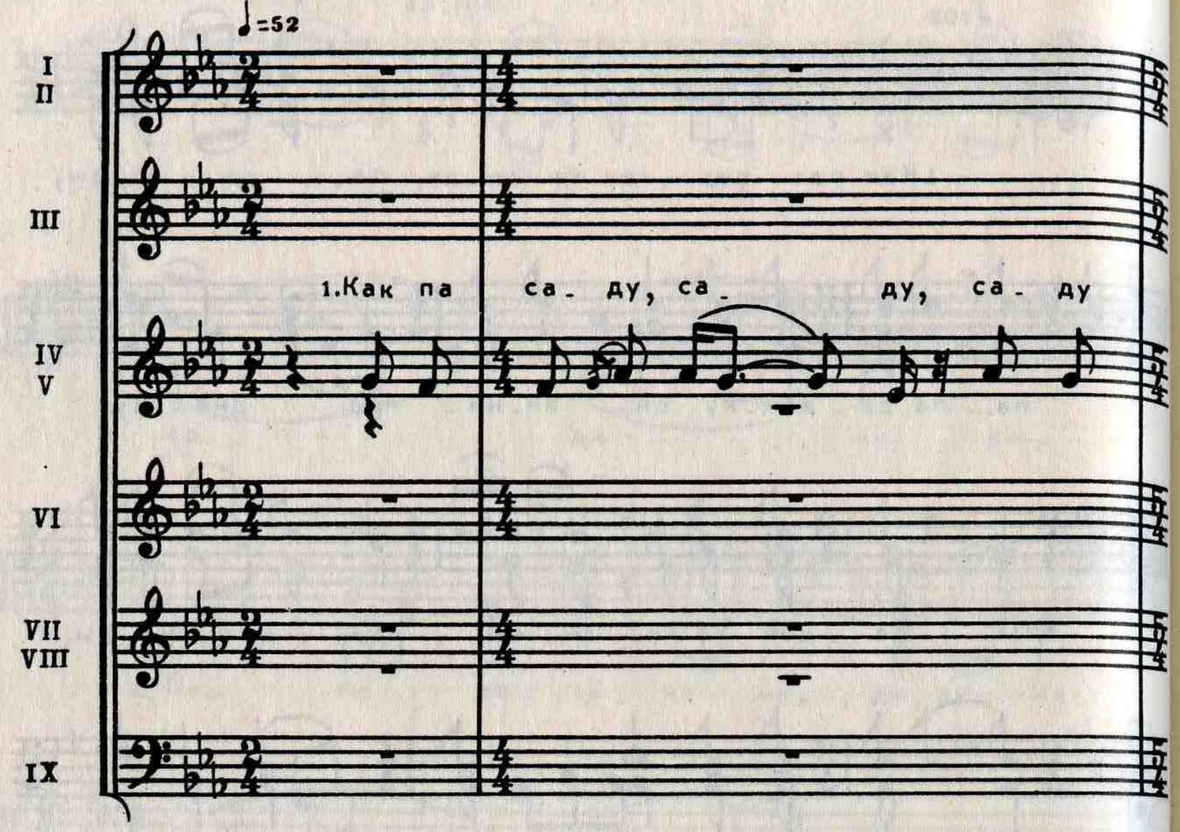
Ка... как по саду, саду, садику, ды,
По... по зеленаму, ды виноградику, ды
Ту... тут (ы) ходил-гулял (ы) доб (ы) рай молодец (ы),
До... доб (ы) рай молодец (ы), свет (ы) Иван (ы), ды
Све... свет Васильевич ды...

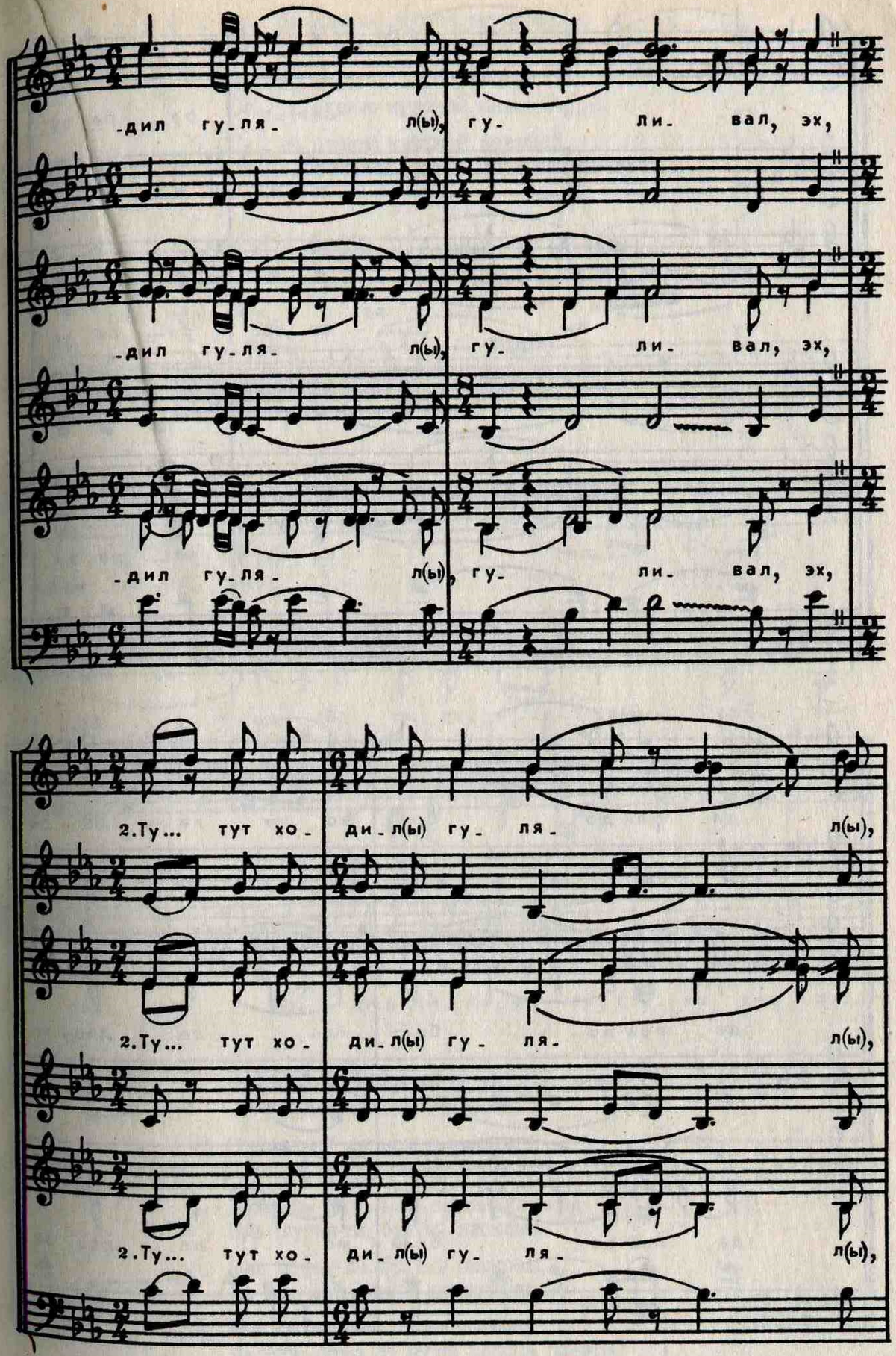
22. КАК ПА САДУ, САДУ, САДИКУ ПА САДОЧКУ ВИНАГРАДНАМУ

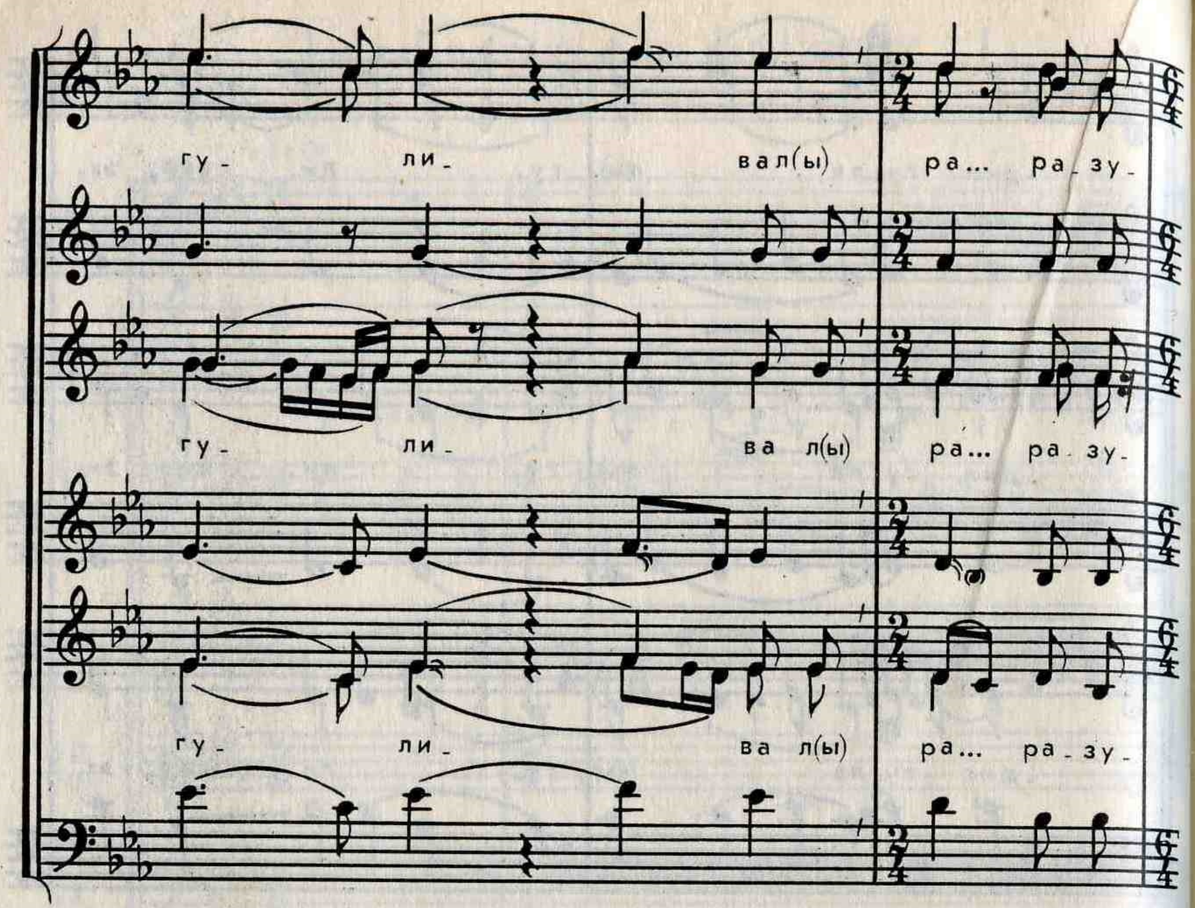


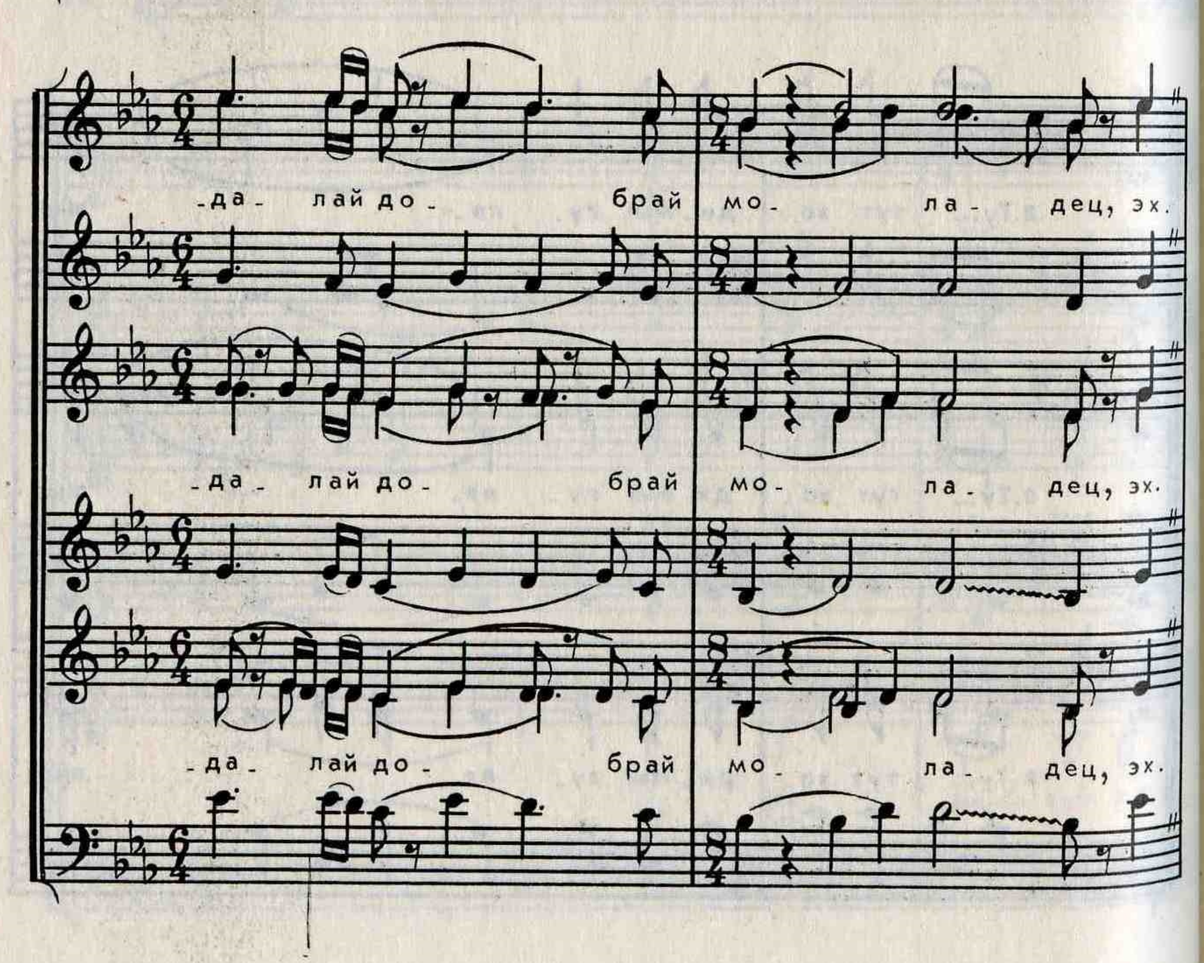
4. Ра... разудалай до... добрай моладиц (ы),
   Све... свет Андрей да и Климентьевич.
5. Свет Андрей да... да Климентьевич (и),
   При... привыкай, душа, красна девушка.
6. Привыкай, душа, красна девушка, ды
   Ты Ляксандрушка и Якливна.

23. КАК ПА САДУ, САДУ, САДУ ЗЕЛЯНУ



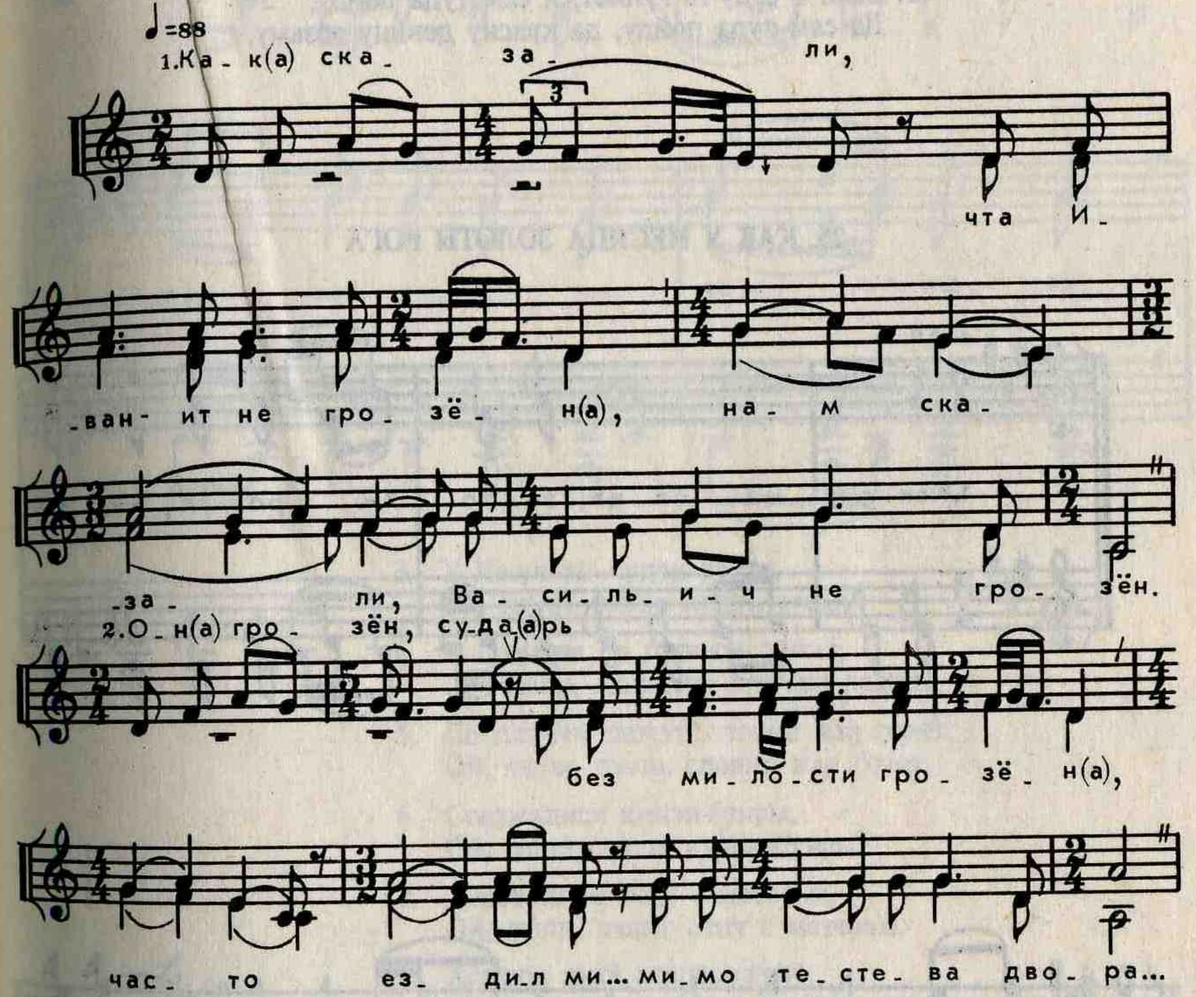






3. Ра... разудалай добрай моладец,
   Не... не адин он па саду гулял, эх.
4. Не... не адин он па зелёнаму,
   Са... са душою красной девицай, ой.
5. Са... са душою краснай девицай,
   Са... са Натальей са Григорьевнай, ай.

24. КАК СКАЗАЛИ, ЧТА ИВАН-ИТ НЕ ГРОЗЁН



3. Часто ездил ми... мимо тестева двора,
   Он ударил копьем в ворота.
4. Он ударил копьем в ворота,
   Дома ль тесть или тещенька моя?
5. Дома ль тесть или тещенька моя,
   Иль шурья-ти, братья ласковы?
6. Иль шурья-ти, братья ласковы,
   Да или свояченки приветливы?
7. Иль свояченки приветливые,
   Да еще дома ль душа красна девица?

8. Еще дома ли душа красна девица,
Да, свет, Авдотья да Маркельевна?

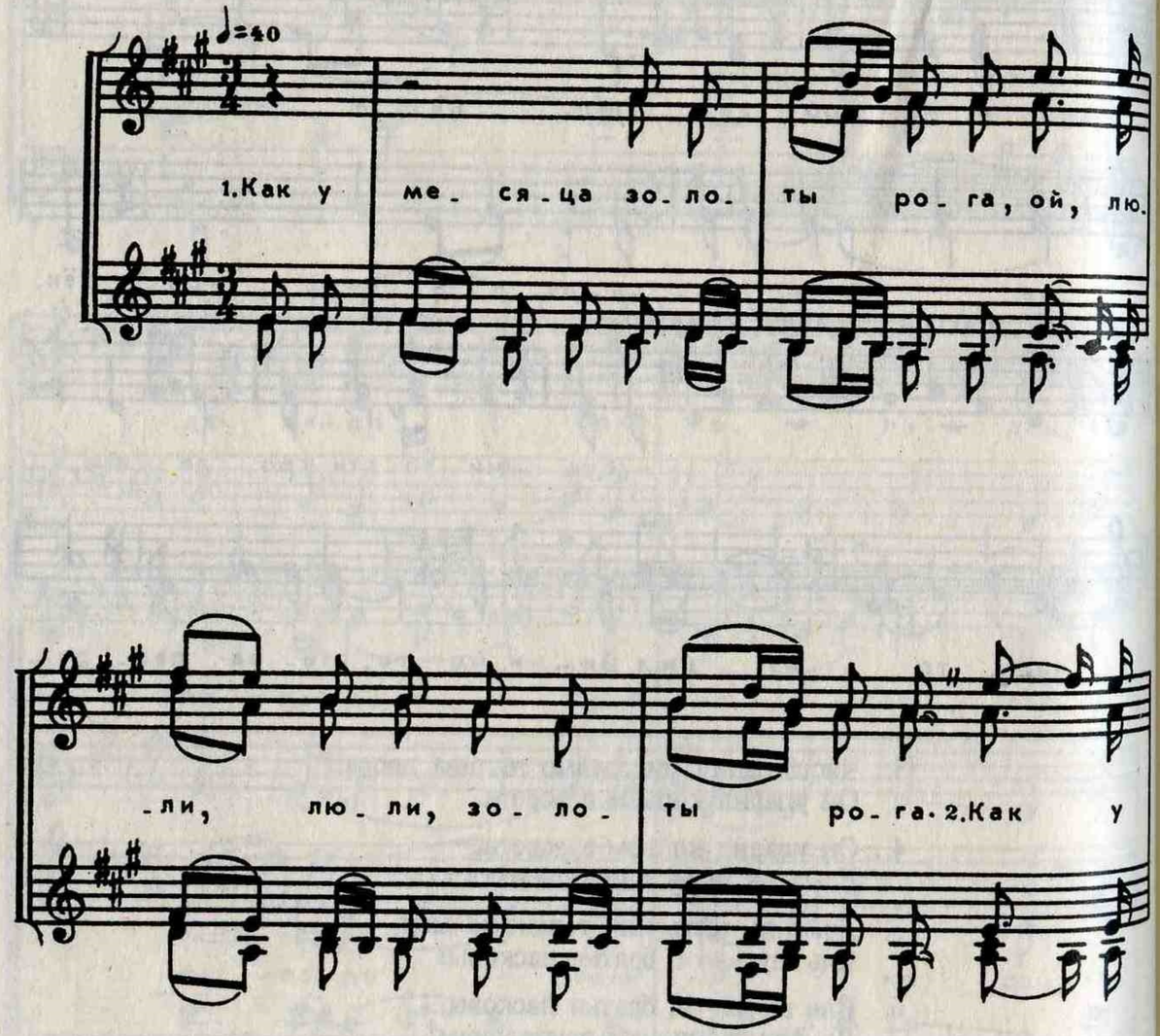
9. Свет, Авдотья Марькельевна,
Да если спит, не будите-то вы ее.

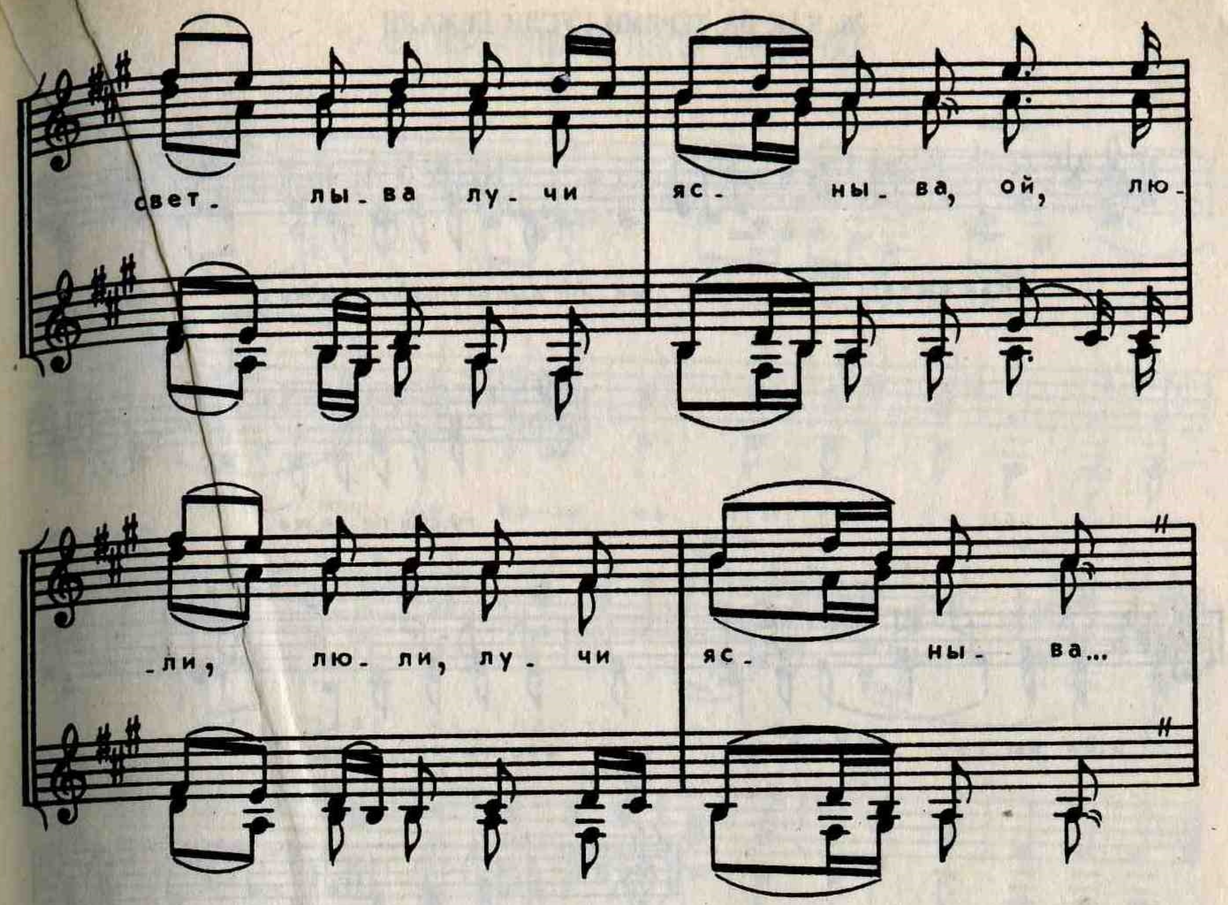
10. Если спит-то, не будите вы ее,
Да если дары шьет, не мешайте вы ей.

11. Если дары шьет, не мешайте-то вы ей,
Если в саду гуляет, то я сам туда пойду.

12. Если в саду-то гуляет, я сам туда пойду,
Да сам туда пойду, да красну девицу возьму.

25. КАК У МЕСЯЦА ЗОЛОТЫ РОГА





3. У Ивана-ти кудри русаи,
Ой, люли, люли, кудри русаи.

4. У Егорыча по плечам лежат,
Ой, люли, люли, по плечам лежат.

5. По плечам лежат, словно жар горят,
Ой, люли, люли, словно жар горят.

6. Соезжалися князи-буяры,
Ой, люли, люли, князи-буяры.

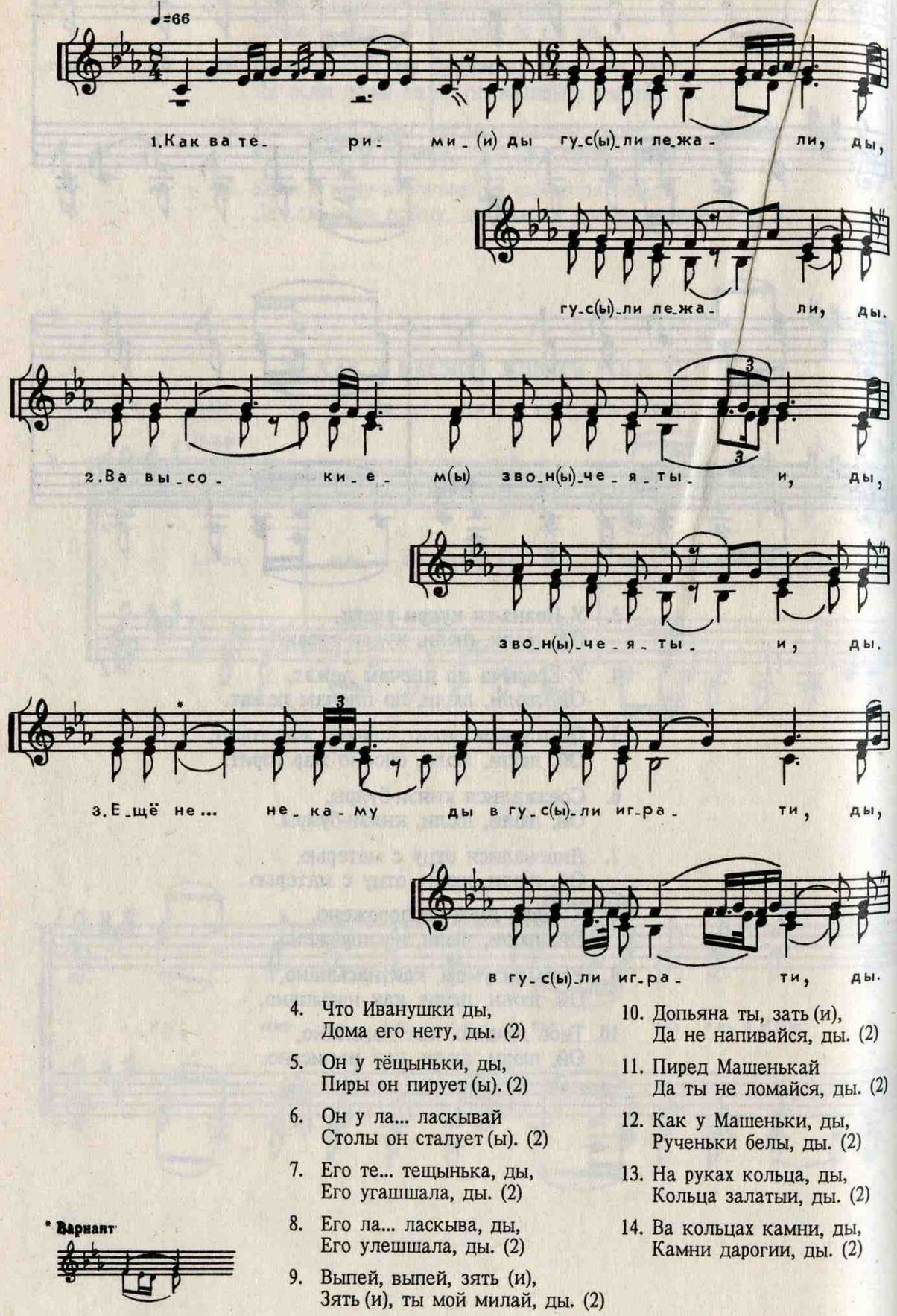
7. Дивовалися отцу с матерью,
Ой, люли, люли, отцу с матерью.

8. Хорошю дитё воспорожено,
Ой, люли, люли, воспорожено.

9. Умом-разумом, как насыпано,
Ой, люли, люли, как насыпано.

10. Твое личико, как написано,
Ой, люли, люли, как написано.

26. КАК ВА ТЕРИМИ ГУСЛИ ЛЕЖАЛИ

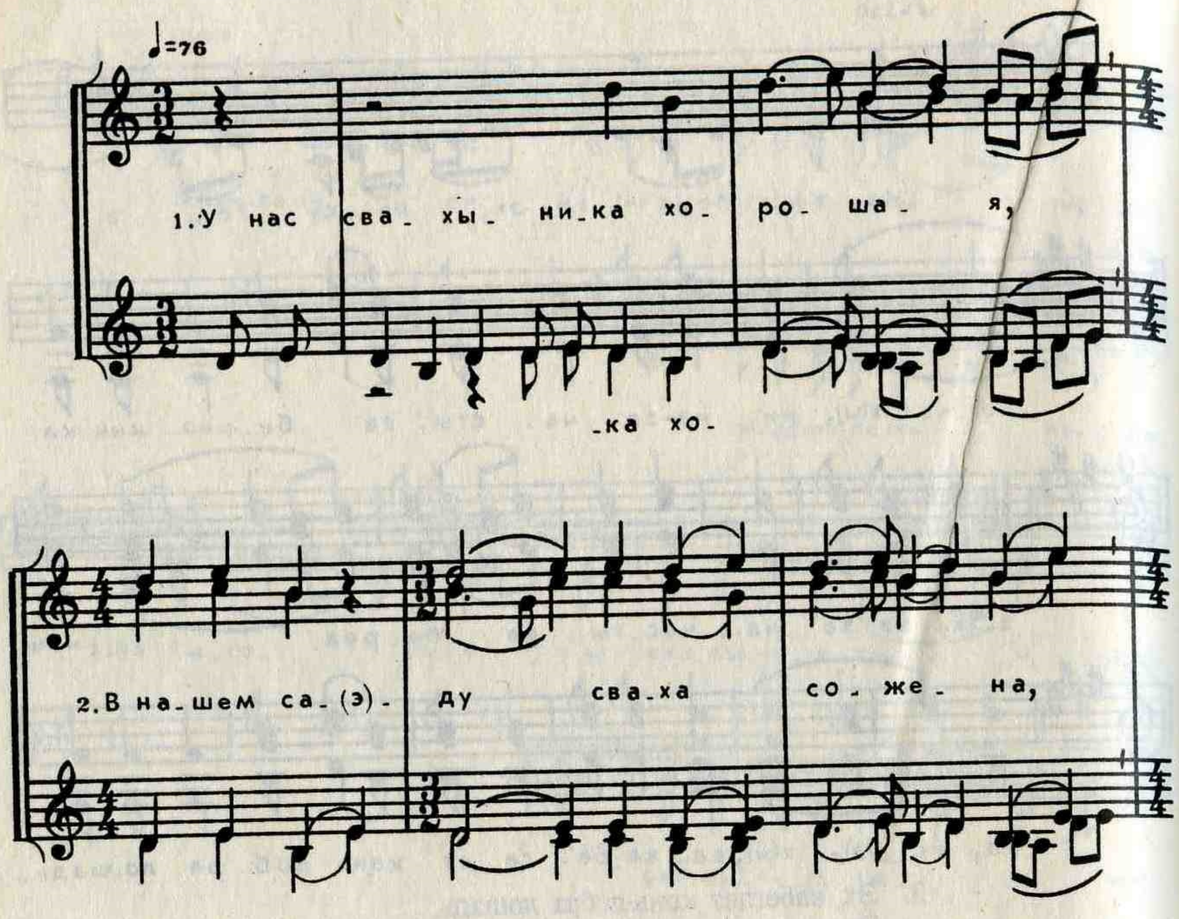


4. Что Иванушки ды,
Дома его нету, ды. (2)
5. Он у тёщыньки, ды,
Пиры он пирует (ы). (2)
6. Он у ла... ласкывай
Столы он сталует (ы). (2)
7. Его те... тещынька, ды,
Его угашшала, ды. (2)
8. Его ла... ласкыва, ды,
Его улешшала, ды. (2)
9. Выпей, выпей, зять (и),
Зять (и), ты мой милай, ды. (2)
10. Допьяна ты, зать (и),
Да не напивайся, ды. (2)
11. Пиред Машенькай
Да ты не ломайся, ды. (2)
12. Как у Машеньки, ды,
Рученьки белы, ды. (2)
13. На руках кольца, ды,
Кольца залатыи, ды. (2)
14. Ва кольцах камни, ды,
Камни дарогии, ды. (2)

27. ИЗ-ЗА ЛЕСУ, ЛЕСУ ТЕМНОГО

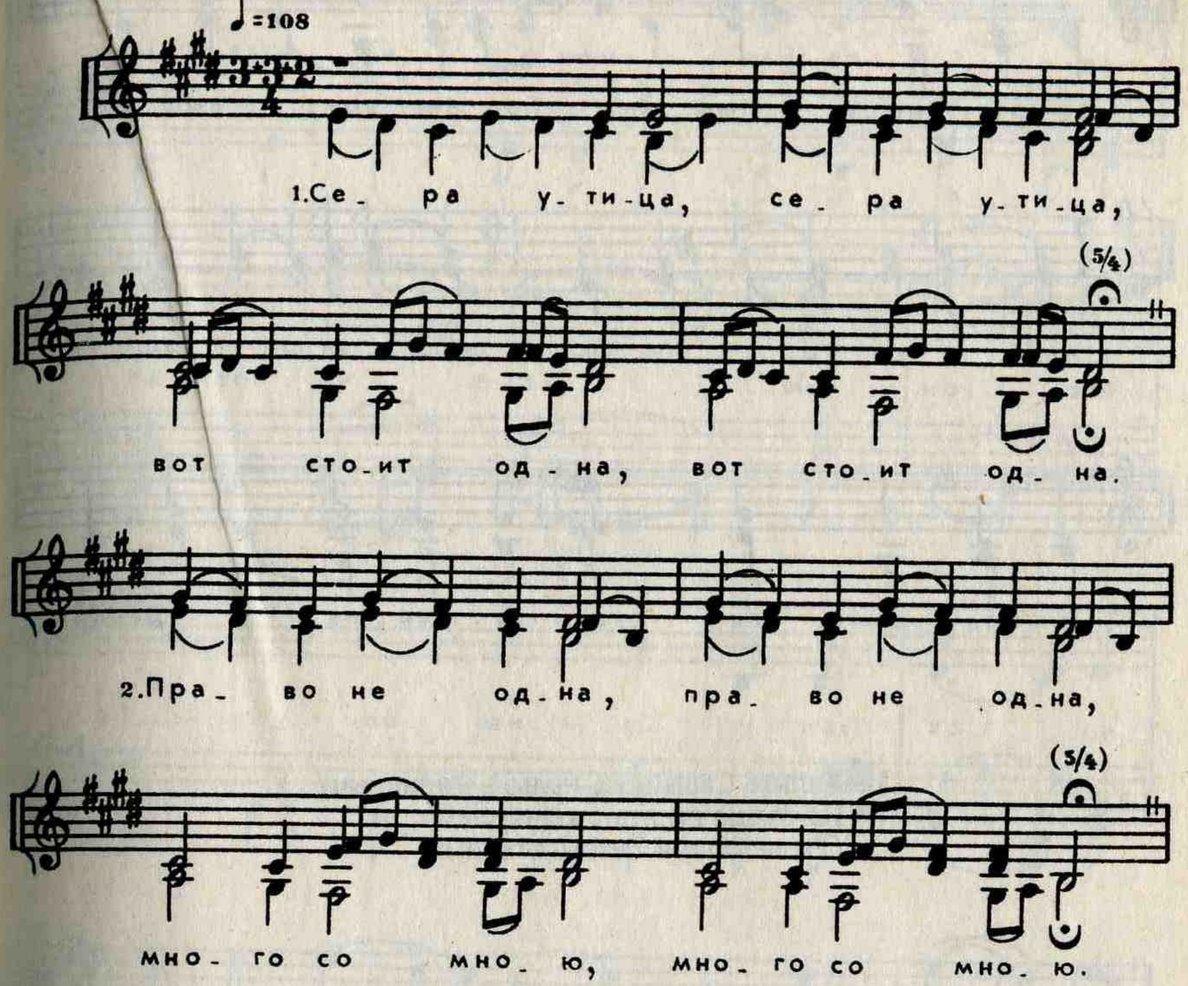
3. Эх, вабегает конь-добра лошадь,
Эх, ло... лошадь добра, богатырская.
4. Эх, лошадь до... добра, богатырская,
Эх, за... за конем бежит Иван-от.
5. Эх, за конем бежит Васильич,
Эх у... у ворот стоит Авдотьюшка.
6. Эх, у ворот стоит Иванывна,
Эх, он... он ей машет рукой правою.
7. Эх, он ей ма... машет ручкой правою,
Эх, ру... рукой правой, шляпой чернаю.
8. Эх, шляпой че... шляпой че... чернаю,
– Эх, уж... уж ты встреть меня.
9. – Эх, уж я рад... рад бы коня встретила,
Эх, мне... мне травою ноги спутало,
10. Эх, мне траво... мне травою ноги спу... спутало,
Эх, мне... мне росою глаза вымчило.
11. Эх, мне росо... мне росою глаза вы... вымчило,
– Эх, уж... уж я сам про то ведаю.
12. Эх, уж я сам... сам я про то ве... ведаю,
Эх, ни... ни травою ноги спутало.
13. Эх, ни траво... ни травою но... ноги спутало,
Эх, ни... ни росою глаза вымчило.

28. У НАС СВАХЫНЬКА ХОРОШАЯ



У нас свахынька хорошая,
В нашем саду сваха сожена,
Во саду сваха сожена,
Виноградом угорожена,
Сытой свахонька политая,
Кисеёй сваха покрытая!
С песенкой тебя!

29. СЕРА УТИЦА, СЕРА УТИЦА ВОТ СТОИТ ОДНА



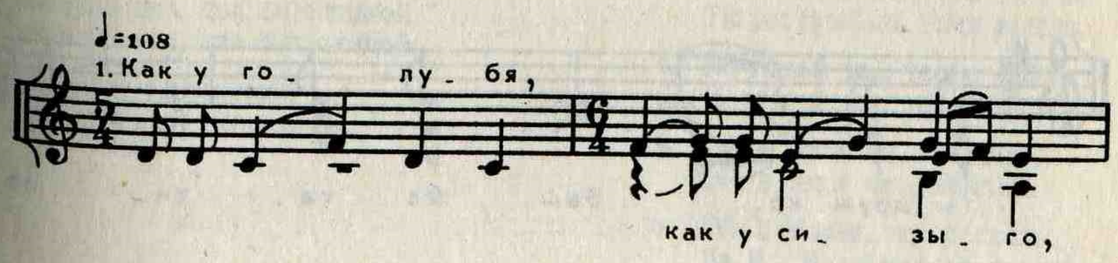
3. Много со мною, (2)
Людей добрыих. (2)

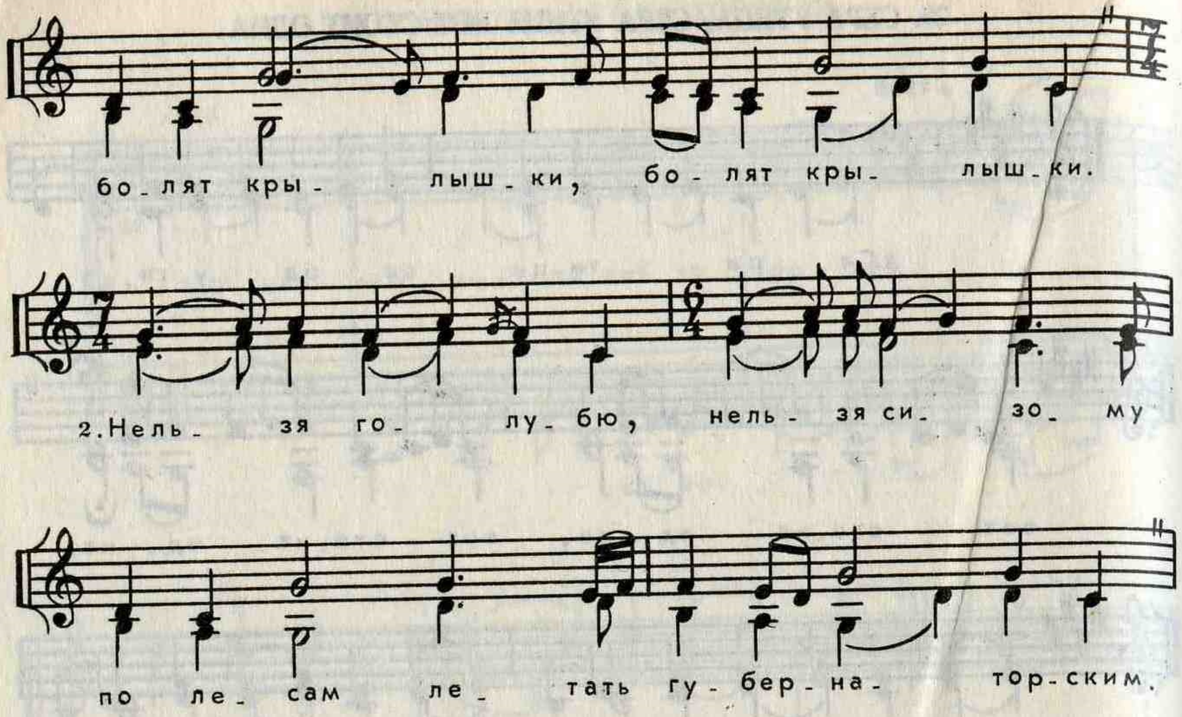
4. Только нет со мной, (2)
Мого милого. (2)

5. Мого милого, (2)
Расхорошего. (2)

6. Мой-от милай друг, (2)
Во сырой земле,
В гробовой доске.

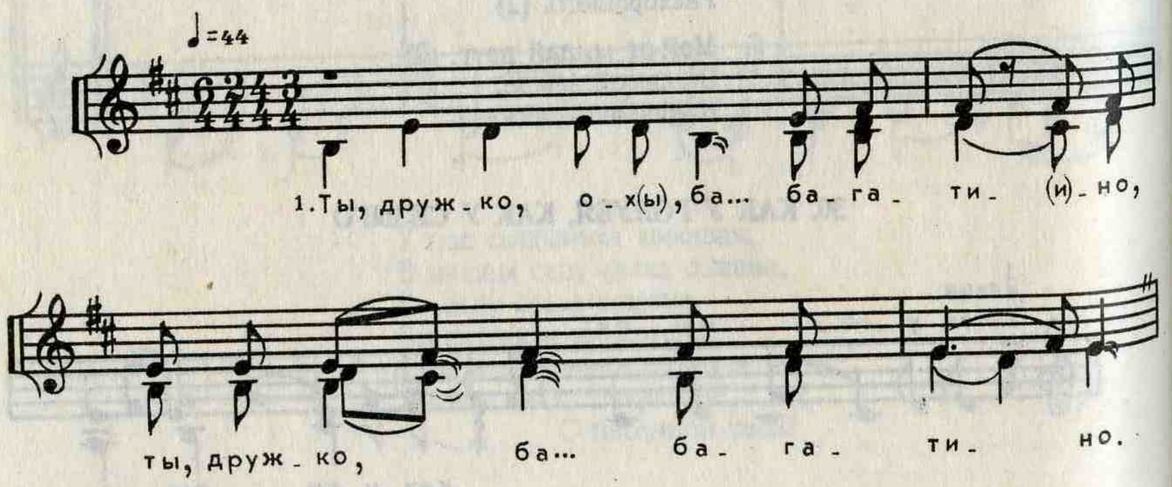
30. КАК У ГОЛУБЯ, КАК У СИЗЫГО

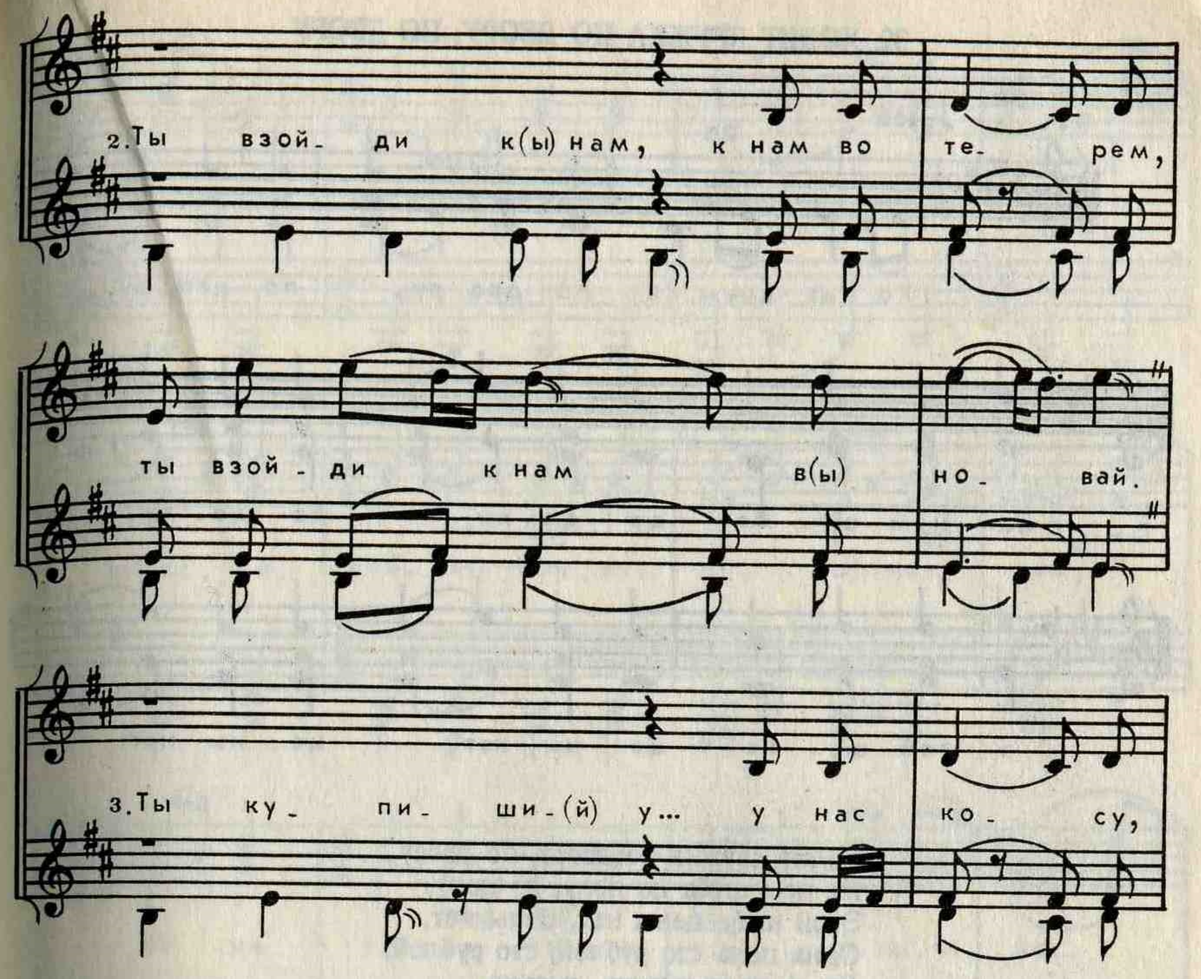


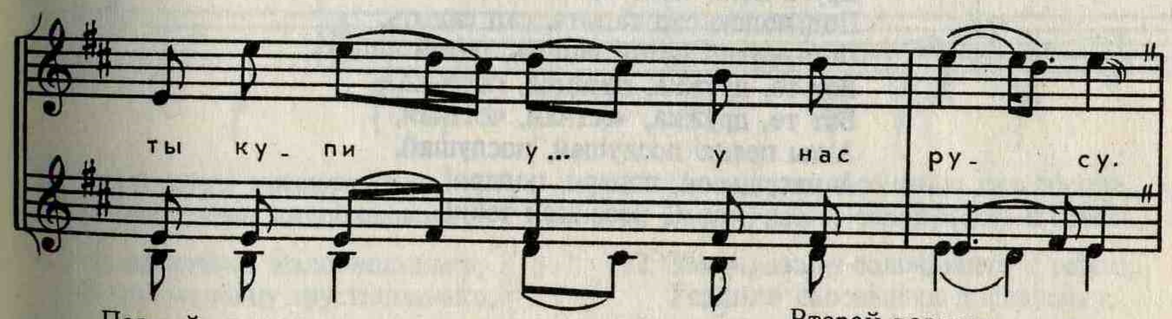


3. Нельзя Сашеньке, нельзя Филиппычу
По садам гулять с генералами,
С генералами петербургскими.

31. ТЫ, ДРУЖКО, ОХ, БАГАТИНО







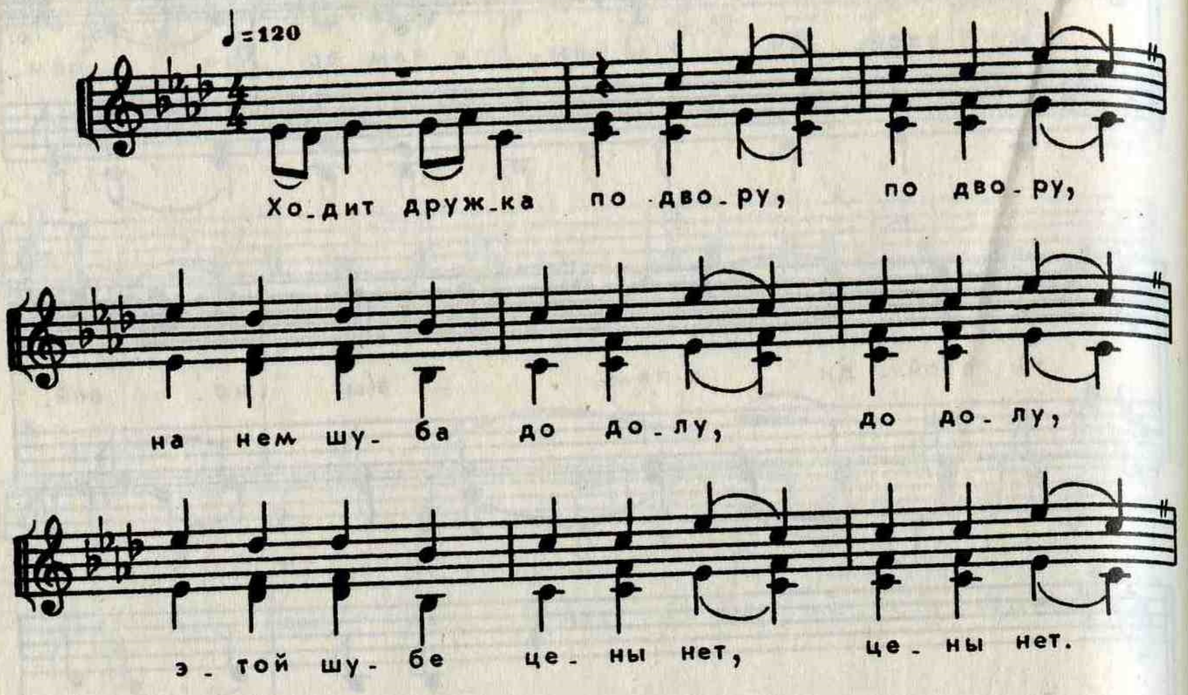
Первый вариант текста

4. Мы нядорого, эх (а), просим,
Мы нядорого, эх (а), просим.
5. Усяго... ого... го, рублей во... восемь,
Усяго ру... рублей восемь.
6. А ище-ши два, два с полтиной,
А ище-ши два, два с полтиной.
7. Тогда косу успокинем,
Тогда ру... русу успокинем.

Второй вариант текста

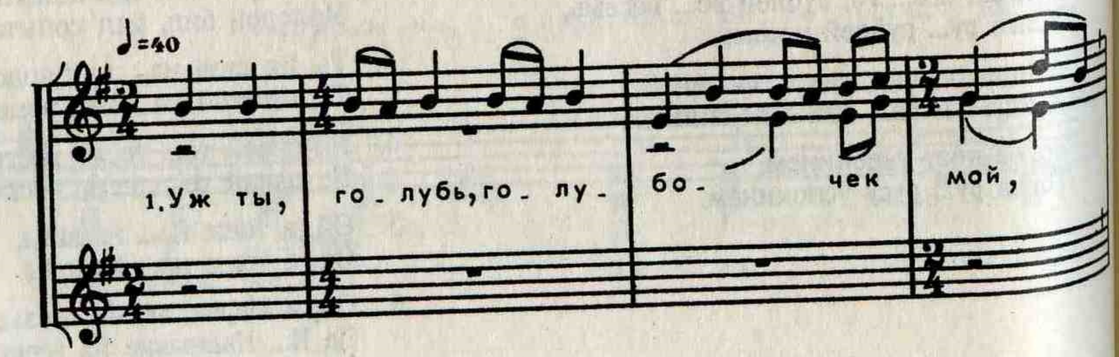
1. Ой, конь си... сивогривай,
Ой, конь си... сивогривай.
2. Молодой бил, бил копытой,
Молодой бил, бил копытой.
3. Ты ня стой на... над водою,
Ты ня стой на... над водою.
4. Не давай те... тестю вестю,
Не давай те... тестю вестю.
5. Ой, а теще на... надолы,
Ой, а теще на... надолы.
6. Ой, а Марье, эх, на слезы,
Да И... Иванывне на горьки.

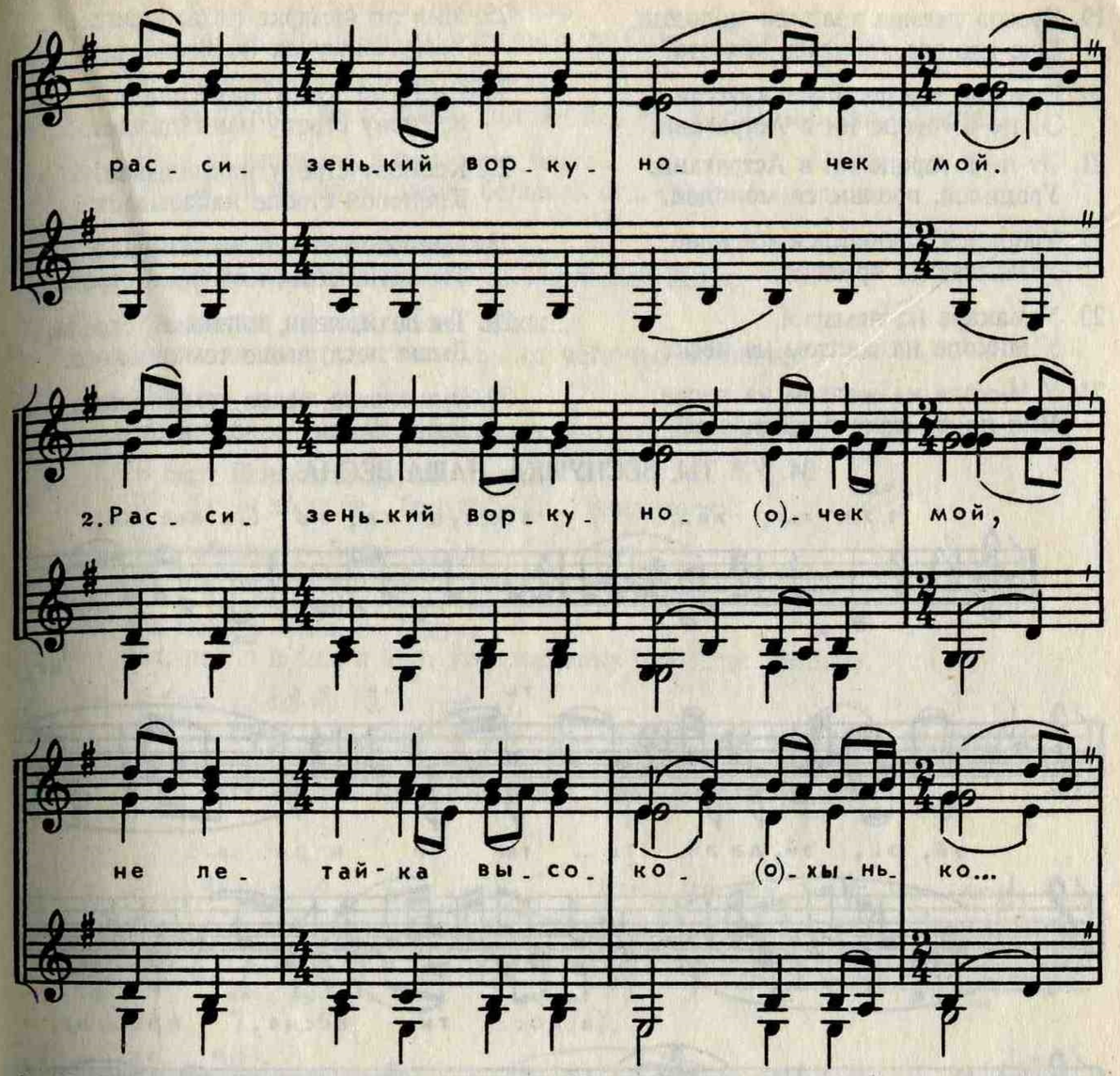
32. ХОДИТ ДРУЖКА ПО ДВОРУ, ПО ДВОРУ



Ходит дружка по двору, по двору,
На нем шуба до долу, до долу,
Этой шубе цены нет, цены нет,
Одна пола сто рублей, сто рублей,
Друга пола тысяча, тысяча,
Под полою сад садить, сад садить,
Под другой детей водить, детей водить,
Вот те, дружка, песенка, песенка,
Вот те, дружка, честная, честная,
А ты песню послушай, послушай,
А нас, девок, подари, подари!
– С песенкой тебя!

33. УЖ ТЫ, ГОЛУБЬ, ГОЛУБОЧЕК МОЙ





3. Не летай-ка высокохынько,
Не воркуй-ка жалобнехынько.
4. Не воркуй-ка жалобнехынько,
И что молодцу грустнехынько,
5. И что молодцу грустнехынько,
Разудалому тошнехынько.
6. Разудалому тошнехынько,
При долине куст калинушки стоит.
7. При долине куст калинушки стоит,
На кусту-то соловей-пташка сидит.
8. На кусту-то соловей-пташка сидит,
Спелу-зрелую калинушку клюет.
9. Спелу-зрелую калинушку клюет,
Сам малиной призакусывает.
10. Сам малиной призакусывает,
Прилетали к соловью два сокола.
11. Прилетали к соловью два сокола,
Звали, звали соловьишко с собою.
12. Звали, звали соловьишко с собою,
Усадили соловышка в клеточку,
13. Усадили соловышка в клеточку,
За серебряну решеточку его,
14. За серебряну решеточку его,
Заставляли соловышка песни петь.
15. Заставляли соловышка песни петь,
Уж ты пой-ка, распевай, мой соловей,
16. Уж ты пой-ка распевай, мой соловей,
При кручине утешай-ка молодца.
17. При кручине утешай-ка молодца,
При печали – красну девицу-душу.
18. При печали красну девицу-душу,
Красна девица хвалила молодца:

19. Красна девица хвалила молодца,
Еще где это родилась красота?

20. Еще где это родилась красота,
Эт не в городе ни в Астрахани.

21. Эт не в городе ни в Астрахани,
Уродился, проявился молодец.

22. Уродился, проявился молодец,
У Макара на ярмарке,

23. У Макара на ярмарке,
У Миколе на желтом на песке.

24. У Миколе на желтом на песке,
Мил по ярмарке похаживает,

25. Мил по ярмарке похаживает,
Растугой лучок натягивает.

26. Растугой лучок натягивает,
Кленову стрелу накладывает.

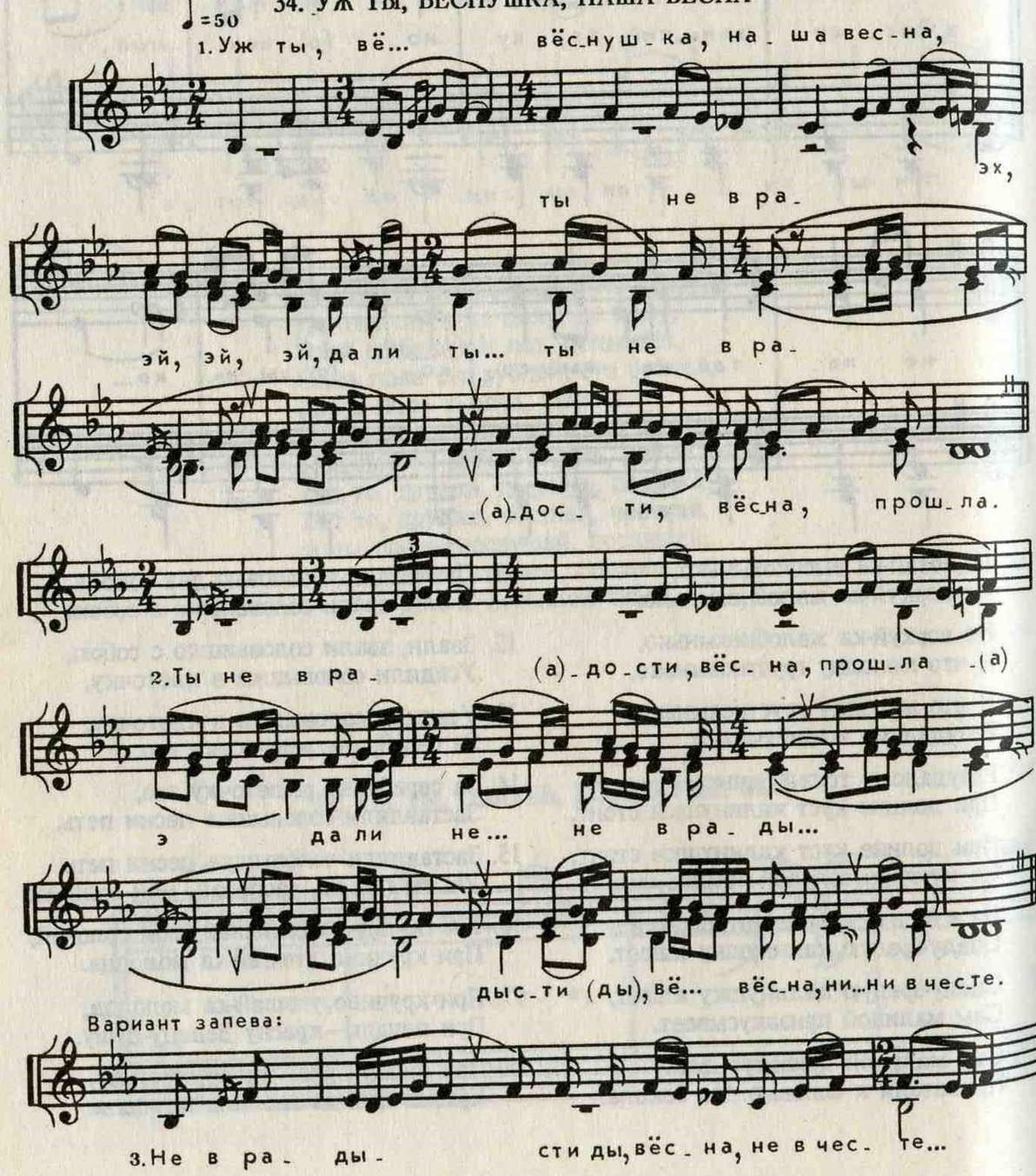
27. Кленову стрелу накладывает.
Кленовой стреле наказывает:

28. Кленовой стреле наказывает,
Ты лети, лети, кленовая стрела,

29. Ты лети, лети, кленовая стрела,
Выше леса, выше темненького.

30. Выше леса, выше темненького,
Выше садику зелененького.

34. УЖ ТЫ, ВЁСНУШКА, НАША ВЁСНА



1. Уж ты вё... вёснушка, наша вёсна,
Эх, эй, эй, эй, да ли ты... ты не в радости, вёсна, прошла.

2. Ты не в радости, вёсна, прошла,
Э, да ли не... не в рады... дысти (ды), вё... вёсна, ни... ни в чести.

3. Не в радысти ды, вёсна, не в чести...
Эх, да ли во, во великой, большой су... сухоте.

4. Во великой большой сухоте,
Э, уж ты, сад, сад ли мой зе... зеленый садок.

5. Уж ты сад ли мой, зелен садок...
Э, от, да ли от... от чего, о... от чего ты, ох, повял?

6. От чего зелен садок повял,
Эх, да ли в саду Ва... Ванюшка, дру... дружок гулял.

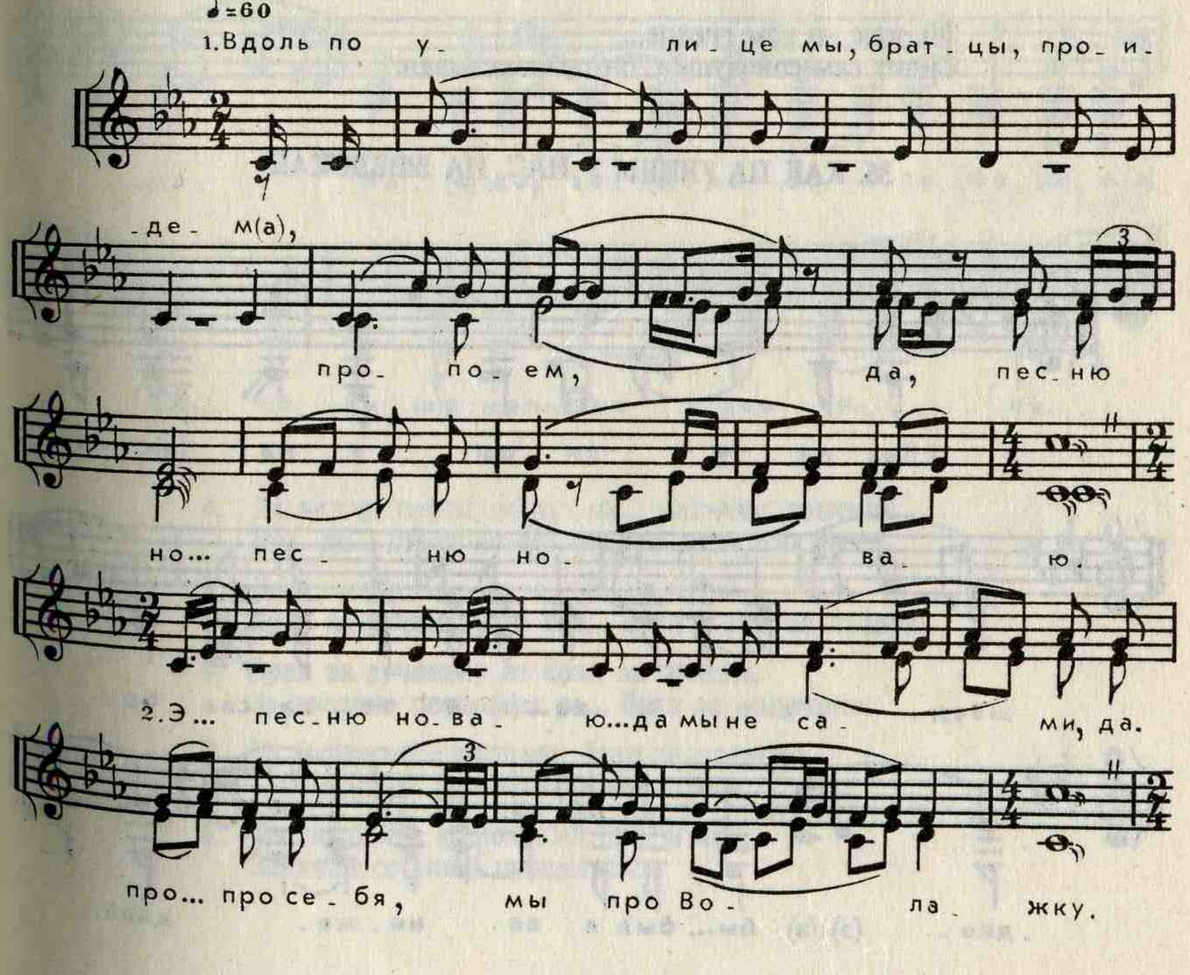
7. В саду Ванюшка, дружок гулял,
Эх, да ли во побе... бедушку Ва... Ваня попал.

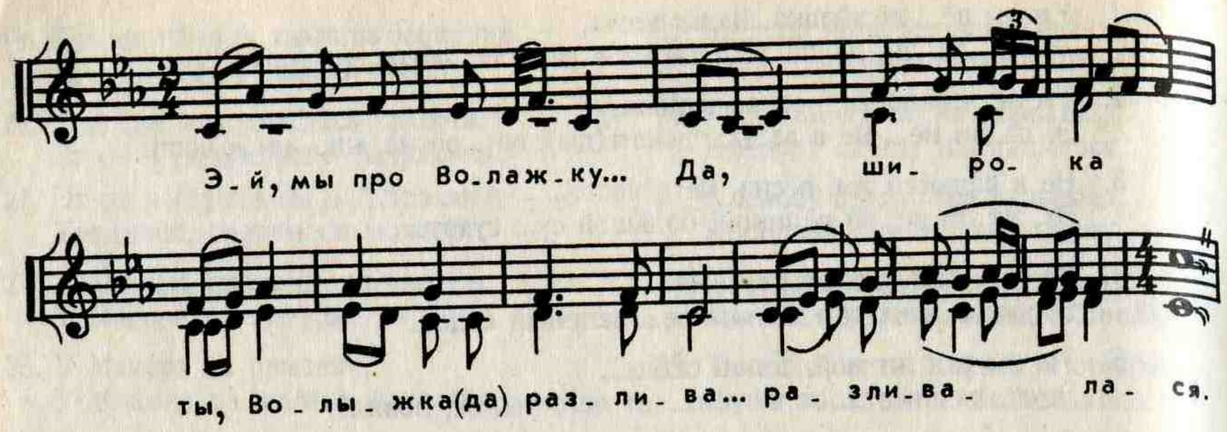
8. Ва победушку Ваня попал,
Эх, да ли во... во победу Ваня во... во беду.

9. Ва победу Ваня, ва беду...
Эх, да ли в бе... в белу ка... каменну Ваню тю... тюрьму.

10. В белу каменну Ваня тюрьму,
Эх, да ли ва... ва тюрьме Ваня си... сидел, он в окошечко глядел.

35. ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ МЫ, БРАТЦЫ, ПРОЙДЕМ





3. Эй, мы про Волажку...
Да широка ты, Волыжка, разлива... ра... разливалася.

4. Эх, разливалася...
Да во круты бережочки, да, ни сбира... ни сбиралася.

5. Эх, не вбиралася...
Ай, не вбиралася, да поняла, да, все горы, долы.

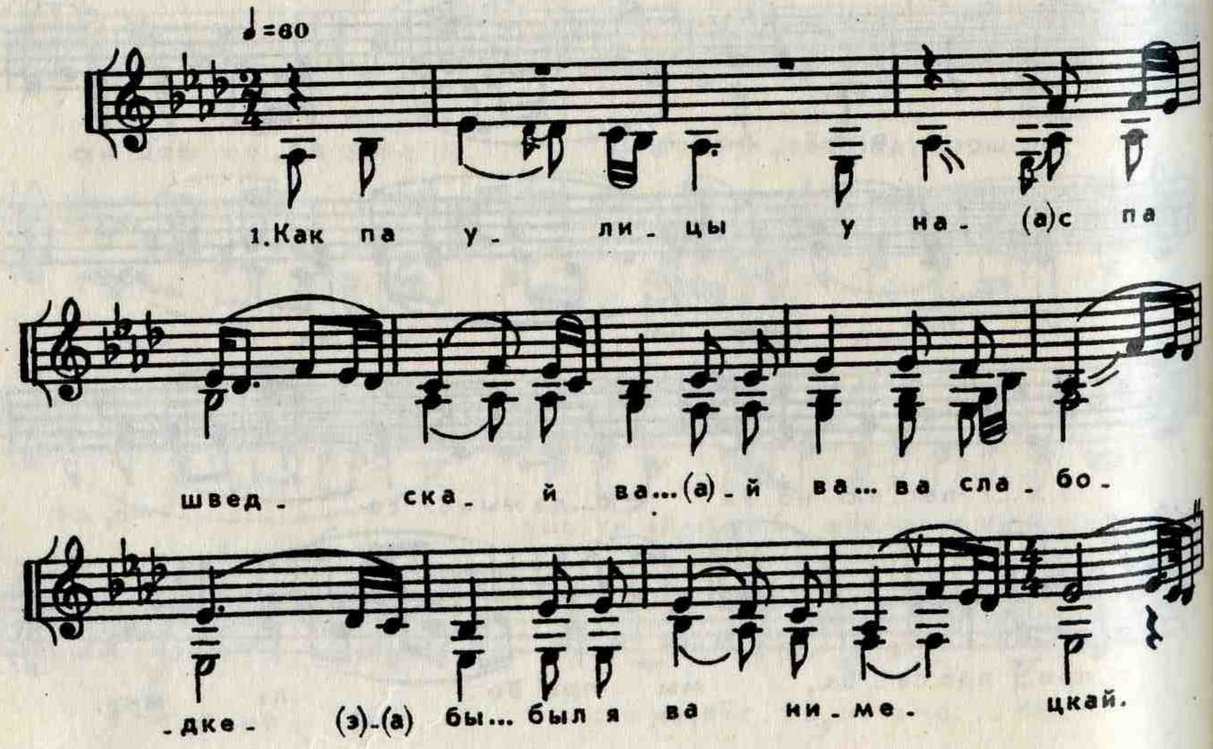
6. Эх, все горы, долы...
Эх, поняла Волыжка, да куст раки... куст ракитовый

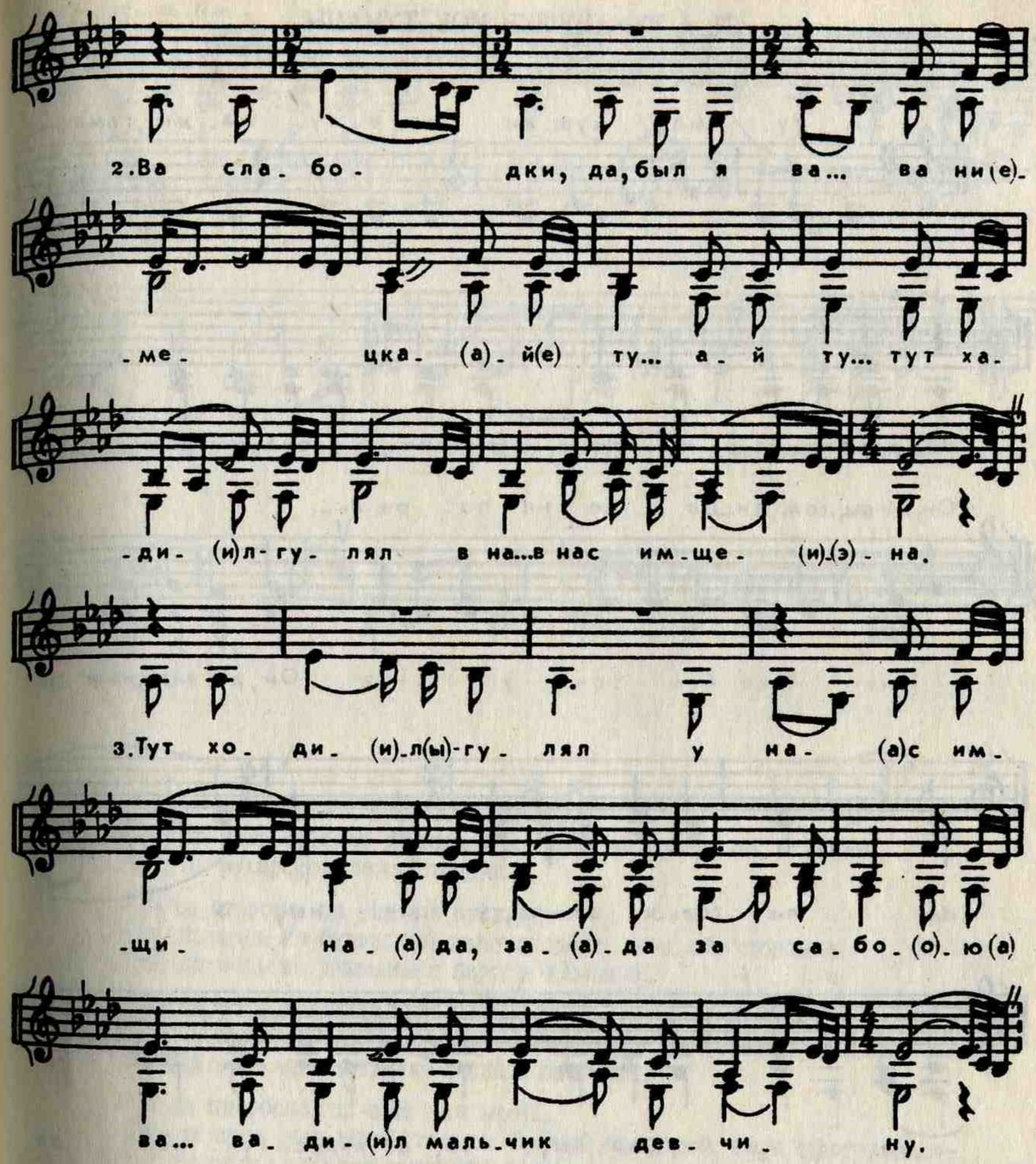
7. Куст ракитовый...
Да как на том кусточке на ракитывам, на ракитывам,

8. Эй, на ракитывам
Был свито гнездышко, да не просто гнездо – соловьиное,

9. Эй, как на том гнезде...
Сидит сам соловушко. он присвыстывал.

36. КАК ПА УЛИЦЫ У НАС, ПА ШВЕДСКАЙ





4. Да вел за собой, водил ма... мальчик девчину,
Де... де... девку-немку ее... ее маладую.

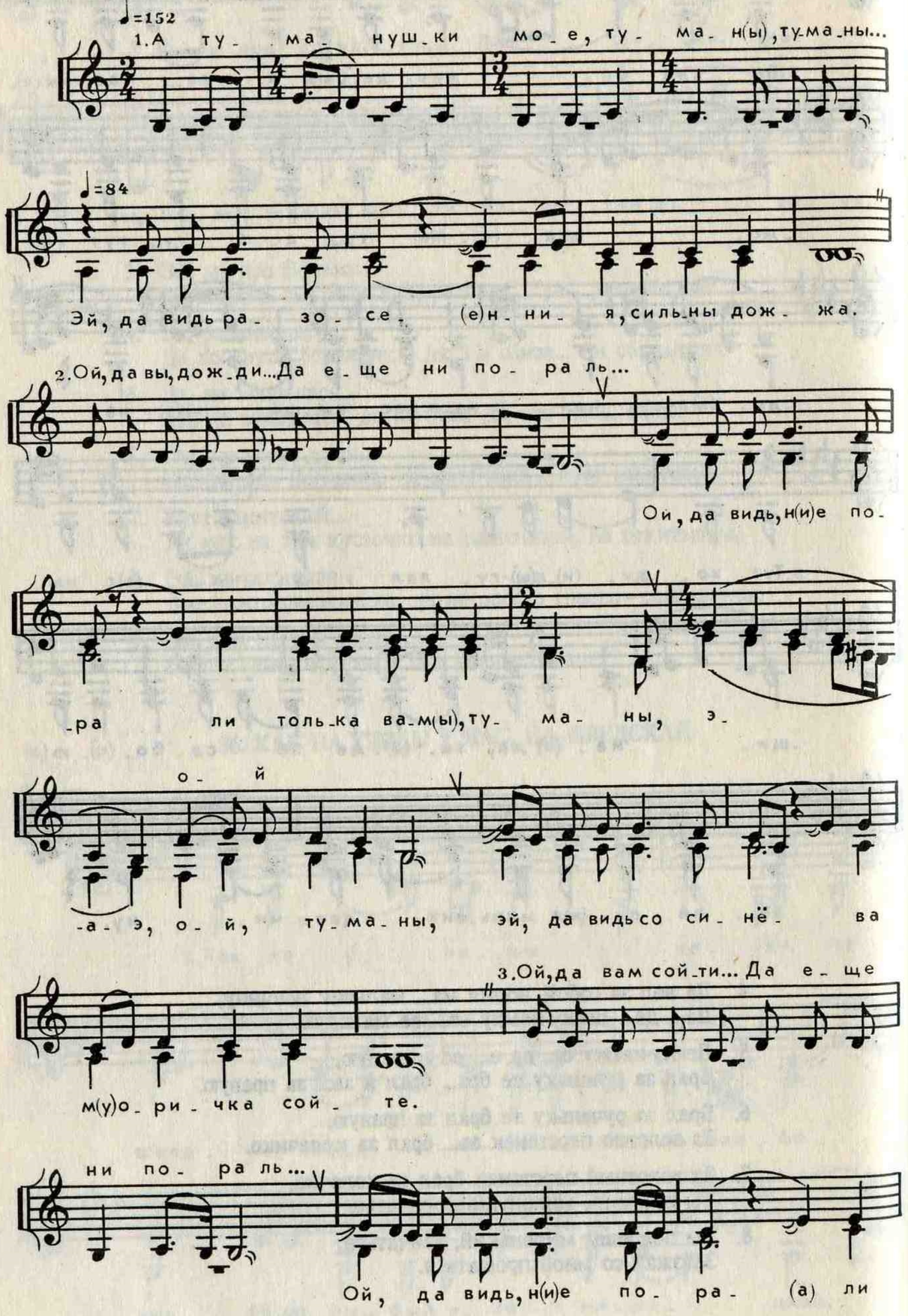
5. Девку-немку ее, да е... ее маладую,
Брал за рученьку ее бра... брал я за... за правую.

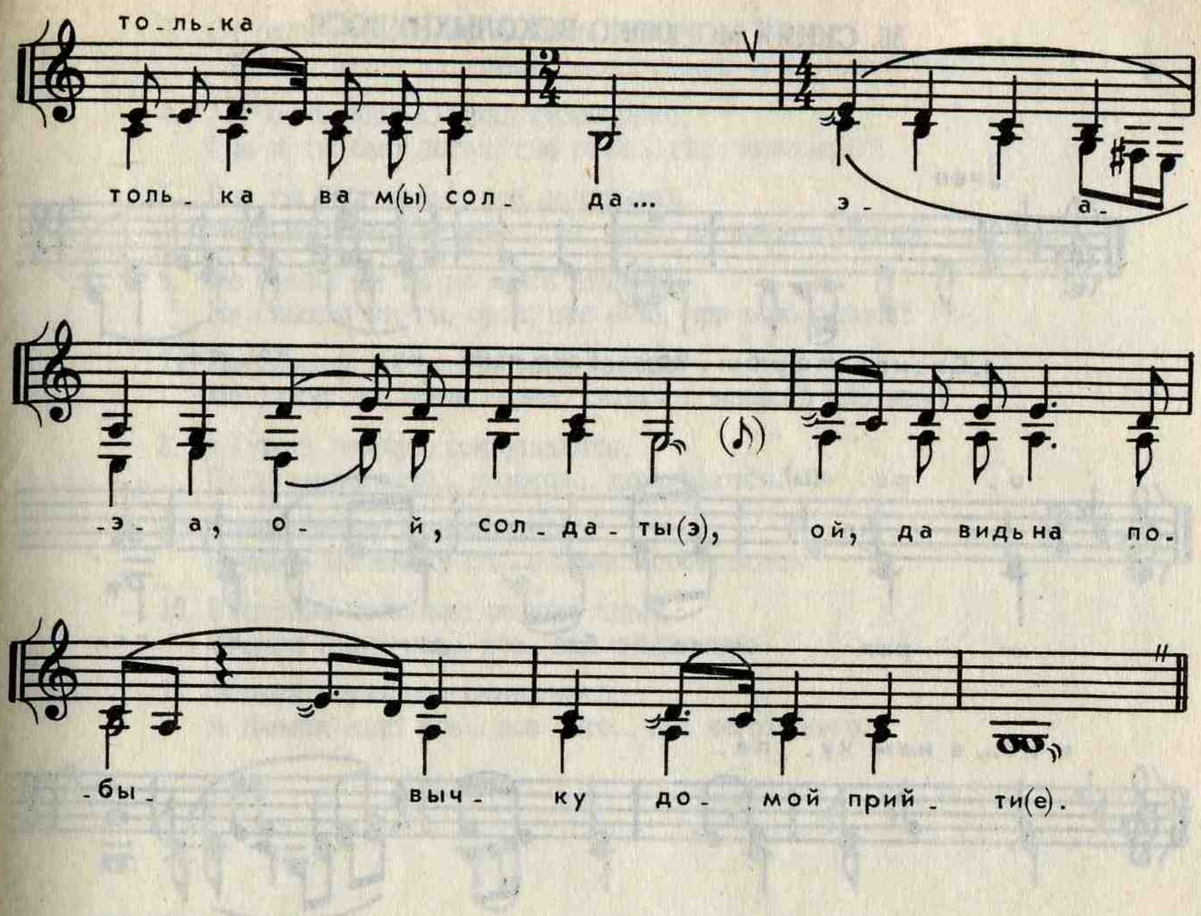
6. Брал за рученьку ее брал за правую,
За золотно перстенек за... брал за колечико.

7. За золотный перстенек брал за колечко,
Ты поедешь, миленький, венчаться.

8. Ты поедешь, миленький, венчаться,
Заезжай со мной прощаться.

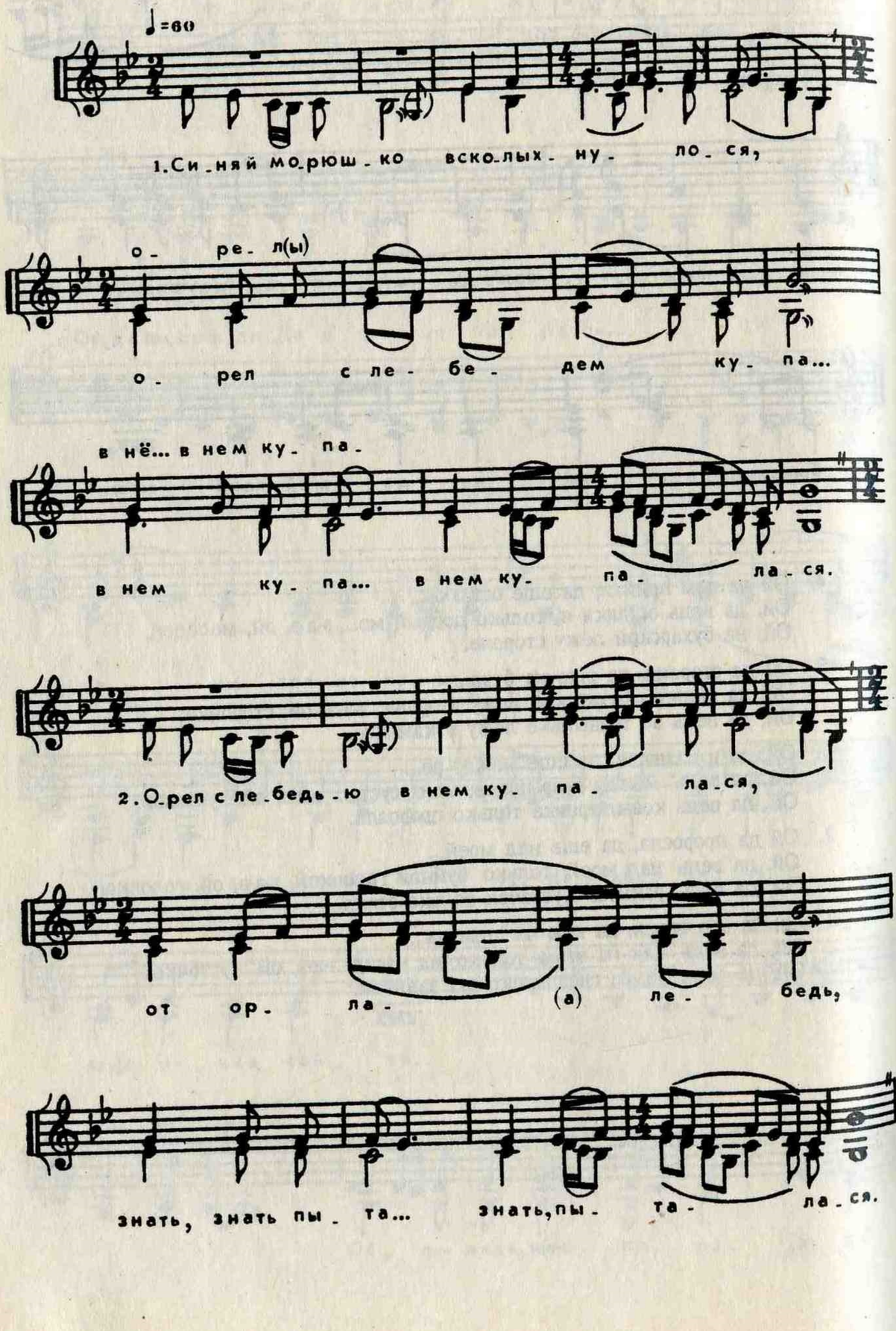
37. А ТУМАНУШКИ МОЕ, ТУМАНЫ





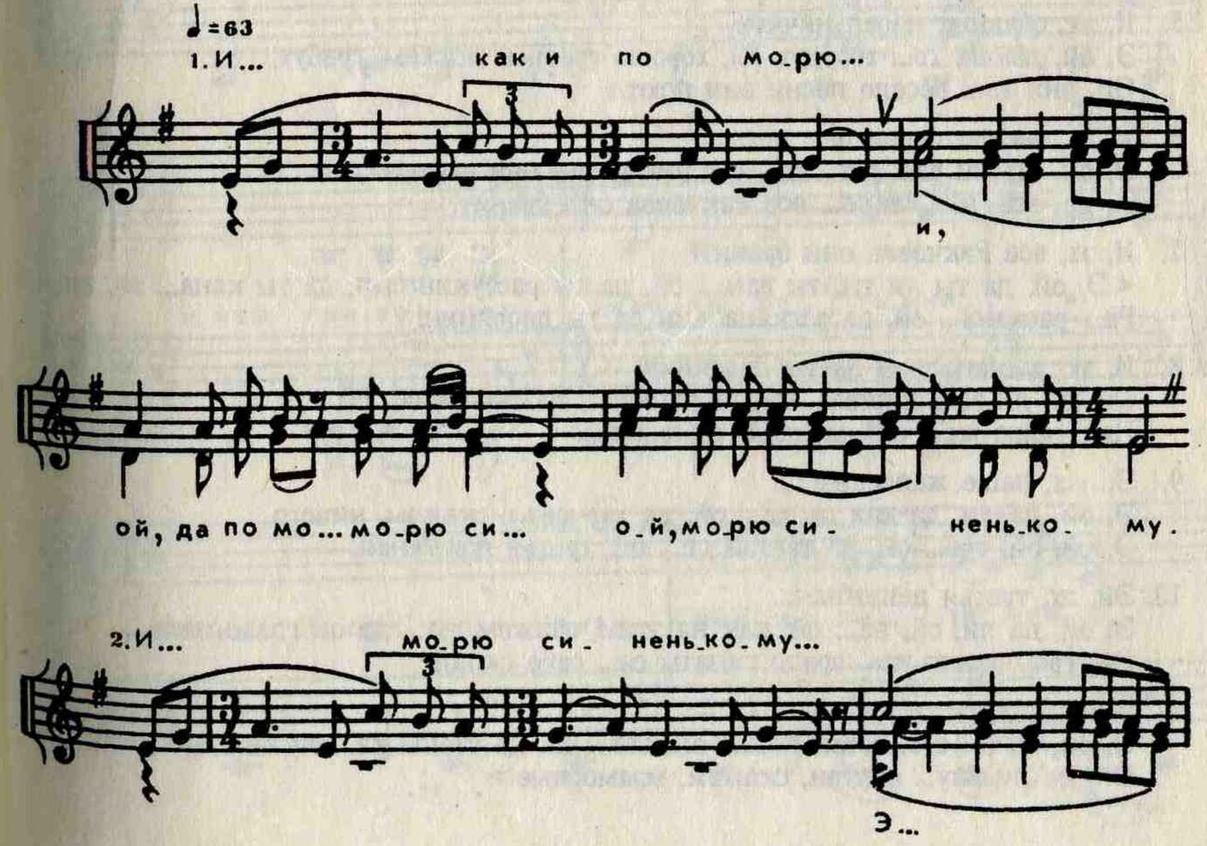
4. Ой да вам прийти, да еще остаюсь...
   Ой, да ведь остаюсь я, только добрый мо... э-а-э, ой, молодец,
   Ой, на бухарской лежу стороне.
5. Ой да стороне, да еще на буха...
   Эй, да ведь на бухарской лежу стороне, э-а-э, ой, сторонке,
   Ой, да ведь во травыньке лежу в камыше.
6. Ой, да в камыше, да еще между рё...
   Ой, да ведь между рёбрышков, моих суста... э-а-э, ой, суставов,
   Ой, да ведь ковыл-травка только проросла.
7. Ой да проросла, да еще над моей...
   Ой, да ведь над моей только буйной головкой, э-а-э, ой, головкой,
   Эй, да ведь ракитов кусточек только стоял.
8. Он да все стоял, да как на этом на...
   Ой, да ведь как на этом только на кусту, э-а-э, ой, кусточке,
   Эй, да ведь ремез гнездышко тут завивал.

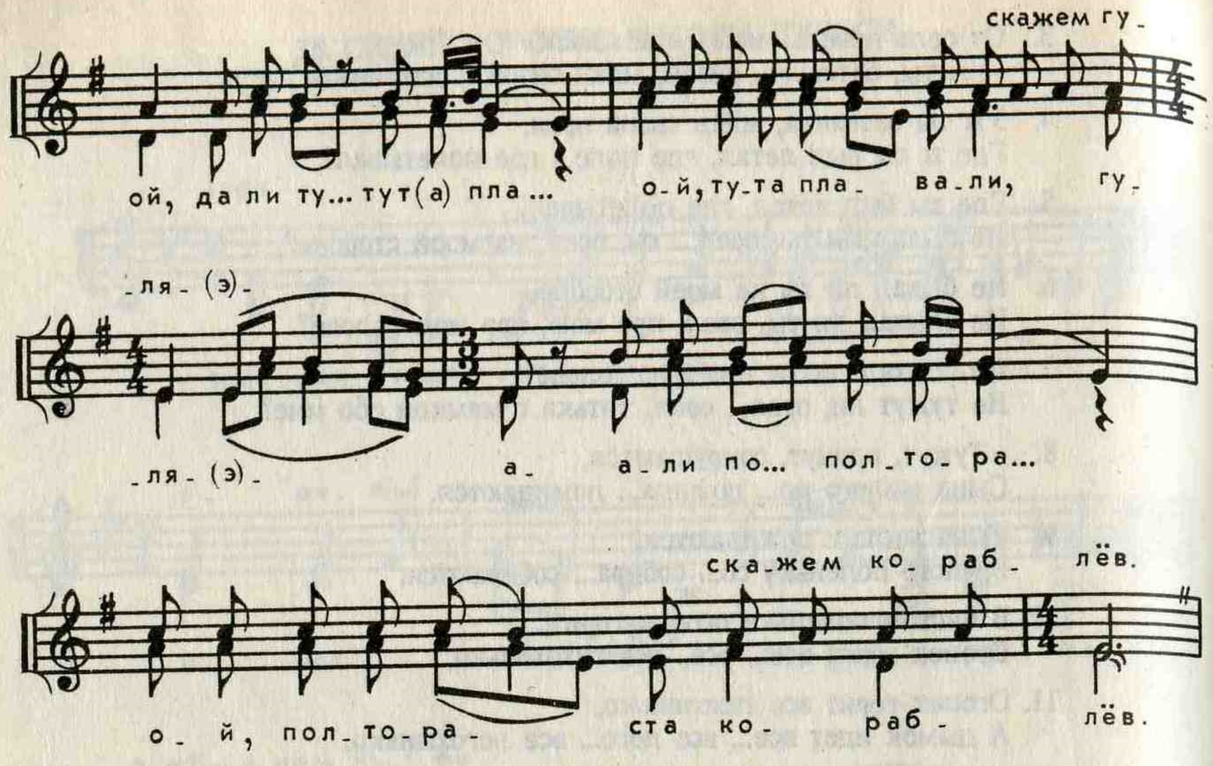
38. СИНЯЙ МОРЮШКО ВСКОЛЫХНУЛОСЯ



3. От орла лебедь, знать, пыталася:
–Уж ты, батюшка, сизой, млад сизой, млад сизой орел.
4. Уж ты батюшка, млад сизой орел,
Где ж ты был летал, где поле... где полетывал?
5. Где ты был летал, где полетывал,
Не бывал ли ты, орел,.. ты, орел, на моей стороне?
6. Не бывал ли ты на моей стороне,
Не слыхал ли ты, орел, про мою, про мою голове?
7. Не слыхал ли ты про мою голове?
Не тужут ли, орел,.. орел, тятька с мамкой обо мне?
8. – Тужут, плачут, сокрушаются,
Сына милого до... дожида... дожидаются.
9. Сына милого дожидаются,
В чисто поленьку со... собира... собираются.
10. В чистом поленьке огонек горит,
Огонек горит все... все.. все тихохонько.
11. Огонек горит все тихохонько,
А дымок идет все... все лего... все легохынько.

39. И КАК И ПО МОРЮ, МОРЮ СИНЕНЬКОМУ





3. И... эх, полтораста, скажем, кораблев...
   Э... ой, да ли ка... как на ка... ой, как на каждом кораблёчке
   По... по пяти... ой, по пятисот мо... молодцов.

4. И... э, по пятисот, скажем, молодцов...
   Э, ой, да ли сла... славных пе... ой, славных песельничков,
   Ой, сла... славных пе... ой, да славных песельничков.

5. И, эх, славных песельничков,
   Э, ой, да ли, хо... хорошо, ой, хорошо гребцы, скажем, гребут,
   Ой, они ве... весело песни они поют.

6. И, эх, весело песни они поют...
   Э, ой, да ли ра... разгово... ой, разговоры они говорят,
   А, да, всё, всё Ракче... все Ракчеева они бранят.

7. И, эх, все Ракчеева они бранят:
   ≪Э, ой, да ты ли ты, ты расс... ой, да ты рассукин сын, да ты кана... эй, алья,
   Ра... раскана... ой, да расканальин да ты дворянин!

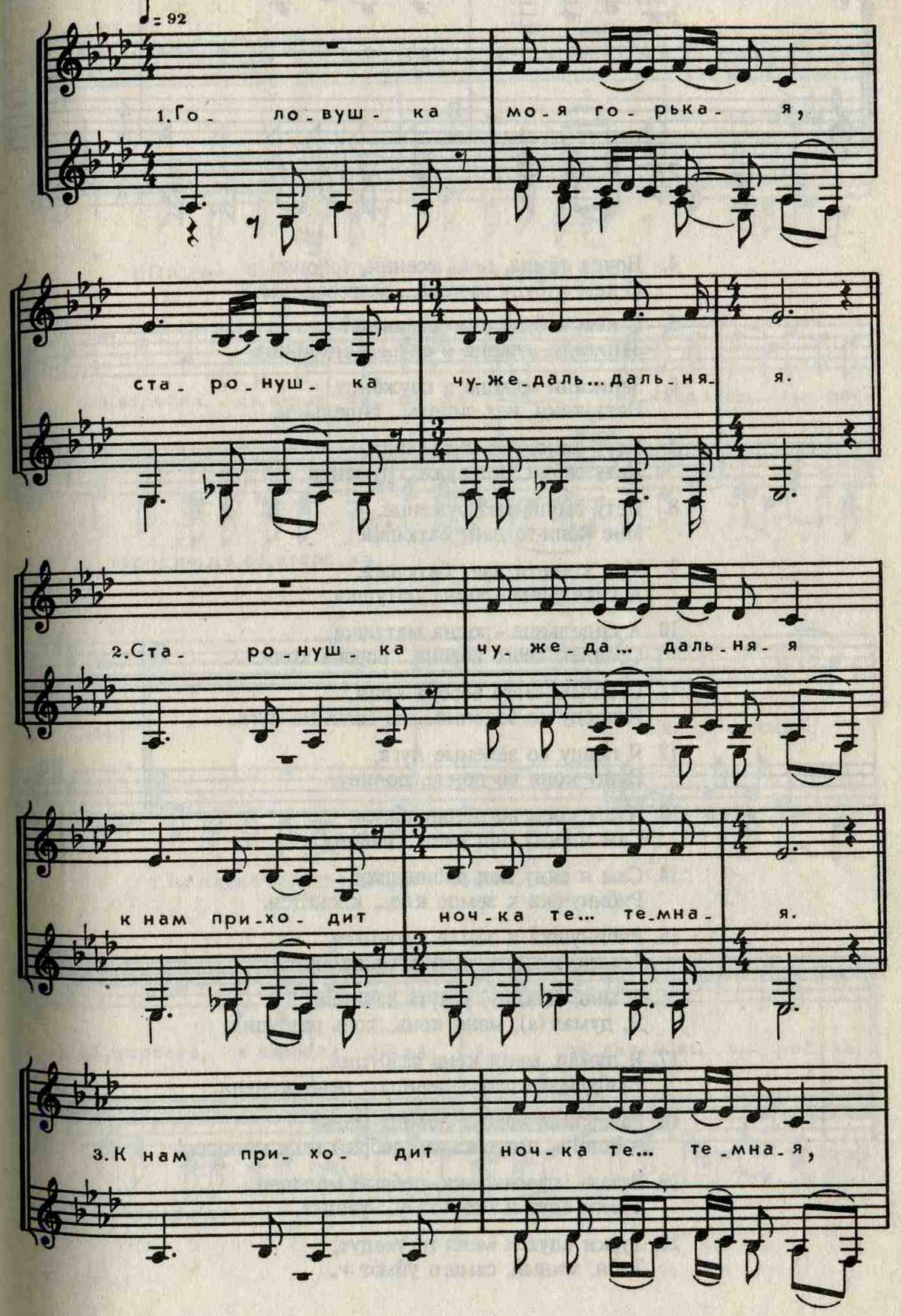
8. И, эх, расканальин да ты дворянин,
   Ой, да ли за... запива... ой, да запивал, да ты заеда... (э).. ал
   На... наше жа... ой, да наше жалованье.

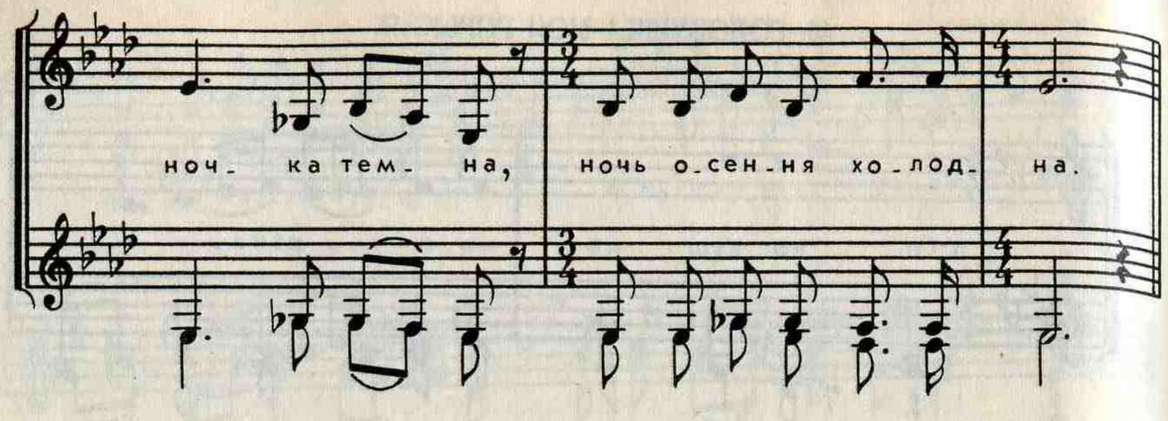
9. Э... эх, наше жалованье...
   Э, ой, да ли, да как он ха... ой, да харчевал, скажем, ничего,
   Э, ой, ой, тре... ой, да третья де... ой, третья денежная.

10. Эй, эх, третья денежная...
    Э, ой, да ли, ой, на... ой, как на этим, скажем, на... да он градо пали...
    Ой, гра... градо па... градо палаты се... себе склал.

11. И, эх, палаты склал...
    Э, ой, да ли сте... стены ка... ой, сте... ой, да стены ка... эй каменны,
    Ой, да ли вну... внутри, скажем, мраморные ≫.

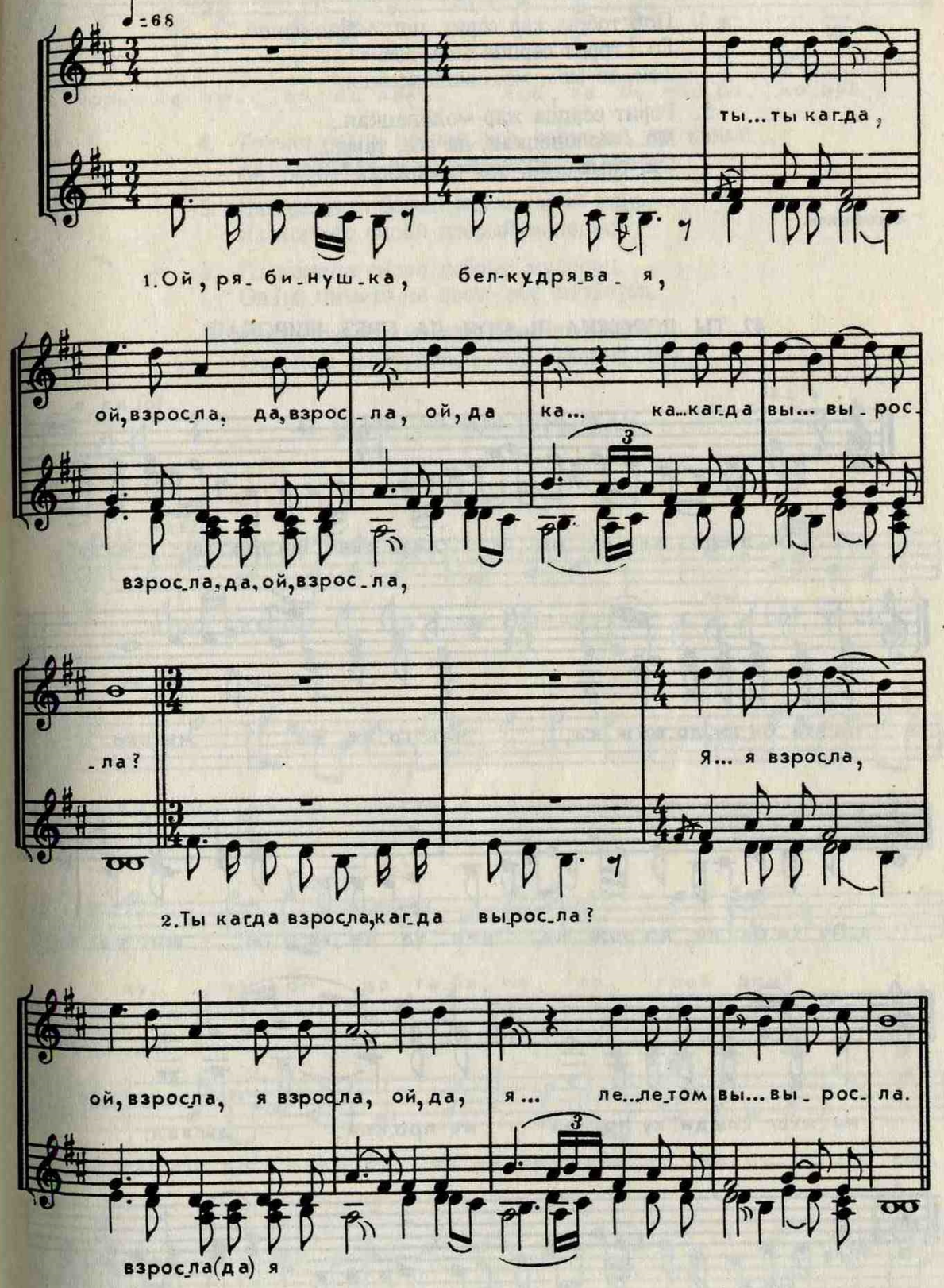
40. ГОЛОВУШКА МОЯ ГОРЬКАЯ





4. Ночка тёмна, ночь осенняя, холодна.
   С кем я буду разгова... разговаривать?
5. С кем я буду разговаривать?
   Записали младца в слу... в службицу.
6. Записали младца в службицу,
   Нету коня, нет сидель... сидельица.
7. Нету коня, нет сидельица,
   Нету сабли, нет руже... ружеица.
8. Нету сабли, нет ружеица,
   Мне коня-то дает батюшка.
9. Мне коня-то дает батюшка,
   А сидельица – родна матушка.
10. А сидельица – родна матушка,
    Оседлаю свого ворона... ворона коня.
11. Оседлаю свого ворона коня,
    Я поеду во зеленые... во зеленые луга.
12. Я поеду во зеленые луга,
    Пущу коня во доли... долину.
13. Пущу коня во долинушку,
    Сам я сяду под ряби... рябину.
14. Сам я сяду под рябинушку,
    Рябинушка к земле кло... клонится.
15. Рябинушка к земле клонится,
    А мне, младцу, уснуть хо... хочется,
16. А мне, младцу, уснуть хочется,
    Я, думал (а), меня конь...конь разбудил.
17. Я думал, меня конь разбудил,
    Разбудила красна девица... девица меня.
18. Разбудила красна девица меня:
    ≪Встань, проснись-ка, добрый мо... молодец!
19. Встань, проснись-ка, добрый молодец,
    Турки едут и меня-то у... уведут.
20. Турки едут и меня-то уведут,
    Тебя, милый, самого убьют ≫.

41. ОХ, РЯБИНУШКА, БЕЛКУДРЯВАЯ



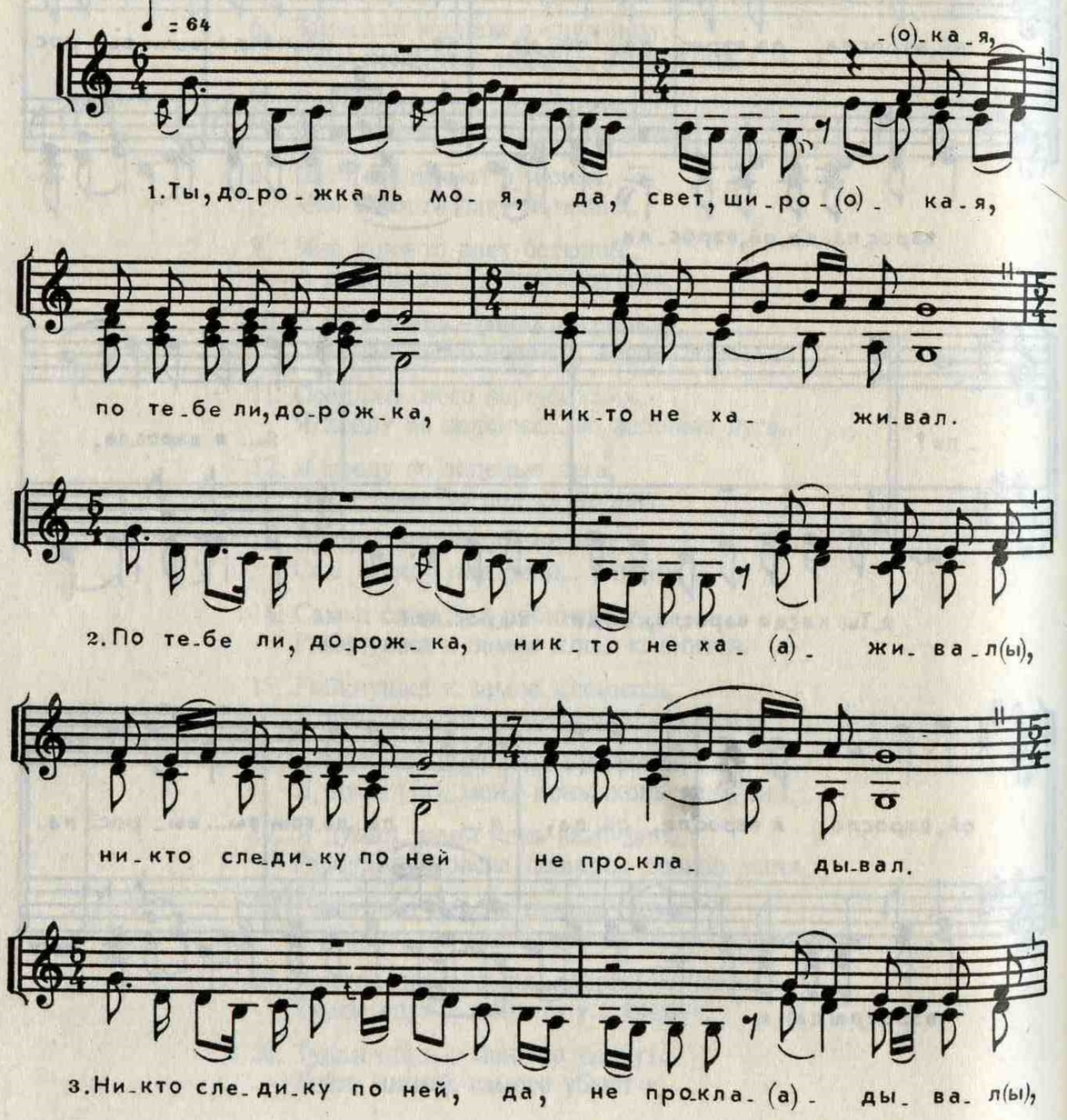
3. Я вясной взросла, летом выросла...
Под тобою жар... жар горит,
Ой, это по... под рябинушкой.

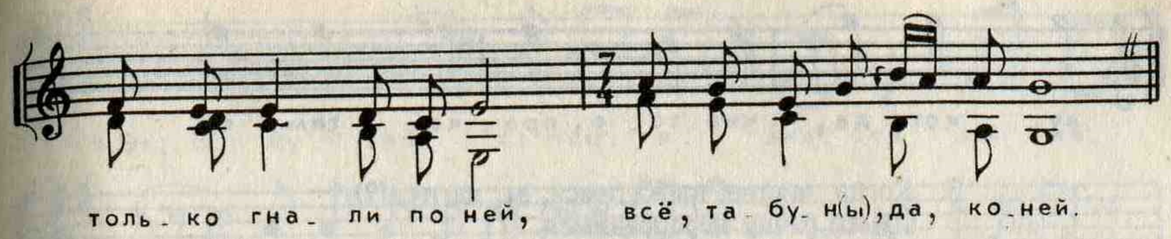
4. Под тобою жар горит, под рябинушкой,
Го... горит сердца жар, горит.
Той, то мо... мо... молодецкая.

5. Горит сердца жар молодецкая...
Мо... молодецкая, да все, тама...
Ой, тама... ой, все таманская*.

* Атаманское.

42. ТЫ, ДОРОЖКА ЛЬ МОЯ, ДА, СВЕТ, ШИРОКАЯ





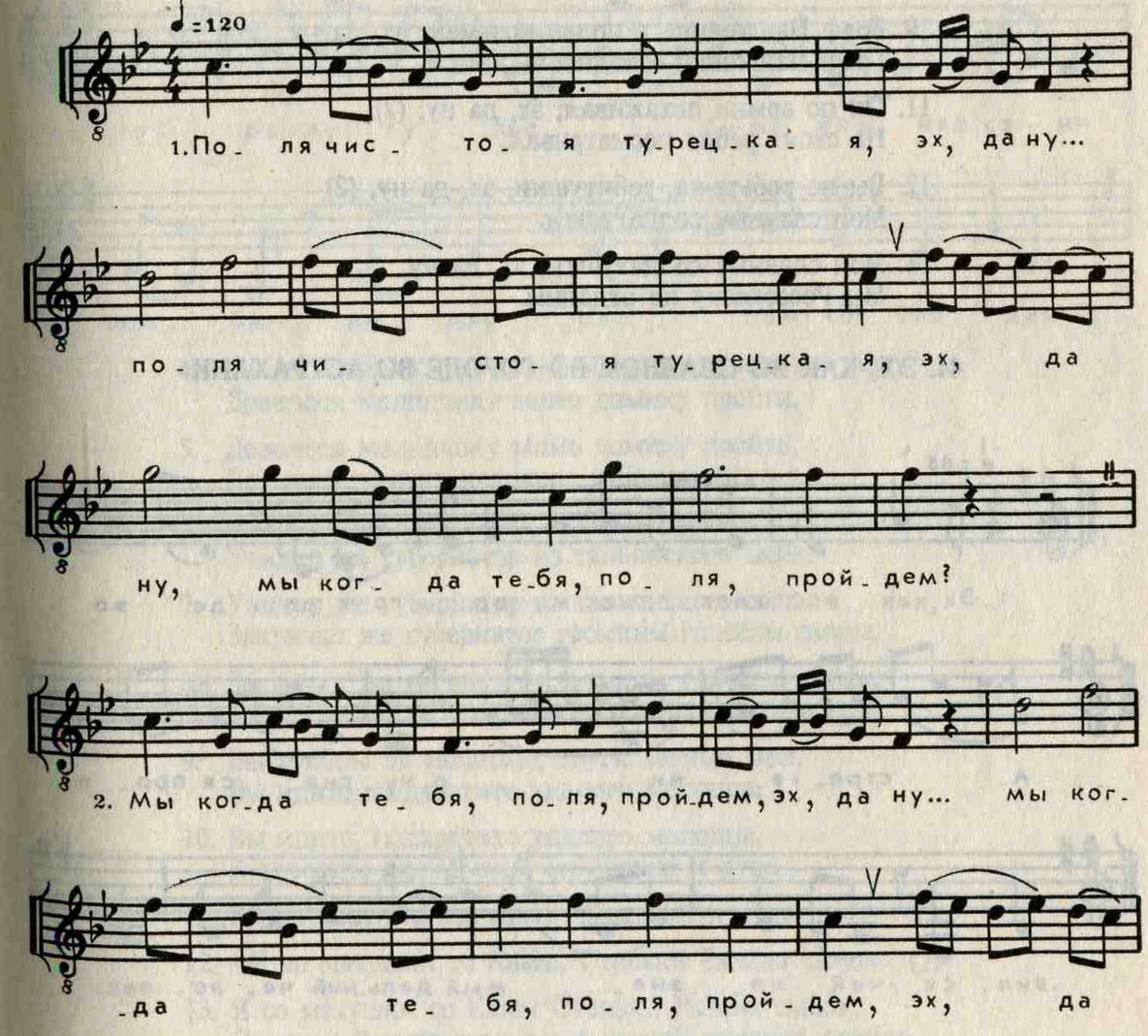
4. Только гнали по ней, всё, табун (ы), да, коней,
На переди-то бежал жемчугарый конь.

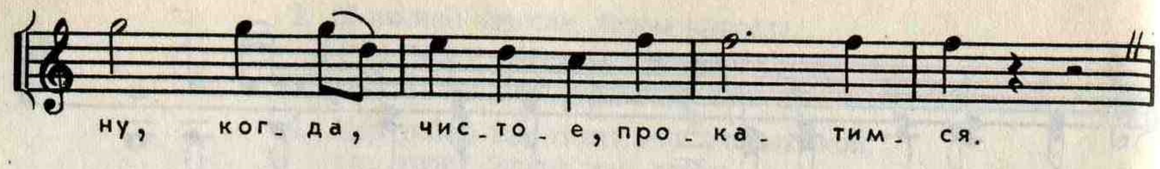
5. Напереди-то бежал жемчугарый конь,
На коне-то сидел добрый молодец.

6. На коне-то сидел добрый молодец,
Он (ы) пить-то не пьет – все шатается,

7. Он (ы) пить-то не пьет – все шатается,
Под ним жемчугарый конь спотыкается...

43. ПОЛЯ ЧИСТОЯ ТУРЕЦКАЯ





3. Когда, чистое, прокатимся, эх, да ну, (2)
Дунай речку переправимся.

4. Дунай речку переправимся, эх, да ну, (2)
Мы сойдемся с неприятелем.

5. Мы сойдемся с неприятелем, эх, да ну, (2)
Со такой ордой неверною.

6. Неверною, некрещеною, эх, да ну,
Со турецким славным корпусом.

7. Со турецким славным корпусом, эх, да ну, (2)
Эх, злые турки соезжалися.

8. Злые турки соезжалися, эх, да ну, (2)
Да эх, с похмелюшки восхвалялися.

9. Мы Россеюшку насквозь пройдем, эх, да ну, (2)
Граф Пашкевича в полон возьмем.

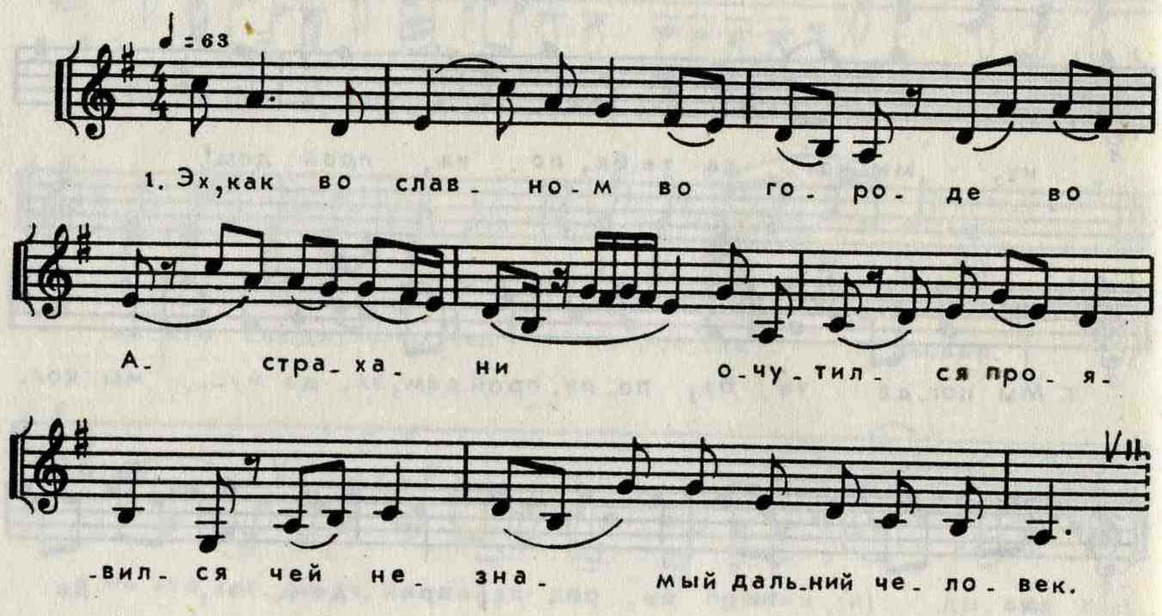
10. Граф Пашкевича в полон возьмем, эх, да ну, (2)
Граф Пашкевич соводитель наш.

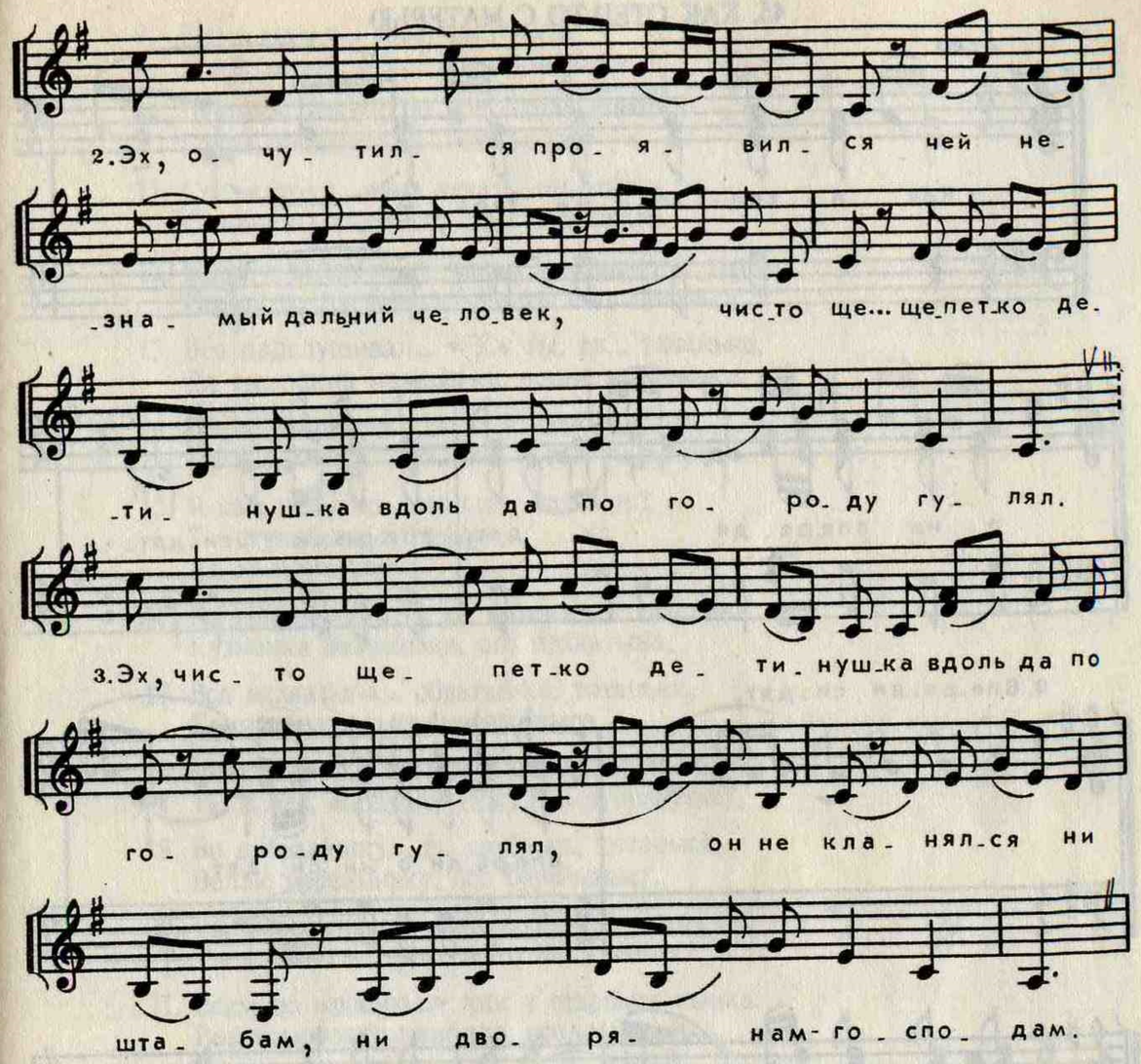
11. Он по армии похаживал, эх, да ну, (2)
На своих ребят посматривал.

12. Вы не робьте-ка, ребятушки, эх, да ну, (2)
Мои славные солдатушки.

13. Мои славные солдатушки, эх, да ну,
Мы Россеюшку не отдадим.

44. ЭХ, КАК ВО СЛАВНОМ ВО ГОРОДЕ ВО АСТРАХАНИ





4. Он не кланялся ни штабам, ни дворянам-господам,
Довелося молодчику мимо домику пройти.

5. Довелося молодчику мимо домику пройти,
Да мимо домику крашена, губернаторского.

6. Мимо домику крашена, губернаторского,
Увидал же губернатор из тальянского окна.

7. Увидал же губернатор из тальянского окна,
Закричал же губернатор громким голосом своим.

8. Закричал же губернатор громким голосом своим:
– Вы холопы ль молодые, слуги верные мои.

9. Вы холопы ль молодые, слуги верные мои,
Вы идите, подхватите удалого молодца.

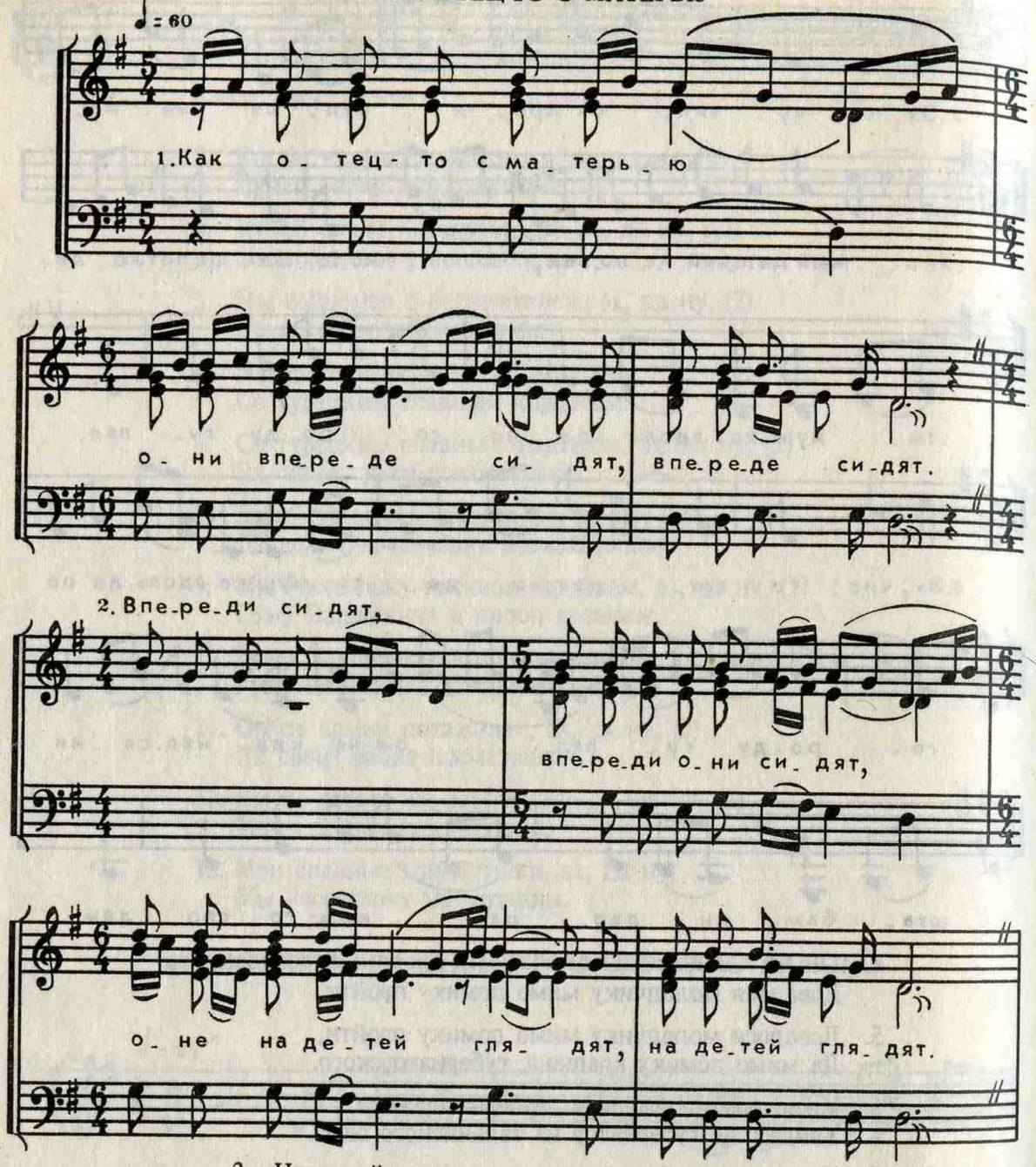
10. Вы идите, подхватите удалого молодца,
И спросите молодчика, он откуда и куда.

11. Вы спросите молодчика, он откуда и куда, (2)

12. – Я со матушки со Камы, Стеньки Разина сынок. (2)

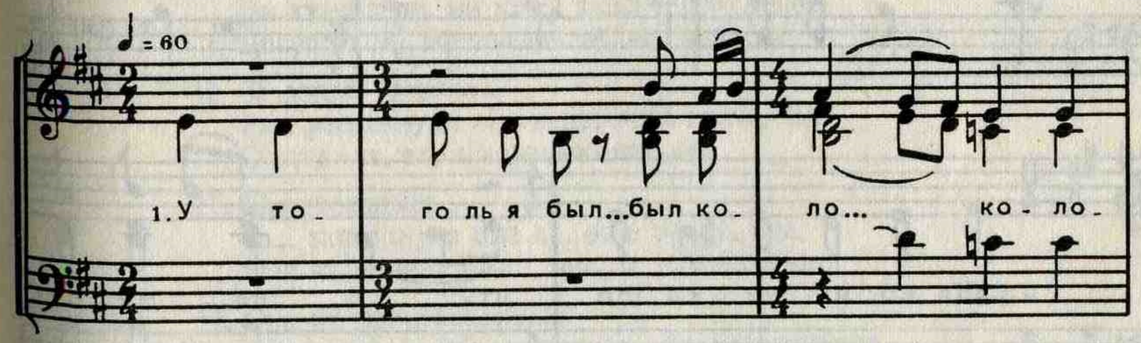
13. Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынок,
Стеньки Разина сыночек в легкой лодочке прибег.

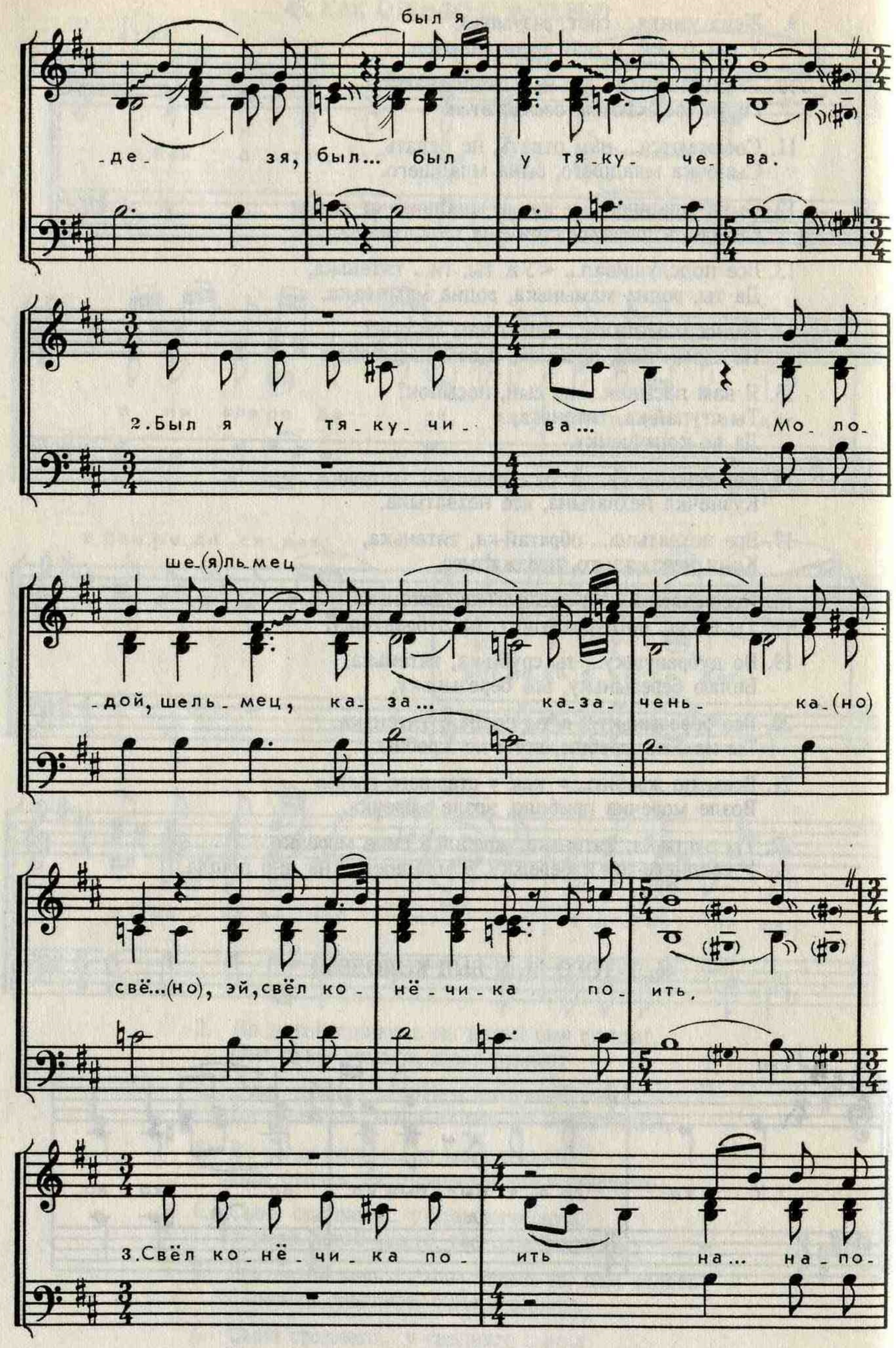
45. КАК ОТЕЦ-ТО С МАТЕРЬЮ

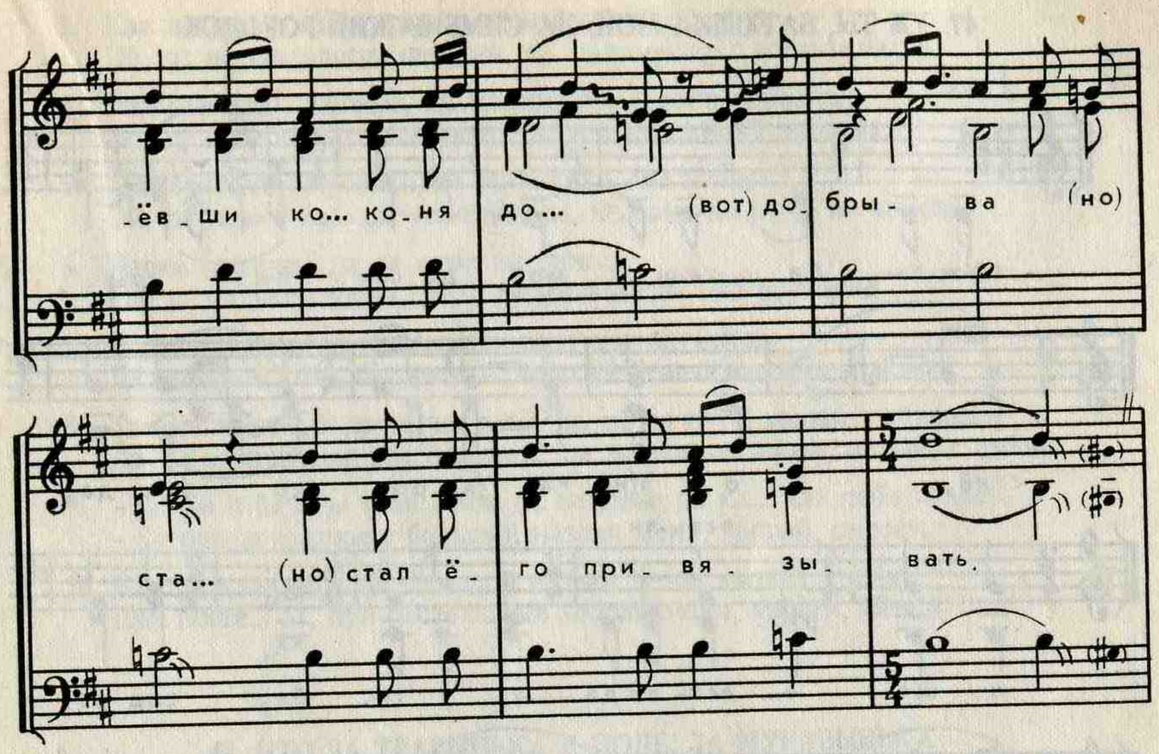


3. На детей глядят... на детей они глядят,
   Оне думу думают, думу думают
4. Думу думают ..: ≪Нам которого сынка,
   Да которого сынка отдать во солдатушки,
5. Во солдатушки... во молоденьки.
   Нам отдать, не отдать сыночка старшего.
6. Сына старшего... у старшего сына,
   У него детей много, все детей много.
7. Все детей много... нам отдать-то, нам отдать
   Сыночка среднего, сына среднего.
8. Сына среднего... у среднего сынка
   У него жена умная, жена умная.
9. Жена умная... свет, разумная,
   У нас о ней, о ней люди знаются.
10. Люди знаются... по ней люди знаются
    Гости соезжаются, соезжаются.
11. Соезжаются... нам отдать, не отдать
    Сыночка младшего, сына младшего.
12. Сына младшего...» как и младший-от сынок
    Сынок за дверьми стоял да подслушивал.
13. Все подслушивал... ≪Уж ты, тя... тятенька,
    Да ты, родна мамынька, родна мамынька,
14. Родна мамынька... или я вам не сын?
    Не сын я вам, пасынок, я вам пасынок.
15. Я вам пасынок... не сын, пасынок?
    Ты ступай-ка, тятенька,
    Да во конюшенку,
16. Во конюшенку... а ты возьми-ка, тятенька,
    Кузнечка нехватына, все нехватына,
17. Все нехватына... обратай-ка, тятенька,
    Коня неезжалыго, неезжалыго,
18. Неезжалыго... ты поезжай-ка, тятенька,
    Ты в лес, во дубравушку, во дубравушку,
19. Во дубравушку... ты сруби-ка, тятенька,
    Белаю березыньку, все березыньку,
20. Все березыньку... а ты сделай, тятенька,
    Ты нам по жребию, всем по жребию.
21. Всем по жребию...» как у старшего сынка
    Возле моречка прибило, возле моречка.
22. Ты пусти-ка, тятенька, жребий в сине моречко
    У среднего-то – к бережку, у младшего – на дно пошла.

46. У ТОГО ЛЬ Я БЫЛ КОЛОДЕЗЯ







4. Стал ёго привязывать...
   При... привязавши... ко... коня до... вот добрыва, (но)
   Ста... (но), стал ёму наказывать.

5. Стал ёму наказывать...
   На... наказавши ко... коня добрыва, (но)
   Вплоть (э) вплоть до тою до поры.

6. Вплоть до тою до поры...
   До... до того времечка, вот, времечка, (но)
   Вплоть (эй), вплоть до белаю зари.

7. Вплоть до белай до зари...
   Вплоть до белаю зари... ни бела ли она на... наша
   Во... вот зоренька ладо... эх, зоря.

8. Заря занималася...
   Заря занималася... ни, ни красно ли, (но) кра... красно со
   Вот солнышко и, эх, из горы выкатилося.

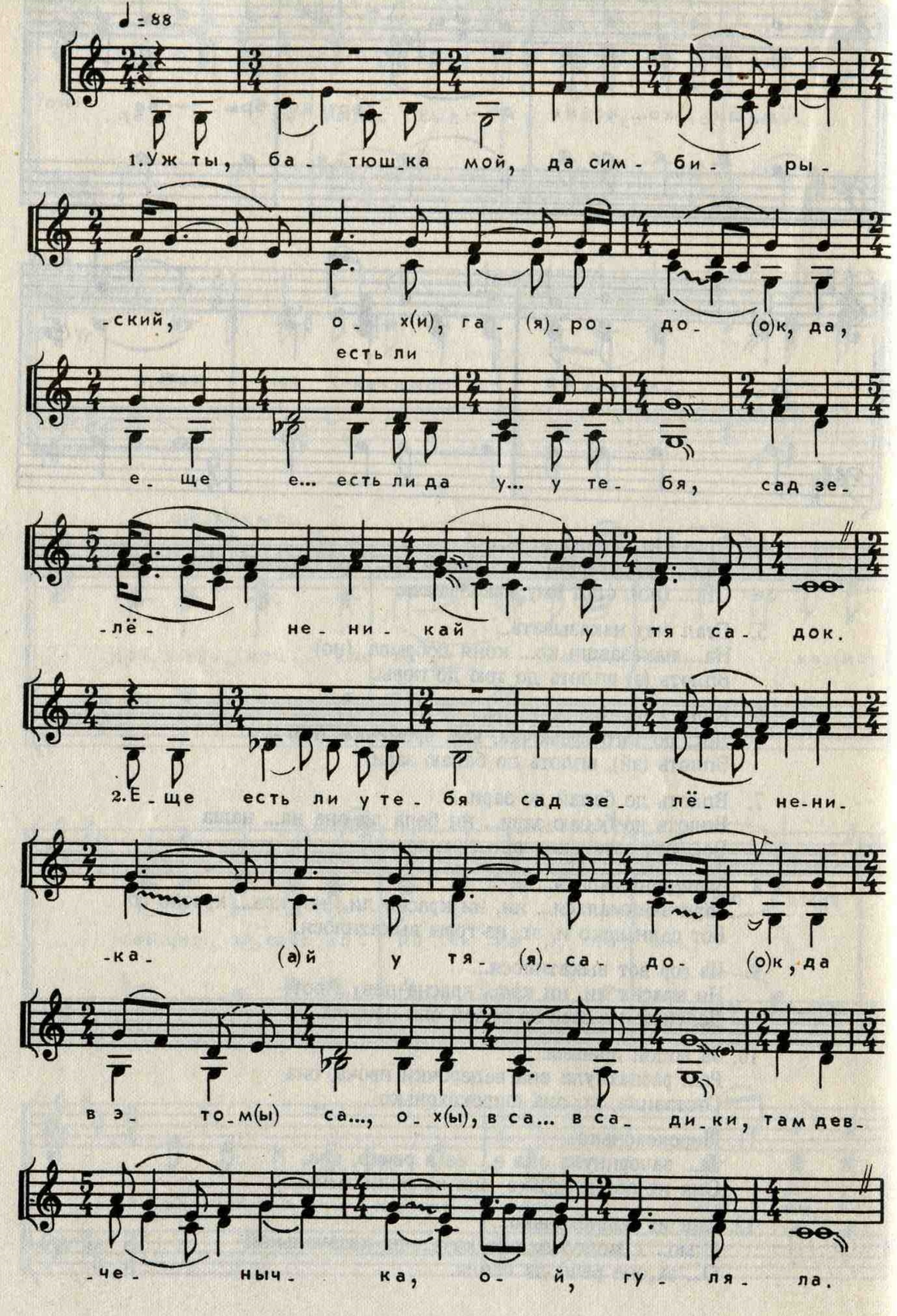
9. Из гор вот выкатилося...
   Ни красна ли, ни кра... красна деву... вот,
   Девушка на заре за водой она пришла.

10. За водой пришла...
    Ра... распахнула она ведерочки прочь, она
    Отставила, эх, она широкохонько.

11. Широкохонько...
    За... зачерпнула она е... ее в речке, она,
    Она их полнёхынько, она их полнёхынько,

12. Она их полнёхонько...
    С мо... с молодым она каза... да казаченькой
    О... эх,она речи да баила.

47. УЖ ТЫ, БАТЮШКА МОЙ, ДА СИМБИРСКИЙ ГОРОДОК



3. Как во этом садике там девчонычка, ой, гуляла,
Ой, да раскрасавица, шельма, да малинушку с милым брала.

4. Раскрасавица, шельма, да малинушку с милым брала,
Ой, да она брать-то всё брала, да немножко она набрала.

5. Она брать-то все брала, да немножко она набрала,
Ой, да девке ка... ох, кажется, да, не сама ли сто... не стояла.

6. Девке кажется, да не сама ли стояла,
Ой, да только стояла, да, с размиленьким она дружком.

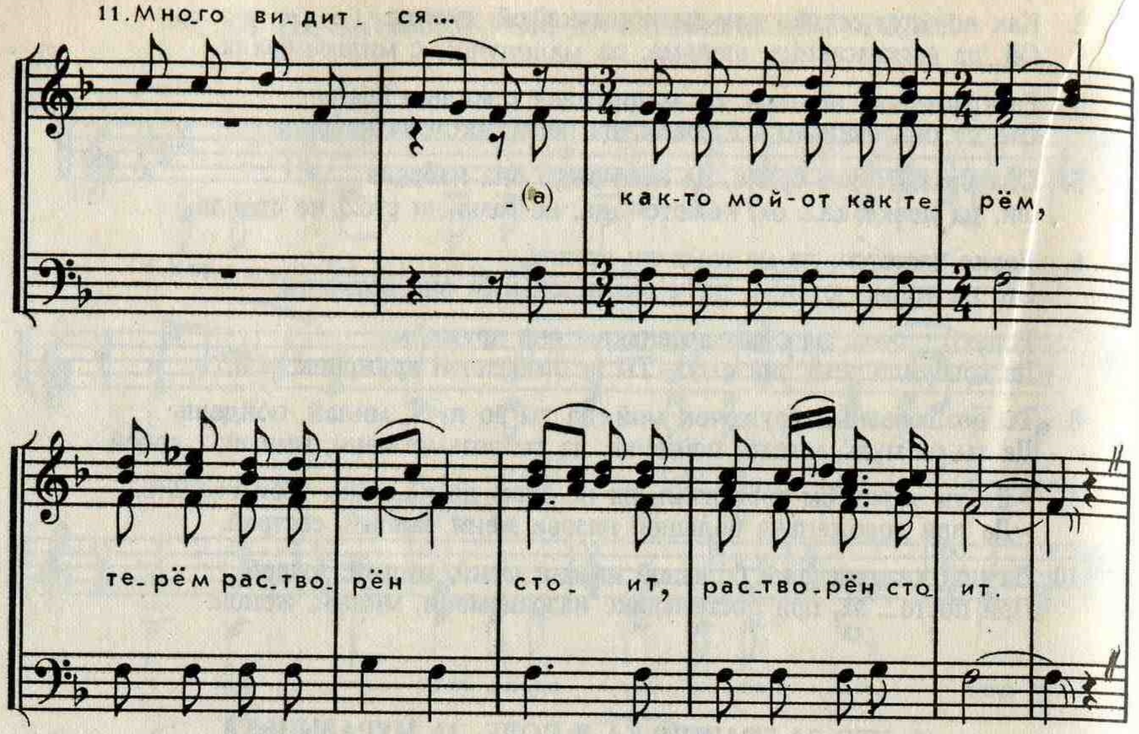
7. Только стояла да с размиленьким она дружком,
Да говорила речь она ему: – Ты возлюбезный дружочек мой,

8. Ты возлюбезный дружочек мой, да ты во путь, милай, пойдешь
Да ты во путь, милай, пойдешь, да ты возьми меня, милый, с собой.

9. – Да уж я рад бы тебя взял, да не знаю, да ка... как тебя назвать.
– Да при дороженьке большой назови меня, милый, сестрой.

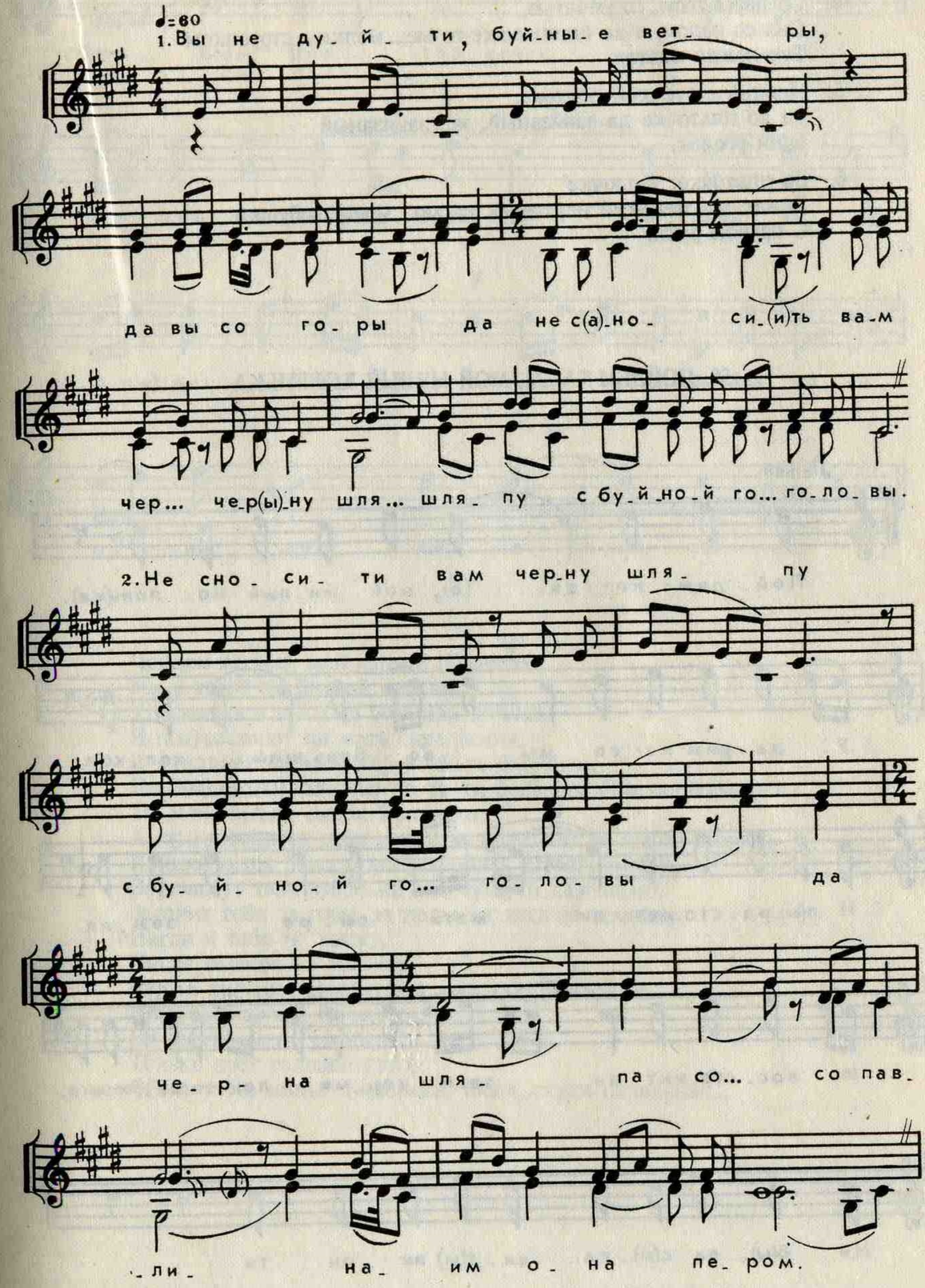
10. Да при квартирушке большой назови меня, милый, душой.
При посте... эх, при постелюшке назови меня, милый, женой.

48. ЧТО ЗА ТРАВЫНЬКА В ПОЛЕ, ЗА МУРАВЫНЬКА



3. Ночь шатается...
   От белой-то зари трава приклоняется,
4. Приклоняется... да еще что это во...
   Во поле за цветики за лазоревы,
5. За лазоревы... они день-то цветут,
   Ноченьку алеются, ночь алеются,
6. Ночь алеются... на белой-то заре
   Цветы голубеются, голубеются,
7. Голубеются... эх, как один-то цветок,
   Цветок поалее всех, поалее всех,
8. Поалее всех... как один-то дружок,
   Дружок помилее всех, помилее всех,
9. Помилея всех... уж я лягу спать,
   Девушке не уснится, мне не уснится,
10. Мне не уснится... хоть и уснится,
    Во сне много видится, много видится,
11. Много видится... как-то мой-от терём,
    Терём растворен стоит, растворен стоит,
12. Растворен стоит... растворен-то терём,
    Тёрем распечатыван, распечатыван.

49. ВЫ НЕ ДУЙТИ, БУЙНЫЕ ВЕТРЫ



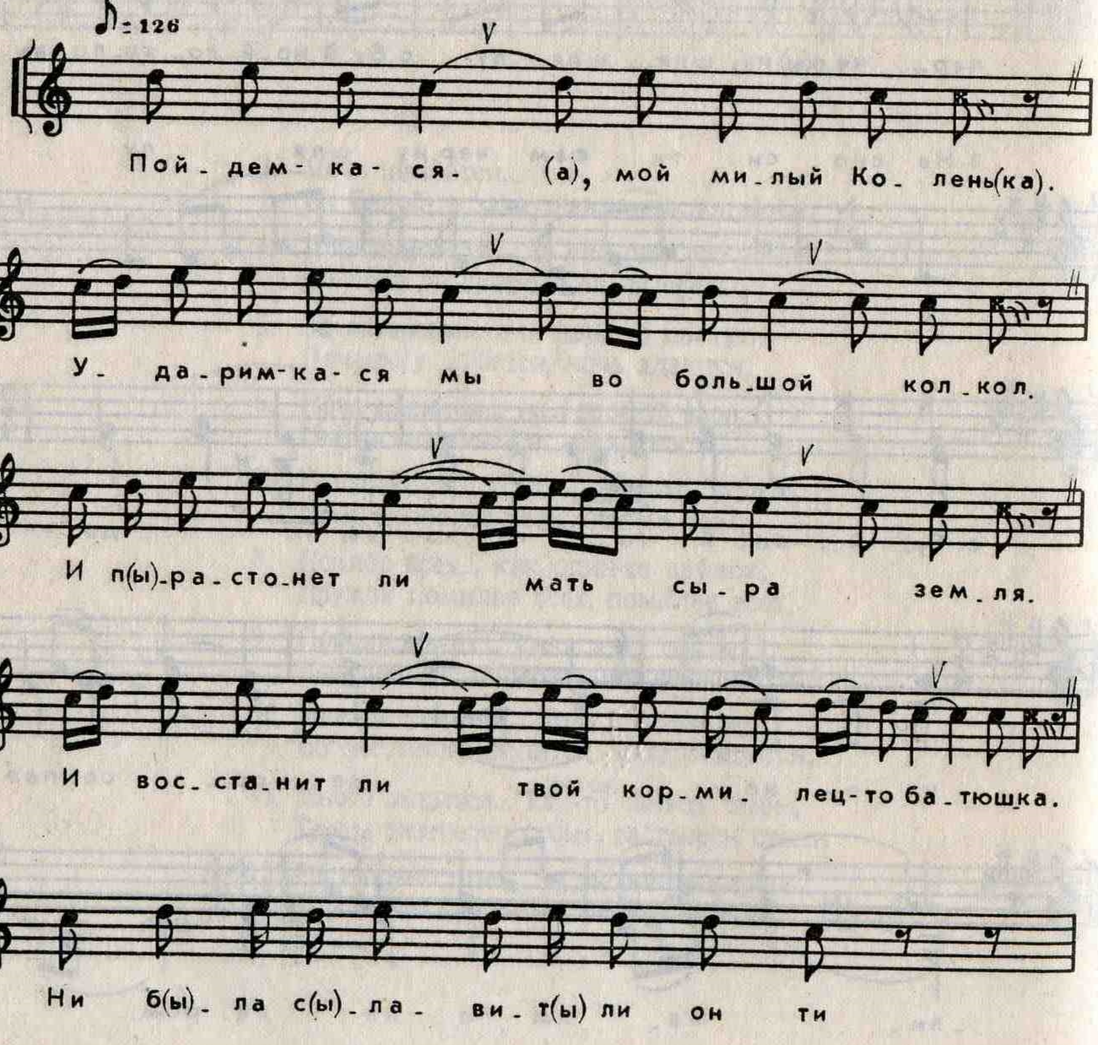
3. Черна шляпа со павлинаим
она пером, со... со перышком она со... со печатью,
она со орлом.

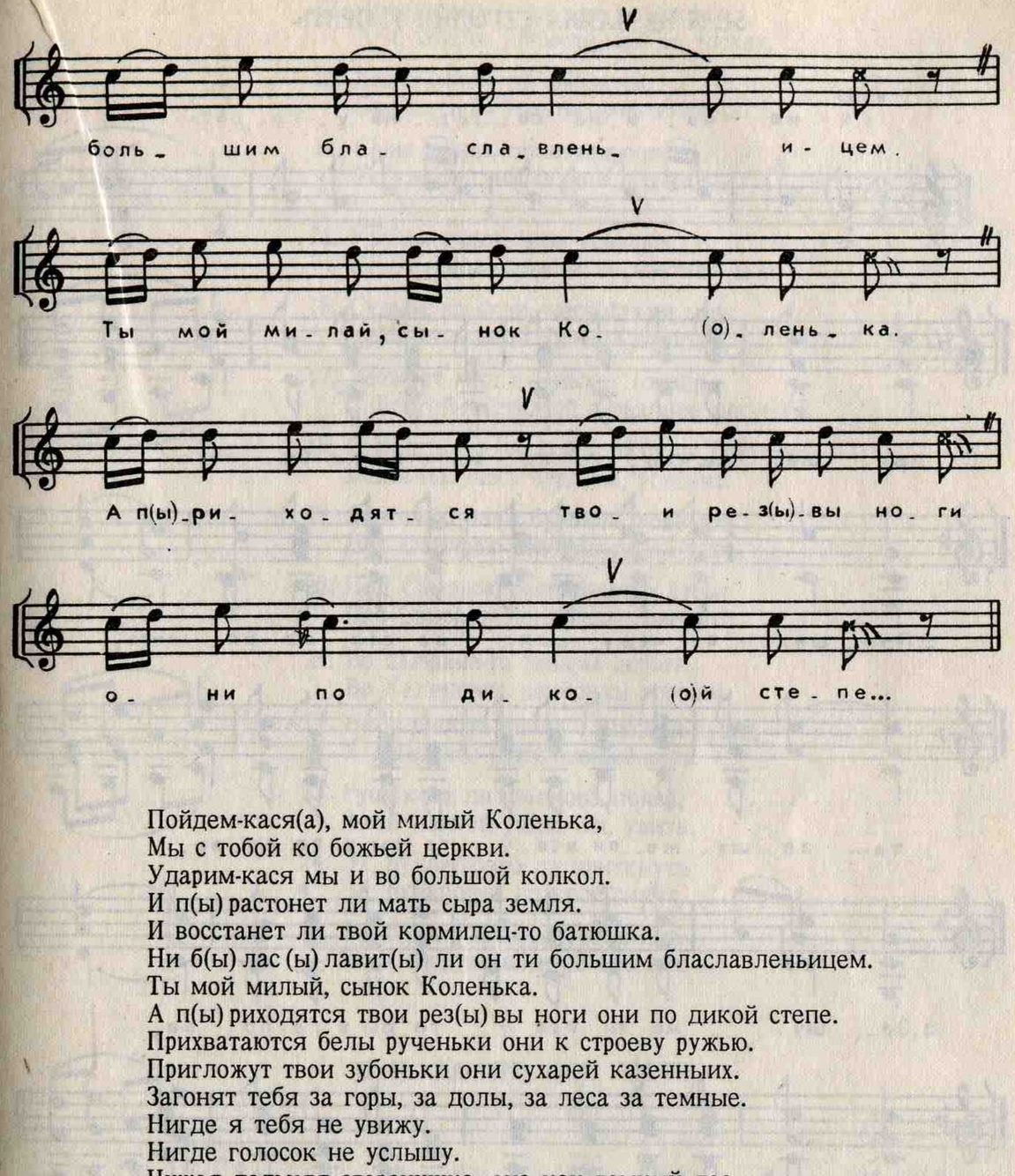
4. Со перышком, со печатью,
Она со орлом, а во шляпыньке-то ме... мелким струечком
Тут лежал платок.

5. Мелкой струечкой платок...
Да во платочке да завязаный, за... завязаный
один уголок.

6. Во платочке, уголочке
Лежал золотенький перстенек да мо... моей любушки
С правою руки.

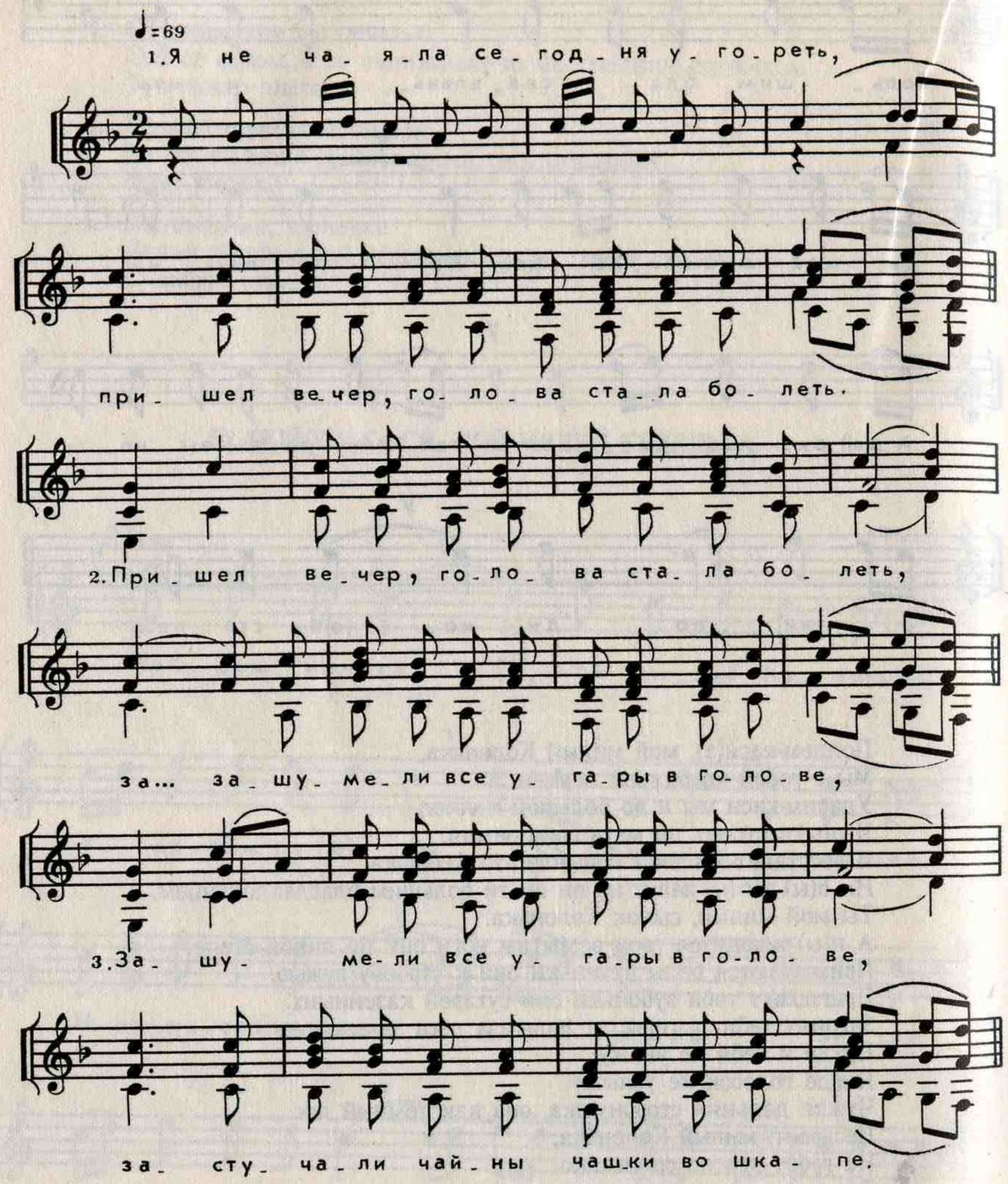
50. ПОЙДЕМ-КА-СЯ, МОЙ МИЛЫЙ КОЛЕНЬКА





Пойдем-кася(а), мой милый Коленька,
Мы с тобой ко божьей церкви.
Ударим-кася мы и во большой колкол.
И п(ы) растонет ли мать сыра земля.
И восстанет ли твой кормилец-то батюшка.
Ни б(ы) лас (ы) лавит(ы) ли он ти большим блаславленьицем.
Ты мой милый, сынок Коленька.
А п(ы) риходятся твои рез(ы) вы ноги они по дикой степе.
Прихватаются белы рученьки они к строеву ружью.
Пригложут твои зубоньки они сухарей казенныих.
Загонят тебя за горы, за долы, за леса за темные.
Нигде я тебя не увижу.
Нигде голосок не услышу.
Чужая дальняя сторонушка, она как темный лес.
Не греет, милый Коленька,
Не греет красно солнышко.
Только дует холоден ветер.
Обоят тебя, милый Коленька, тоска, скука печальная...

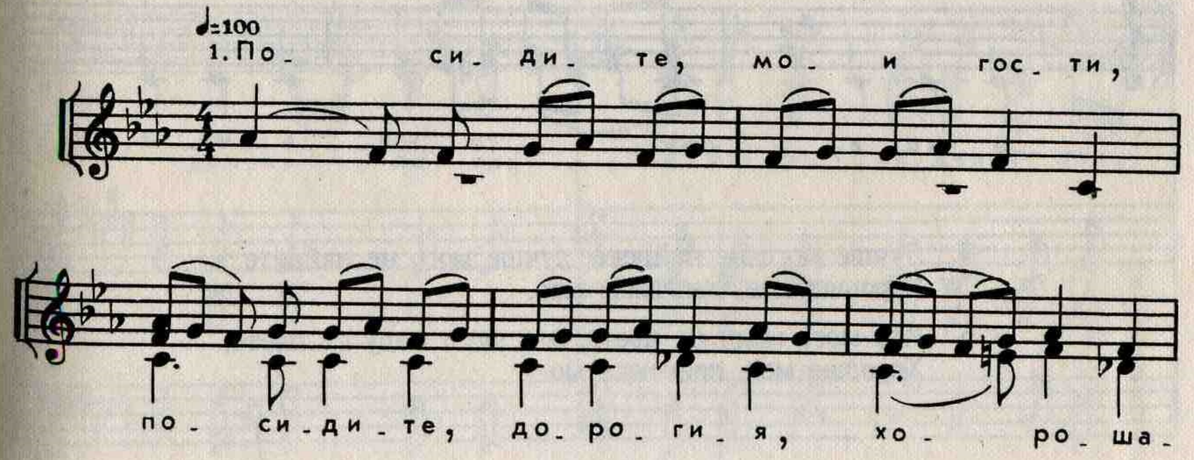
51. Я НЕ ЧАЯЛА СЕГОДНЯ УГОРЕТЬ



4. Застучали чайны чашки во шкапе,
   Что, что ты, душечка, невесело сидишь?
5. Что ты, душечка, невесело сидишь,
   Что вздыхаешь, ничего не говоришь?
6. Что вздыхаешь, ничего не говоришь,
   О... обрати свое прекрасное лицо.
7. Обрати свое прекрасное лицо,
   Е... есть у молодца заветное словцо.
8. Есть у молодца заветное словцо,
   Скажи, девица, красавица моя,
9. Скажи девица, красавица моя,
   Скажи, любишь ли молодца, меня?
10. Скажи любишь ли молодца, меня,
    Без тебя ли, друг, постель холодна.
11. Без тебя ли, друг, постель холодна,
    Одеялице заиндевело.

12. Подушечки потонули во слезах,
    А я, млада, прометалась во тосках.
13. Всю я ночку не сыпаючи,
    Свою... свою участь проклинаючи.
14. Свою участь проклинаючи,
    У... уж ты, участь моя горькая.
15. Уж ты, участь моя горькая,
    Су... судьба горькая несчастная моя.
16. Судьба горькая, несчастная моя,
    Уезжает мил в Низовы города.
17. Уезжает мил в Низовы города,
    С Волгой-матушкой в разливе погулять.
18. С Волгой-матушкой в разливе погулять,
    Волга-матушка бурлива, говорит.
19. Волга-матушка бурлива, говорит.
    Под Самарою разбойнички стоят.
20. Под Самарою разбойнички стоят,
    Про Сызранские товары говорят.
21. Во Сызране-то товары дороги,
    Во Калиновке девчонки хороши.
22. Не нашел я краше Танюшки-души,
    У Танюшки расплетеная коса.
23. Руса коса до шелкова пояса,
    Алой лентой увита ли, увита.
24. Эх, булавочкою да приткнута,
    Эх, булавочка во косе сияет,
25. Эх, булавочка во косе сияет,
    По... подруженьки её все хвалют.

52. ПОСИДИТЕ, МОИ ГОСТИ



-е мо_е, при_ го_жа_е мо_е.

2.И_ ли я го_стям не ра_да,

и_ ли я го_стям не ра_да, хо_ ро_ша_

-е мо_е, при_ го_жа_е мо_е.

3.От ме_ня, гос_ ти, пой_ де_ те д',

о_т(ы)ме_ня, гос_ ти, пой_де_те, хо_ ро_ша_

-е мо_е, при_ го_жа_е мо_е.

4. Лучше мого не найдете, лучше мого не найдете,
Хорошае мое, пригожае мое.

5. Иль мого меду не пьете, иль мого меду не пьете,
Хорошае мое, пригожае мое.

53. ПАСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

I II V VI VII III IV VIII

♩= 132

Па_се_ я_ли

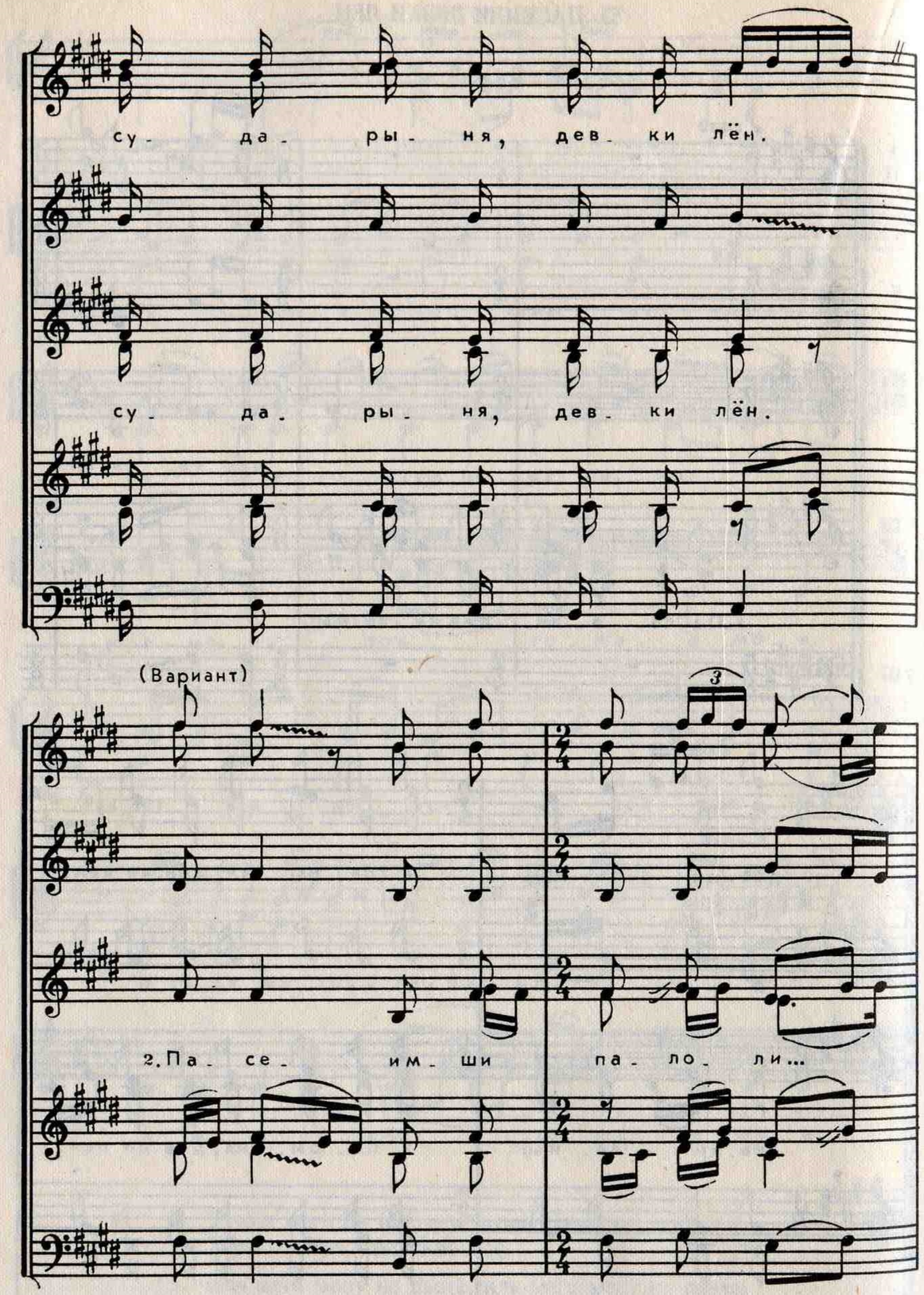
па_се_ я_ли

1.Па_се_ я_ли дев_ки лё_н(ы),

3

дев_ки лё_н(ы) а ба_ры_ ня, дев_ки лен,

дев_ки лё_н(ы) а ба_ры_ ня, дев_ки лен,



Пасеяли девки лен, (2)
А, барыня, девки лен,
Сударыня, девки лен.
Пасеимши, палоли, (2)
А барыня, палоли,
Сударыня, палоли.
Белы ручки калоли, (2)
А, барыня, калоли,
Сударыня, калоли.
Бел (ы)-куд (ы) рявай паринёк, (2)
А, барыня, паренёк,
Сударыня, паренёк.
Павадился ва ленок, (2)
А, барыня, ва ленок,
Сударыня, ва ленок.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕСНЯМ

1. *Летела же пава, середь двора пала.* Зимнее поздравительное величание, исполнялось перед Новым годом девушками. Зап. в с. Коромысловка Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от Е. М. Ананичевой (р. 1901), Е. Д. Мантровой (р. 1891), Е. К. Фадеевой (р. 1901). Зап. и расш. Т. Ананичева. Песня поется довольно мягко, близким звуком в стиле напевной декламации.

2. *Как под белаю, под березою.* Весенняя хороводная песня, см. примеч. 1. С этой песней ходили по кругу. Ее можно разыгрывать солистами и внутри круга. Поется насыщенным, плотным звуком.

3. *Ой, да весна-красна, она без игры прошла.* Весенняя хороводная песня. С ней шли по селу провожать весну. «Пели так, чтобы было дальше слышно». Зап. в с. Орловка Лукояновского р-на Горьковской обл. от Т. П. Крючковой (р. 1900), У. Н. Казаковой (р. 1901). Зап. Т. Ананичева, Н. Филина, Е. Тиглева, расш. Т. Ананичева.

4. *Мы вечор торги торговали.* Весенняя круговая хороводная песня, см. примеч. 1 и 2.

5. *Середи Москвы повалузя стоит.* Весенняя хороводная, пелась вслед за песней «Перевесил наш яровой хмель» («Венки бросим в воду и на повалужку пойдем»). Зап. в с. Топоровка Сосновоборского р-на Пензенской обл. от А. Ф. Бардиной (р. 1909), Е. П. Арефьевой (р. 1899), Е. А. Малинкиной (р. 1902), А. Г. Поповой (р. 1914), А. И. Бардиной (р. 1902), М. В. Малинкиной (р. 1911), А. Н. Малинкиной (р. 1932). Зап. и расш. Т. Ананичева. Перед исполнением певицы договаривались между собой: «Подголосники, садитесь ближе, Клавдя, адя, чтобы хор был податной! Поем песни, кой незнамы, коих в радиве не поют!»

6. *Лесу тёмная, сад зелёная.* Весенняя хороводная песня. В одних селах этой песней открывали весенние гуляния, в других провожали весну, неся с собой березку или елку. Зап. в с. Вачелай (эрзя) Сосновоборского р-на Пензенской обл. от М. Н. Чебаевой (р. 1914), Е. М. Клещёвой (р. 1931), Е. Г. Стёксовой (р. 1930), А. Г. Кочкуровой (р. 1940), А. Р. Колесниковой (р. 1916), Р. М. Малышевой (р. 1936), Д. Д. Клещёвой (р. 1900), М. Ф. Тютиной (р. 1907), О. К. Сергеевой (р. 1931), М. Р. Бозиной (р. 1937). Зап. и расш. Т. Ананичева.

7. *Я у тятеньки, у мамыньки.* Весенняя круговая песня, см. примеч. 1, 2, 4.

8. *По́дойду, по́дойду, я под новый город по́дойду.* Хороводная. Весной с этой песней водили хоровод «стенка на стенку», возможен с ней и круговой хоровод. Зап. в с. Баевка Кузоватовского р-на Ульяновской обл. в 1969 и 1981 г. от Е. М. Бурлаковой (р. 1921), Т. И. Чухониной (р. 1929), А. К. Чухониной (р. 1911), А. Г. Рогашевой (р. 1915), П. И. Городновой (р. 1922), А. Т. Суховой (р. 1937), У. М. Агафоновой (р. 1907), А. Н. Рогашевой (р. 1914), А. А. Тимохиной (р. 1911), Н. И. Егоровой (р. 1914), А. Н. Мольковой (р. 1908), А. С. Рогашевой (р. 1925). Зап. Т. Ананичева, О. Мишина, Т. Бессарабова, Г. Насибулина, расш. Т. Ананичева.

9. *Перевесил наш яровой хмель.* Весенняя хороводная песня, с ней шли бросать венки в воду, см. примеч. 5.

10. *Заинька в огороде.* Хороводная, пели в кругах, провожая весну. Зап. в эрзянском с. Кельдюшево Починковского р-на Горьковской обл. от М. П. Паротькиной (р. 1905), Т. И. Дуцевой (р. 1907), А. Л. Кечемасовой (р. 1912), А. П. Донцовой (р. 1928), У. И. Радаевой (р. 1915), А. Д. Неськиной (р. 1916). Зап. Т. Ананичева, Н. Филина, Е. Тиглева, расш. Т. Ананичева.

11. *Как у терему, да терему.* Свадебная. Пели подруги невесты, когда девушку просватали, невеста при этом плакала: «Свет, ты моя волюшка». Зап. в с. Радищево Кузнецкого р-на Пензенской обл. от А. М. Керсановой (р. 1908), Н. И. Красновой (р. 1908). Зап. и расш. Т. Ананичева.

12. *Как у нас было при вечере.* Свадебная, см. примеч. 5.

13. *Да я по горнице пройду.* Игровая, пели на вечорках перед свадьбой, когда играли в «фантики», см. примеч. 1. Для говора с. Коромысловка характерно оканье и твердое произношение шипящих согласных.

14. *Ехал пан, ехал пан.* Игровая, девушки пели на вечорках: во время исполнения парень ходил по кругу, на последние слова он кланялся, клал шляпу на колени к одной из девушек и садился около нее. Зап. в с. М. Борла Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от Е. А. Головой (р. 1914), Г. В. Платоновой (р. 1912), П. М. Шагаровой (р. 1913), О. П. Никоновой (р. 1929), Н. А. Минеевой (р. 1916), А. В. Мухиной (р. 1902). Зап. Т. Ананичева, И. Ивентьев, расш. Т. Ананичева.

15. *Как у камня было камешка.* Свадебная. Подруги невесты пели родителям жениха, когда приходили к жениху за мылом. Зап. в с. Калиновка Теренгульского р-на Ульяновской обл. от Т. П. Вашуриной (р. 1909), А. Г. Салугиной (р. 1908), Е. Е. Абросимовой (р. 1913), А. В. Бормотиной (р. 1922), А. Ф. Парфёновой (р. 1904), А. Д. Парфёновой (р. 1905), М. Ф. Ивлевой (р. 1904), Ф. И. Курочкиной (р. 1910), Е. М. Бормотиной (р. 1908), Т. С. Фединой (р. 1902), А. Я. Вашуриной (р. 1931), М. С. Бормотиной (р. 1910), С. Ф. Шаробаевой (р. 1909). Зап. О. Мишина, О. Подымова, расш. О. Подымова.

16. *Дорогая наша гостинька.* Свадебная, поют невесте в момент появления поезжан. Зап. в с. Мордовская Темрязань Барышского р-на Ульяновской обл. от Т. И. Климиной (р. 1915), А. Е. Горячкиной (р. 1918), О. К. Ломакиной (р. 1921). Зап. Т. Ананичева, И. Ивентьев, расш. Т. Ананичева.

17. *Вы цветы ль мое лазоревы.* Свадебная, девушки пели невесте, когда шли к жениху за мылом, и во дворе, когда провожали невесту в дом жениха. Пелась песня очень громко, «чтобы было дальше слышно». Особенно пронзительно звучали верхние голоса. Зап. в с. Карачевка Сосновоборского р-на Пензенской обл. от М. В. Клочковой (р. 1912), Е. П. Кузиной (р. 1916), А. Е. Дмитриевой (р. 1912), В. М. Клочковой (р. 1911), Е. Я. Макаровой (р. 1896), Т. Ф. Ивановой (р. 1904), К. М. Макаровой (р. 1929), Н. А. Сияновой (р. 1934). Зап. и расш. Т. Ананичева.

18. *По лугам, лугам зелёнаим.* Свадебная, пели невесте, когда ждали свадебный поезд и когда провожали невесту. Исполнялась звонким, несколько пронзительным звуком. Зап. в с. Порецкое Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от М. М. Клянчиной (р. 1911), Н. И. Клянчиной (р. 1910), А. Ф. Катковой (р. 1905), А. И. Овчаровой (р. 1913), А. И. Кречетовой (р. 1916) в 1970 и 1981 г. Зап. и расш. Т. Ананичева.

19. *Ты река ли, наша реченька.* Свадебная, пели невесте в первую половину свадьбы. Зап. в с. Чириково Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от А. Я. Чугуновой (р. 1896), Г. С. Сдобнякова (р. 1904), О. Я. Сдобняковой (р. 1911). Зап. и расш. Т. Ананичева. Все песни в исполнении этого ансамбля звучали зычно, энергично, напряженно.

20. *Мы не думали, мы не ведали.* Свадебная. Зап. в д. Новиковка Никольского р-на Пензенской обл. Е. Головковой, Н. Зерновой, расш. Н. Алёхина.

21. *Как по саду, саду, садику.* Свадебная, пелась жениху на вечорках и когда поезд приезжал за невестой. Зап. в с. Красная Поляна Барышского р-на Ульяновской обл. от М. В. Маркеловой (р. 1912), А. И. Мясниковой (р. 1923), В. И. Шобановой (р. 1914), А. И. Плоховой (р. 1914), Е. П. Краюшиной (р. 1916), Т. В. Плоховой (р. 1948). В 1971 г. ансамбли этого села пели в двухрегистровой фактуре, в 1984 г. певиц, исполняющих партии верхних голосов, найти не удалось. Зап. Т. Ананичева, Н. Храпов, К. Кузьмич, С. Хруцкая, расш. Н. Храпов.

22. *Как па саду, саду, садику.* Свадебная, пели жениху. Зап. в с. Акшуат Барышского р-на Ульяновской обл. от А. Ф. Воробьевой (р. 1912), М. Я. Платоновой (р. 1909), А. К. Пчаловой (р. 1915), А. П. Молочниковой (р. 1906). В селе акающий говор, мягкая некрикливая манера пения. См. примеч. 21.

23. *Как па саду, саду, саду зеляну.* Свадебная, исполнялась жениху. Зап. в с. Ст. Бекшанка Барышского р-на Ульяновской обл. от М. Г. Вертьяновой (р. 1923), Н. Ф. Кулёвой (р. 1931), Н. Г. Корешкиной (р. 1918), П. С. Каштановой (р. 1903), Е. В. Сыскиной (р. 1909), Н. Г. Скрипкиной (р. 1925), В. Т. Вертьяновой (р. 1912). В селе смешанное русско-мордовское население, акающий говор, поют в экспрессивной манере. Зап. Т. Ананичева, Е. Ананичева, расш. Н. Храпов.

24. *Как сказали, что Иван-ит не грозён.* Свадебная, пели жениху, см. примеч. 23.

25. *Как у месяца золоты рога.* Свадебная, пели жениху. Зап. в с. Лесное Чекалино Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от А. А. Мироновой (р. 1924), И. Ф. Дивногорской (р. 1914), Е. А. Фиёновой (р. 1911), Е. Я. Кондрашиной (р. 1903), Е. Г. Зиминой (р. 1924), Е. Г. Зимина (р. 1924). Зап. Т. Бессарабова, Т. Ананичева, Г. Насибулина в 1971, 1981 г., расш. Г. Насибулина.

26. *Как ва терими гусли лежали.* Свадебная, пели на запое. Зап. в с. Неклюдовка Барышского р-на Ульяновской обл. от О. М. Фроловой (р. 1903), С. В. Балберовой (р. 1911). Зап. Т. Ананичева, Е. Ананичева, расш. Н. Храпов.

27. *Из-за лесу, лесу темного.* Свадебная, пели молодым, см. примеч. 17.

28. *У нас свахынька хорошая.* Свадебная, поют, когда приезжают за невестой, см. примеч. 17.

29. *Сера утица, сера утица, вот стоит одна.* Свадебная. пели гостье-вдове, см. примеч. 17.

30. *Как у голубя, как у сизыва.* Свадебная, величают сродников. Зап. в с. Тарлаково I Кузнецкого р-на Пензенской обл. от М. А. Лощёвой (р. 1922), Л. А. Сергачевой (р. 1921), Л. П. Загрековой (р. 1910). Зап. и расш. Т. Ананичева.

31. *Ты дружко, ох, багати́но.* Свадебная. Зап. в с. Каменная Сарма Бузулукского р-на Оренбургской обл. от И. Н. Бирюковой (р. 1905), М. И. Голубевой (р. 1925), А. Д. Сухаревой (р. 1912). Зап. Т. Ананичева, Е. Милаева, расш. Е. Милаева. В пении, обрядах, культуре села сохраняются южнорусские черты.

32. *Ходит дружка по двору, по двору.* Свадебная, см. примеч. 17.

33. *Уж ты, голубь, голубочек мой.* Свадебная, см. примеч. 15.

34. *Уж ты, вёснушка, наша вёсна.* Протяжная. Пели, когда шли по улице провожать весну. Зап. в с. Волынщина Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от А. М. Горшениной (р. 1912), А. Д. Хлюпневой (р. 1917), А. С. Горшениной (р. 1913), П. Д. Константиновой (р. 1919), Т. Д. Шиляевой (р. 1912). Зап. Т. Ананичева, И. Ивентьев, расш. Т. Ананичева.

35. *Вдоль по улице мы, братцы, пройдем.* Протяжная, с этой песней ходили весной по улице, см. примеч. 1.

36. *Как па улицы у нас, па шведскай.* Протяжная, пели, когда шли провожать весну. Зап. в с. Палатово Инзенского р-на Ульяновской обл. от Н. И. Луниной (р. 1919), К. П. Лукашиной (р. 1907), А. П. Лаптевой (р. 1907), Н. И. Луканиной (р. 1912). Зап. Т. Ананичева, И. Ивентьев, расш. Т. Ананичева.

37. *А туманушки мое, туманы.* Протяжная, см. примеч. 19. Ансамбль поет в экспрессивной манере, каждая гласная произносится предельно четко.

38. *Синяй морюшко всколыхнулося.* Протяжная. Зап. в с. Сухой Карабулак Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл. от М. С. Феоктистовой (р. 1912), А. А. Журавлевой (р. 1914), М. С. Рузановой (р. 1918), К. И. Андрияновой (р. 1922). Зап. Т. Ананичева, А. Товкач, расш. Т. Ананичева.

39. *И как и по морю, морю синенькому.* Протяжная, см. примеч. 25.

40. *Головушка моя горькая.* Протяжная. Зап. в с. Маресево Починковского р-на Горьковской обл. от Е. И. Морозовой (р. 1909), М. А. Силатовой (р. 1908), Е. И. Прошиной (р. 1908), А. И. Волоховой (р. 1906). Зап. Т. Ананичева, Н. Филина, Н. Тиглева, расш. Т. Ананичева.

41. *Ох, рябинушка, бел-кудрявая.* Протяжная. Зап. в с. Валгуссы Инзенского р-на Ульяновской обл. от сестер: Т. Н. Паниной (р. 1920), М. Н. Махровой (р. 1922), А. Н. Чернухиной (р. 1912), П. Н. Сафоновой (р. 1918), Е. Н. Губиной (р. 1925). Зап. Т. Ананичева, И. Ивентьев, расш. Т. Ананичева. В селе акающий говор, как и в селе Палатово; села входили в засечную черту и были заселены служилыми людьми.

42. *Ты дорожка ль моя, да, свет, широкая.* Протяжная. Зап. в с. Елшанка Бузулукского р-на Оренбургской обл. от В. М. Салуяновой (р. 1908), М. Н. Марычевой (р. 1910), Н. М. Вышегородцевой (р. 1927). Зап. Т. Ананичева, Е. Милаева, расш. Е. Милаева.

43. *Поля чистоя турецкая.* Рекрутская. Зап. в с. Новая Тёпловка Бузулукского р-на Оренбургской обл. от Л. И. Калининой (р. 1917). Зап. и расш. Т. Ананичева. В селе живут русские и эрзя.

44. *Эх, как во славном во городе во Астрахани.* Протяжная. Зап. в с. Новоспасское Новоспасского р-на Ульяновской обл. от Е. П. Можаевой. Зап. Л. Куприянова, Т. Новикова, расш. И. Басаргин.

45. *Как отец-то с матерью.* Протяжная. Зап. в с. Ключи Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл. от Т. В. Макаровой (р. 1900), Ф. Н. Чугуновой (р. 1916), А. Е. Трошиной (р. 1919), И. Н. Макарова (р. 1924), А. В. Ильичевой (р. 1912). Зап. Т. Ананичева, А. Товкач, расш. А. Товкач. Село старообрядческое, в репертуаре отсутствуют весенние хороводные песни, в свадьбе прослеживаются южнорусские черты. Манера пения очень экспрессивная, с постоянным глиссандированием.

46. *У того ль я был колодезя.* Протяжная, см. примеч.45.

47. *Уж ты, батюшка мой, да Симбирский городок.* Протяжная. Зап. в с. Русская Бокла Бугурусланского р-на Оренбургской обл. от Г. А. Ножкиной (р. 1928), М. Е. Григорьевой (р. 1930). Зап. и расш. Е. Милаева.

48. *Что за травынька в поле, за муравынька.* Протяжная, см. примеч. 45.

49. *Вы не дуйти, буйные ветры.* Протяжная, см. примеч. 1.

50. *Пойдем-ка-ся, мой милый Коленька.* Плач по рекруту. Зап. в с. Порецкое Кузоватовского р-на Ульяновской обл. от А. К. Юрловой (р. 1896). Зап. и расш. Т. Ананичева.

51. *Я не чаяла сегодня угореть.* Плясовая, исп. на свадьбе, см. примеч. 15.

52. *Посидите, мои гости.* Плясовая, см. примеч. 34.

53. *Пасеяли девки лён.* Плясовая, см. примеч. 23.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин А. Татарские народные песни. М., 1963.

2. Альмеева Н. Проблема музыкального фольклора татар-кряшен//Artes populares, 14. Budapest, 1985.

3. Акцорин В. А. Марийские народные театральные представления//Марийская литература, искусство и народное творчество. Йошкар-Ола, 1966.

4. Ананичева Т. М. Русско-мордовские взаимосвязи в обрядовом фольклоре (функции, поэтика, мелодика)//Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980.

5. Ананичева Т. М. Зимние величально-поздравительные песни с обращениями и рефренами «Таусень» и «Коляда» в русских и мордовских пограничных селах// Традиционное народное музыкальное искусство и современность. М., 1982.

6. Ананичева Т. М. Областные певческие стили: Поволжье: Методические рекомендации для специальности 2106: Народный хор. М., 1989.

7. Астахова А. М. Былинная традиция в Поволжье//Русская народная поэзия: Фольклористические заметки. Горький, 1961. Вып. 1.

8. Бакке В. Песенное творчество латышских переселенцев Ульяновской области//Музыкальный фольклор: Труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1974. Вып. 25.

9. Белицер В. Н., Коткова В. А. Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1964.

10. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973.

11. Борисов А. Г. Исторические и бытовые основы свадебного обряда и свадебных причитаний: Труды НИИ МАССР. Саранск, 1964. Вып. XXVI.

12. Бояркин Н. И. Традиционные стили мокша-мордовского многоголосия// Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980.

13. Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983.

14. Брыжинской В. С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985.

15. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

16. Вопросы башкирской фольклористики: Сб. статей. Уфа, 1978.

17. XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы. Устинов, 1987. Т. I, II.

18. Гацак В. М. Проблемы изучения конкретно-национального и общего в фольклоре//Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия по фольклористике. М., 1986.

19. Герасимов О. Некоторые замечания о музыкальном фольклоре елабужской группы восточных мари//Музыкальное наследие финно-угорских народов/Сост. И. Рюйтель. Таллин, 1977.

20. Герасимов О. К постановке вопроса об этно-музыкальных связях елабужских мари и кряшен//Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами/Сост. И. Рюйтель. Таллин, 1980.

21. Гилярова Н. Н. Новогодние поздравительные песни Рязанской области: Памяти К. Квитки. М., 1983.

22. Гилярова Н. Н. К вопросу типологии свадебных песен рязанской Мещеры// Проблемы стиля в народной музыке: Сб. науч. трудов МГДОЛК им. П. И. Чайковского. М., 1986.

23. Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья//Традиционное народное искусство и современность. М., 1972.

24. Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий//Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980.

25. Гулова Ф. Татарская народная вышивка. Казань, 1980.

26. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР): Карты. М., 1986. Вып. 1: Фонетика (Карты I, II, III, IV),

27. Егорова О. К. Вопросы ладообразования в марийской народной песне// Музыкальная культура народов Поволжья. М., 1979.

28. Енговатова М. Песенный тип «Горы» в протяжных песнях Ульяновского Заволжья//Традиционное и современное народное музыкальное искусство: Труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1976. Вып. XXIX.

29. Жирнова Л. Чувашская хоровая литература. Чебоксары, 1976.

30. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Пг., 1915. Вып. II.

31. Зелинский В. Ф. О формообразовании «протяженных» звуков в башкирском инструментальном фольклоре//Традиционное и современное народное музыкальное искусство. М., 1976.

32. Иванов А. Соотношение категорий «деятельность» и «произведение» в русском календарном фольклоре//Вопросы драматургии в русской и советской музыке: Труды МГДОЛК им. П. И. Чайковского. М., 1980.

33. Иванов И. С. Поэтические особенности марийских свадебных песен//Вопросы марийского фольклора и искусства: МНИИ. Йошкар-Ола, 1980. Вып. 2.

34. Исаев И. О языках народов СССР. М., 1978.

35. Искусство Татарстана: пути становления: Сб. статей. Казань, 1983.

36. Ихтисамов Х. С., Зелинский В. Ф. О собирании башкирского музыкального фольклора//Современность и фольклор. М., 1977.

37. Касьянова А. А. Мордовские эрзянские похоронные причитания//Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977.

38. Кизилов Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984.

39. Кирюшина Т. В. Календарные песни бассейна реки Унжи//Традиционное народное музыкальное искусство и современность. М., 1982.

40. Кондратьев М. Г. К вопросу о типологии чувашской народной музыки// Чувашское искусство: Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 70.

41. Кондратьев М. Г. О некоторых параллелях между чувашскими и марийскими народными песнями//Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980.

42. Кондратьев М. Г. Особенности музыкальной формы песен свадебных гостей верховых чувашей//Чувашское искусство: Сб. статей. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 4.

43. Кривоносов В. М. Краткое описание чувашских музыкальных инструментов и заметки об инструментальной музыке чувашей//Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3.

44. Корепова Г. Е. Новые записи былин в Горьковской области//Фольклор народов РСФСР: Межвузовский сб. Уфа, 1981.

45. Курбатов Х. Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М., 1978.

46. Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974.

47. Лобанов М. А. Песенная культура Горьковской области//Современность и фольклор. М., 1977.

48. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.

49. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981.

50. Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров: Сб. статей/Сост. И. Рюйтель. Таллин, 1986.

51. Музыка народного календаря: Тезисы конференции в г. Куйбышеве. СК РСФСР. М., 1985.

52. Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов: Доклады конференции. Таллин, 1986.

53. Музыка русской свадьбы: Тезисы конференции в г. Смоленске, СК РСФСР. М., 1987.

54. Нигмедзянов М. Н. Татарские народные музыкальные инструменты// Музыкальная фольклористика. М., 1978. Вып. 2.

55. Нигмедзянов М. Н. К характеристике жанров татарских народных песен// Музыка и современность. Казань, 1980.

56. Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. М., 1982.

57. Никитин В. В. Древние культы финно-угров Средней Волги//Вопросы марийского фольклора и искусства: МНИИ. Йошкар-Ола, 1980.

58. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

59. Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы: Сб. статей. Устинов, 1986.

60. Рабинович Б. И. Пастуший барабан — недавно открытый русский народный инструмент//Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3.

61. Родионов В. Г. Чувашское и тюркское стихосложение: Уч. пособие. Чебоксары, 1986.

62. Русский народный свадебный обряд/Исследования и материалы под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л., 1978.

63. Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976.

64. Сальманова Л. К. Свадебные причитания башкир Аргаяшского района Челябинской области//Традиционное народное искусство и современность. М., 1982.

65. Семенов-Тяньшанский П. П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества/Под общим рук. П. И. Семенова. Спб., 1901. Т. V, VI.

66. Современное песенное искусство мордвы/Сост. Н. И. Бояркин: Труды НИИЯЛИ МАССР. Саранск, 1984. Вып. 74.

67. Султангареева Р. А. Об особенностях жанра сенляу//Башкирский фольклор: исследования последних лет. Уфа, 1986.

68. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX — начала XX в. М., 1979.

69. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985.

70. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I; 1966. Т. II; 1971, Т. III; 1973. Т. IV.

71. Филипов Г. А. Татарско-чувашские девичьи хороводы в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии//Инородческое обозрение. Казань, 1915. Кн. 10.

72. Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов: Сб. статей/Сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1986.

73. Халитов Р. Ф. К изучению татарского народного инструментария. Татарские народные духовые музыкальные инструменты//Музыка и современность. Казань, 1980.

74. Хрущева М. Г. О песнях удмуртского календарного праздника портмаськон Увинского района//Финно-угорский музыкальный фольклор. Таллин, 1980.

75. Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы)//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

76. Чугунова Г. Из наблюдений над марийскими свадебными песнями//Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М., 1973.

77. Чуракова Р. Традиционные обрядовые песни южных удмуртов//Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980.

78. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. Спб., 1910.

79. Щуров В. М. О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве//Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3.

80. Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция: Исследование. М., 1987.

81. Янгузин Р. З. Дореволюционные земледельческие обряды башкир//Фольклор народов РСФСР. Межвузовский науч. сб. Уфа, 1980.

Сборники народных песен

82. Акимова Т. М. Фольклор Саратовской области. Саратов, 1946.

83. Ананичева Т. Ах, ты Волга, Волга-матушка: Народные песни Ульяновской области — родины Ильича. М., 1982.

84. Анисимов А. Л. Песни и сказки Пензенской области. Пенза, 1953.

85. Ахметов Х. Башкирские протяжные песни. М., 1978.

86. Балакирев М. Русские народные песни. М., 1957.

87. Банин А. А. Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971.

88. Баранов Ф. Н. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1913.

89. Бояркин Н. И. Памятники мордовского народного музыкального искусства. Саранск, 1981. Т. I; 1984. Т. II.

90. Бромлей К., Темерина Н. Русские народные песни: Сб. для чтения с листа в курсе сольфеджио. М., 1972.

91. Герасимов О. Марийские песни из Татарии и Удмуртии. М., 1978.

92. Гилярова Н. Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М., 1985.

93. Детский фольклор//Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1978. Т. 8.

94. Добровольский Б. М., Колпакова Н. П., Соколов Ф. В., Шаповалова Г. Г. Русские народные песни Поволжья. М.; Л., 1979.

95. Добровольский Б. М., Коргузалов В. В. Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981.

96. Добровольский Б. М., Сойманов А. Д. Русские песни о крестьянских войнах и восстаниях. М.; Л., 1956.

97. Енговатова М. Протяжные песни Ульяновского Заволжья. М., 1981

98. Земцовский И. Образцы народного многоголосия. Л.; М., 1972.

99. Илюхин Ю. А. Чувашские народные песни. Чебоксары, 1969.

100. Исхакова-Вамба Р. Татарские народные песни. М., 1981.

101. Календарно-обрядовые песни и заговоры//Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1982. Т. 7. Ч. 3.

102. Касьянова И., Чувашев Н. Мордовские (эрзянские) причитания. М., 1979.

103. Кондратьев М. Г. Песни низовых чувашей. Чебоксары, 1981. Кн. I; Чебоксары, 1982. Кн. II.

104. Лондонов П., Прохоров Е. Народные песни Пензенской области. М., 1961.

105. Малый П. Русские народные песни Оренбургской области. М., 1980.

106. Мокшанская свадебная поэзия//Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1975. Т. 6. Ч. 2.

107. Мохирев И., Харьков В., Браз С. Народные песни Кировской области. М., 1966.

108. Нестеров А. Народные песни Горьковской области. М., 1972.

109. Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни. М., 1975.

110. Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни. Казань, 1984.

111. Новикова А., Пушкина С. Русские народные песни Московской области. М., 1986.

112. Пальчиков Н. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии Н. Пальчиковым. М., 1988.

113. Песни и сказки Пушкинских мест//Фольклор Горьковской области. Л., 1979. Вып. 1.

114. Померанцева Э. В. Песни и сказки Ярославской области. Яр., 1958.

115. Пушкина С., Григоренко В. Приокские народные песни. М., 1970.

116. Пушкина С. По следам Пальчикова. М., 1978.

117. Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен. М.; Л., 1975.

118. Руднева А., Щуров В., Пушкина С. Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979.

119. Сайдашева З., Ярми Х. Татарско-мишарские песни. М., 1979.

120. Самаренко В., Этингер М. Русские народные песни Астраханской области. М., 1978.

121. Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. 1.

122. Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Л., 1983. Т. 1.

123. Самородов К. Т., Сураев-Королев Г. И. Мокшанская свадебная поэзия//Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1975.

124. Сураев-Королев Г. И. Мордовские народные песни. Саранск, 1969.

125. Травина И. Русские народные песни родины Чайковского. М., 1978.

126. Травина И. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964.

127. Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни. Устинов, 1986.

128. Шаронов А. М., Одинокова Т. И. Исторические песни XVI века//Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1977. Т. 1.

129. Эрзянская свадебная поэзия//Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1972. Т. 6. Ч. 1.

130. Этингер М., Самаренко В. Трудовые рыбацкие песни Волго-Каспия. Астрахань, 1964.

131. Эшпай Я. А. Марийские народные песни. М., 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Глава I

Историко-этнографические сведения – необходимые предпосылки к изучению местных традиций 4

§ 1. К истории формирования населения Среднего Поволжья 4
§ 2. Описание некоторых этнографических особенностей народов Среднего Поволжья 14

Глава II

Формы бытования музыкального фольклора 20

§ 1. Музыкальные инструменты и инструментальная музыка 21
§ 2. Система жанров песенного фольклора Среднего Поволжья 23
§ 3. Зимние календарные обряды и песни, сопровождающие их 26
§ 4. Весенне-летние обряды земледельческого календаря и приуроченные к ним песни 31
§ 5. Типы построений, виды и сюжеты волжских хороводов, хороводные песни 39
§ 6. Особенности свадебных обрядов в селах Среднего Поволжья. Традиционные свадебные песни 45
§ 7. Особенности бытования протяжных песен 66

Глава III

Музыкально-стилевые особенности традиционных волжских песен 69

§ 1. Поэтика песенных текстов 69
§ 2. Музыкальная и стиховая ритмика волжских песен 72
§ 3. Формы песенных текстов и напевов 78
§ 4. Ладовые и мелодические особенности волжских песен 81
§ 5. Типы ансамблей, особенности фактуры, тесситура голосов 84
§ 6. Специфические приемы исполнения и особенности местного диалекта .. 89

Нотное приложение 95

Рекомендуемая литература 171

Монография

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА АНАНИЧЕВА,
ЛАРИСА ФЕДОРОВНА СУХАНОВА

ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ПОВОЛЖЬЯ

Редакторы *А. Трейстер, С. Фильштейн.*
Худож. редактор *А. Головкина.*
Техн. редактор *Т. Сергеева.* Корректор *Г. Мартемьянова.*

ИБ № 3989

Подписано в набор 13.03.89. Подписано в печать 14.03.91. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем печ. л. 11,0.
Усл. п. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 11,25. Уч.-изд. л. 11,20. Тираж 3000 экз. Изд. № 14423. Зак. № 38.
Цена 1 р. 70 к.

Издательство „Музыка", 103031, Москва, Неглинная, 14

Московская типография № 6 Госкомпечати СССР,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24